В. П. Козлов · Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»

В. П. Козлов

Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт истории СССР

В. П. Козлов

Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»

Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в.

Ответственный редактор
доктор исторических наук
В. И. Буганов

МОСКВА «НАУКА» 1988

ББК 63.3(0)52
К59

Рецензенты:
член-корреспондент АН СССР Л. А. Дмитриев,
доктор исторических наук С. О. Шмидт

Козлов В. П.

К59 Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в.— М.: Наука, 1988.— 272 с. ил.
ISBN 5—02—009467—6

Вопросы открытия и подготовки первого издания «Слова о полку Игореве» освещаются на основе ранее неизвестных архивных документов, в том числе и самых ранних — цитаты из «Слова» и характеристики этой древнерусской поэмы, относящихся к 1787—1788 гг. Книга впервые дает широкую панораму общественно-политических воззрений кружка А. И. Мусина-Пушкина, показывает его вклад в изучение отечественной истории в конце XVIII — начале XIX в.

Для историков.

К $\frac{0505010000—266}{042(02)—88}$ 45—88—IV ББК 63.3(0)52

Научное издание

Козлов Владимир Петрович

Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве»
Новые страницы истории древнерусской поэмы в XVIII в.

Утверждено к печати Институтом истории СССР Академии наук СССР

Редактор издательства Е. Д. Евдокимова
Художник Б. К. Шаповалов. Художественный редактор В. В. Алексеев
Технический редактор Л. Н. Золотухина
Корректоры Л. И. Кириллова, Л. В. Щеголев

ИБ № 38025

Сдано в набор 07.05.88. Подписано к печати 10.08.88. А-10599
Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная
Печать высокая. Усл. печ. л. 14,28. Усл. кр. отт. 14,6. Уч.-изд. л. 16,7
Тираж 7000 экз. Тип. зак. 1624. Цена 1 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

ISBN 5—02—009467—6

Введение

Предлагаемая книга рассказывает о малоизвестных вопросах истории открытия и первого издания «Слова о полку Игореве» — величайшего памятника отечественной культуры, 800-летие создания которого отметила мировая общественность. В 1988—1990 гг. исполняется 200 лет введения его в научный оборот. Двухсотлетнее внимание к древнерусской поэме не просто один из фактов историографии. Этот факт является неотъемлемой самостоятельной и, может быть, одной из самых ярких страниц в истории отечественной культуры, науки, общественно-политической мысли. В этой странице особое место занимают ее начальные строки. Увидеть поэму глазами ее первооткрывателей и современников этих первооткрывателей, всех тех, кто имел счастливую возможность читать погибшую рукопись, листать и изучать другие раритеты утраченных в огне московского пожара 1812 г. библиотеки и рукописного собрания А. И. Мусина-Пушкина — значит понять многие загадочные, малоизвестные, спорные обстоятельства и сюжеты, связанные с ее открытием, подготовкой к изданию, прямо или косвенно углубить наши представления о тех канонических древнерусских текстах «Слова о полку Игореве» и их «переложениях» XVIII в., которые имеются в нашем распоряжении в настоящее время. Первые известия о поэме, первые исследования ее драгоценны для нас малейшими, подчас небрежными, свидетельствами о самой утраченной рукописи, истории ее бытования по меньшей мере в последние десятилетия XVIII в. Все это имеет как общекультурное, так и специальное научное значение.

Можно смело сказать, что ни одному другому памятнику, открытому в XVIII в., ни одной другой публикации, осуществленной в то время, не посвящено столько исследований, сколько посвящено «Слову о полку Игореве». И это соответствует не только уникальности самого памятника, порождающей естественный интерес к малейшим деталям, связанным с его бытованием, но и,

теперь мы можем говорить об этом с уверенностью, той огромной работе, которая была проделана по его изучению в первые годы после открытия и в процессе подготовки к первому изданию. Эта работа стала одним из самых заметных событий в истории отечественной историографии, археографии, других исторических дисциплин рубежа XVIII—XIX вв.

В настоящее время в исследовании очерченного круга вопросов сделано немало, особенно в последние десятилетия. Много стало известно о процессе подготовки так называемых екатерининских бумаг по «Слову о полку Игореве», переводов поэмы XVIII в., ее первого издания в 1800 г. Разработаны принципы передачи древнерусского текста памятника на различных этапах работы с ним в XVIII в., исследованы ряд источников комментариев и примечаний, имеющихся в материалах XVIII в. по «Слову о полку Игореве», мнения о поэме Н. М. Карамзина, М. М. Хераскова, А. Ф. Малиновского, А. И. Ермолаева, Р. Ф. Тимковского, Евгения Болховитинова, других современников открытия и издания памятника и его возможных «самовидцев». Высказан ряд плодотворных гипотез и предположений о бытовании поэмы до ее открытия, об обстоятельствах ее приобретения А. И. Мусиным-Пушкиным и т. д. В задачи настоящей книги не входит специальный историографический анализ литературы по всем этим вопросам, хотя в необходимых, по мнению автора, случаях делаются историографические экскурсы, даются оценки сделанным находкам, гипотезам с неизбежными по ряду сюжетов элементами полемики.

Важно подчеркнуть, что в основе изучения истории бытования поэмы в XVIII в. долгое время лежал традиционно известный еще с начала XIX в. круг источников. Поэтому каждая новая находка ранее неизвестных материалов, имеющих отношение к теме нашей книги, неизменно вызывала широкий общественный резонанс. В последние годы мы стали очевидцами ряда таких находок, связанных в первую очередь с именами Л. А. Дмитриева, Г. Н. Моисеевой, Ф. Я. Приймы и других исследователей [1]. В этом отношении посчастливилось и автору настоящей книги. В ее основе лежат обнаруженные материалы, в том числе оставшиеся вне внимания исследователей документы так называемого «Борисоглебского архива» рода Мусиных-Пушкиных, хранящиеся в ЦГАДА, проливающие новый свет на

историю открытия, первых изучений, последующую судьбу древнерусской поэмы. Предварительные сообщения о некоторых из них были опубликованы [2].

В процессе изучения найденных материалов автора постоянно занимал вопрос, почему столь тесно оказалась связана судьба древнерусской поэмы именно с Мусиным-Пушкиным, была ли в данном случае счастливая случайность, затем приведшая к трагической для отечественной культуры и науки развязке, или определенная закономерность, в которой открытие «Слова о полку Игореве» пусть наиболее яркий, но всего лишь один из многих эпизодов деятельности Мусина-Пушкина как любителя отечественной истории. Поиск ответа на эти вопросы неизбежно приводил к мысли о необходимости поставить открытие памятника и его первые изучения в более широкий контекст жизни и деятельности людей, оказавшихся причастными к поэме, того окружения Мусина-Пушкина, которое еще с дореволюционных пор обозначается в историографии понятием «кружок А. И. Мусина-Пушкина».

Это понятие в значительной мере условно. Речь идет о типичном для дворянской России конца XVIII — начала XIX в. неофициальном объединении лиц одного сословного круга, близких общественно-политических убеждений и интересов.

Как можно понять из сохранившихся источников, организационными центрами этого объединения были петербургский, а затем московский дома крупного государственного деятеля России конца XVIII в. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, находившиеся соответственно на Мойке и на Разгуляе. Здесь и происходили собрания близких ему людей: писателя Ивана Перфильевича Елагина, историков Ивана Никитича Болтина, Николая Михайловича Карамзина, историков-архивистов Николая Николаевича Бантыш-Каменского, А. Ф. Малиновского и др.

На таких собраниях обсуждались исторические и лингвистические проблемы, а также основные труды кружка как коллективного, так и индивидуального характера. Разумеется, не следует преувеличивать ни организационного, ни идейного единства этого объединения. Оно скорее всего напоминало светский салон высокопоставленных государственных деятелей, объявивших себя «в свободное от должности время» скромными «любителями отечественной истории». Именно послед-

нее является той основой, которая и позволила говорить о кружке Мусина-Пушкина как неофициальном научном объединении, определившем своей главной задачей исторические «упражнения».

В истории отечественной общественной мысли, культуры, историографии деятельность кружка «любителей российских древностей», возглавленного Мусиным-Пушкиным, занимает особое место. Вслед за своими выдающимися соотечественниками В. Н. Татищевым, М. В. Ломоносовым, Н. И. Новиковым сотрудники Мусина-Пушкина оказались в России в числе тех, кто увидел в прошлом мощный источник патриотизма, кто попытался вооружить современников историческими знаниями и использовать эти знания в общественной борьбе тех лет.

Провозгласив девизом своей деятельности преодоление «неведения» в национальной истории и разоблачение «заблуждений» в ее освещении в отечественной и зарубежной историографии, кружок Мусина-Пушкина сосредоточил свои усилия на разрешении одной из важнейших проблем историографии конца XVIII — начала XIX в.: организации источниковой базы национальной истории, выявлении проверенных на основе научных представлений своего времени свидетельств о прошлом России. Сотрудники Мусина-Пушкина оказались в первых рядах тех, кто сумел осознать необходимость разыскания и введения в общественный оборот исторических источников. В этом деле они оказались счастливыми первооткрывателями уникальных древностей: «Слова о полку Игореве», Лаврентьевской летописи, Тмутараканского камня с древнерусской надписью XI в., так называемого сребренника князя Ярослава. Таков далеко не полный перечень сделанных кружком находок, большая часть которых вместе с сотнями других рукописей и книг, собранных членами кружка Мусина-Пушкина, оказалась утраченной в московском пожаре 1812 г. Благодаря трудам самого яркого члена кружка — Болтина в России вслед за Татищевым, Ломоносовым и Миллером «историописательство» как особый жанр литературно-публицистических и риторических упражнений приобрело характер научного творчества, основанного на определенной системе принципов и методов особой формы познания — «познания исторического».

В дореволюционной и советской историографии кружку как неформальному общественному объедине-

нию уделено гораздо меньше внимания, чем его отдельным сотрудникам. В настоящее время мы имеем исследования, посвященные И. Н. Болтину[3], И. П. Елагину[4], А. И. Мусину-Пушкину[5], конкретным сторонам деятельности кружка, в первую очередь собиранию источников, его отдельным публикациям[6]. Лишь в последние годы в работах прежде всего Г. Н. Моисеевой обнаруживается новый подход — рассмотрение в совокупности всей работы Болтина, Елагина, Малиновского, Бантыш-Каменского и других сотрудников Мусина-Пушкина в области изучения отечественной истории и организации источниковой базы как целостного явления в истории отечественной мысли, пронизанного общими идейными соображениями и подчиненного решению единых задач. В некоторой степени этому способствовало хотя и медленное, но закономерное расширение источниковой базы о деятельности кружка в целом и его отдельных членов, а также более углубленный анализ традиционно известных материалов о той или иной стороне ученых упражнений сотрудников Мусина-Пушкина.

И все же даже сейчас нельзя сказать, что мы имеем достаточно ясное представление о деятельности кружка, в том числе и его работе над «Словом о полку Игореве». Основная причина этого хорошо известна: в московском пожаре 1812 г. погибла не только коллекция древностей Мусина-Пушкина и его сотрудников, но и архивы самого графа, Болтина и Елагина. Скудость сохранившихся источников, их неопределенность, а подчас и противоречивость в освещении целого ряда вопросов породили немало взаимоисключающих версий и гипотез, в которых нередко идол концепции заслоняет реальные факты, порождает произвольную игру воображения.

Настоящая книга не претендует на полное и окончательное рассмотрение всех вопросов, связанных с деятельностью кружка Мусина-Пушкина. Автор старался донести до читателей не только свои наблюдения и выводы, но и в меру своих возможностей показать приемы их обоснования. Поскольку и ему в предварительных публикациях по освещаемой теме в ряде случаев не удалось преодолеть идол концепции, в работе над книгой он не стремился к однозначности решения целого ряда проблем.

[1] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960; *Он же.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 406—429; *Моисеева Г. Н.* Новые материалы по истории Апостола 1307 г. с цитатой из «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4. С. 128—132; *Она же.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984; *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980; *Соловьев А. В.* Ростовские хронографы и Хронограф Спасо-Ярославского монастыря // Летописи и хроники. М., 1974. С. 354—359; *Творогов О. В.* К вопросу о датировке мусин-пушкинского сборника со «Словом о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1976. Т. 31. С. 137—164; *Калугин В. В.* Об одном источнике «Келейного летописца» Дмитрия Ростовского // Археографический ежегодник за 1982 г. М., 1983; *Караваева Е. М.* Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 года // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 82, 83; *Филипповский Г. Ю.* Дневник Арсения Верещагина: (К истории рукописи «Слова о полку Игореве») // Вестник МГУ. Филология. 1973. № 1. С. 63—68; *Мыльников А. С.* «Слово о полку Игореве» и славянские изучения конца XVIII — начала XIX в. // Вопросы истории. 1981. № 8. С. 35—48.

[2] *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 86—101; *Он же.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 23—31; *Он же.* Об одном хронографе из собрания А. И. Мусина-Пушкина // Летописи и хроники, 1984: Сб. статей. М., 1984. С. 113—120; *Он же.* Доказательство «Словом» И. П. Елагина // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 85—97; *Он же.* Малоизвестная рукопись И. Н. Болтина — источник первых комментариев «Слова о полку Игореве» // Русская речь. 1986. № 2. С. 91—99; и др.

[3] *Николаева А. Т.* Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 175—182; *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. Здесь и далее мы не указываем общеизвестные курсы и обобщающие исследования по историографии, в которых рассматривается жизнь и деятельность Болтина и его друзей.

[4] *Максимов К. С.* Общественная деятельность И. П. Елагина: Социально-политический анализ: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

[5] Наиболее полным исследованием о Мусине-Пушкине остается дипломная работа А. И. Аксенова «А. И. Мусин-Пушкин — источниковед и археограф» (М., 1969), защищенная в МГИАИ. См. также: *Дмитриев Л. А.* Первые издатели «Слова» // Вестник АН СССР. 1976. № 4. С. 97—103.

[6] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник: 1983. Л., 1985. С. 14—26; *Она же.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII в. Л., 1980. С. 100—125.

Глава первая

Кружок А. И. Мусина-Пушкина и малоизвестные труды его сотрудников

Возникновение кружка и его деятельность по изучению отечественной истории невозможно понять без учета политизации истории и идеологизации исторических знаний, которые были характерны для России последних десятилетий XVIII — первых десятилетий XIX в., с одной стороны, и сложившейся в то время системы организации исторических исследований — с другой. Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, Великая Французская революция, наполеоновские войны, Отечественная война 1812 г., обострение социально-экономических противоречий в стране, рост национального самосознания были лишь частью тех крупных событий и явлений, которые наложили неизгладимый отпечаток на общественную мысль России конца XVIII — начала XIX в. Для осмысления происходившего явно не хватало того материала, который предоставляла современность. Его начинали черпать в прошлом, находя там поучительные примеры. Историзм мышления, мироощущения постепенно становился, может быть, наиболее примечательной чертой общественного сознания. В конце XVIII — начале XIX в. русская история благодаря прежде всего сочинениям П.-Ш. Левека и Н.-Ж. Леклерка, вышедшим во Франции, стала широко известна европейским читателям. В результате и русские читатели получили возможность посмотреть на отечественную историю глазами французских просветителей. Необычность для самодержавно-крепостнической России оценок русского прошлого и настоящего поражала, побуждая к размышлениям и спорам.

Разумеется, у разных классов и классовых группировок России историзм не мог быть единым: слишком велика была разница между, например, убеждениями Н. И. Новикова и Екатерины II, А. Н. Радищева и

М. М. Щербатова, а в более позднее время — между декабристами и Н. М. Карамзиным. Поэтому прошлое не меньше, чем настоящее, становится своеобразным «полем сражения». Но, может быть, для дальнейших судеб исторической науки более важным оказалось другое. В сражениях вокруг прошлого, сражениях, подчас возникавших под непосредственным воздействием проблем настоящего, происходило постепенное обновление исторического мышления, его освобождение от теологических схем, феодальных постулатов, в первую очередь идей самодержавия и крепостничества, а также литературного украшательства, фантастических построений и домыслов. Историческое мышление все больше обнаруживало стремление к типологизации прошлого, исходило из требования его изучения на основе проверенного корпуса свидетельств, извлекаемых из источников с помощью специальных методов их анализа, в первую очередь основанных на правилах логики.

Усиление социальной роли исторических знаний в конце XVIII — начале XIX в. сопровождалось совершенствованием организации исторических разысканий. Оно отразило, с одной стороны, отчетливое стремление к государственному регулированию исторических исследований в интересах абсолютизма, стремившегося захватить инициативу в этой важной сфере общественной мысли, с другой — попытки, подчас успешные, демократического лагеря русского общества ликвидировать или нейтрализовать монополию феодального мировоззрения в изучении истории. Между этими двумя тенденциями, нередко внутри их, мы видим более частные движения, всего лишь примыкающие к ним, нередко обособленные друг от друга, имевшие давние исторические традиции и новые, присущие только общественному развитию России конца XVIII — начала XIX в.

В литературе подробно охарактеризована организация исторических исследований и их результаты в рассматриваемое время на базе Петербургской Академии наук и университетов. Поэтому в настоящей работе мы не будем специально останавливаться на этом, отметим только ряд моментов. В Академии наук после смерти М. В. Ломоносова и Г. Ф. Миллера и отъезда на родину, в Германию, А. Л. Шлецера не оказалось лиц, способных занять должности академика и адъюнкта по истории. Лишь в 1798 г. здесь был воссоздан разряд «истории и древностей» для французского историка

Ж.-В. Вовилье, избранного по приказу Павла I в академики, и библиотекаря Академии И.-Г. Буссе, назначенного адъюнктом по истории. Новый устав Академии 1803 г. закрепил за ней задачу усовершенствования «истории, статистики и экономии политической». Ее должны были решать состоявшие в штате Академии экстраординарный и ординарный академики, адъюнкты, члены-корреспонденты, а также почетные члены. Несмотря на то что устав при их выборе отдавал предпочтение русским ученым, в рассматриваемое время в составе Академии по историческому разряду преобладали иностранцы. Должности академика по истории занимали И.-Г. Стриттер, Ж.-В. Вовилье, Ф. И. Круг, А. Х. Лерберг (последние два предварительно занимали должности адъюнктов и экстраординарных академиков), должность адъюнкта — И.-Г. Буссе. К ним надо добавить А. К. Шторха и Ф. И. Германа, числившихся ординарными академиками по разряду политической экономии и статистики, Г. Ю. Клапрота — экстраординарного академика по восточным языкам и словесности, Х. Д. Френа — ординарного академика по восточным древностям, Е. Е. Кёлера и Ф. Б. Грефе — сначала членов-корреспондентов, а затем ординарных академиков по греческой и римской словесности, языку и древностям. Среди почетных членов были приглашенные из Германии Ф. П. Аделунг и Ф. Г. Баузе.

Русские ученые-историки числились среди почетных членов (Н. М. Карамзин, С. С. Уваров, А. Н. Оленин), членов-корреспондентов (А. Фомин, Ф. О. Туманский, В. В. Крестинин, Г. И. Спасский, С. В. Липовцов, П. Каменский) и адъюнктов (Я. О. Ярцев).

Большинство ученых-иностранцев до избрания в Академию имели высокую научную репутацию в различных областях истории, исключая русскую. Эту репутацию они поддерживали и будучи сотрудниками Академии, старательно выполняя требование устава о ежегодном предоставлении соответствующего их должностям количества «диссертаций». Своими исследованиями по вопросам генеалогии, хронологии, исторической географии, нумизматики они снискали заслуженный авторитет и в России. Однако в целом их деятельность была пропитана высокомерием к русской истории и недоверием к возможностям русских исследователей [1]. В конце XVIII — начале XIX в. Академия не стала центром научной разработки истории и не организовала всех, кто

в то время занимался изучением прошлого. Наиболее важные работы Академии по отечественной истории в рассматриваемый период были связаны с именами ее русских членов-корреспондентов (Крестинина, Фомина, позже Спасского) и русских академиков по естественнонаучным разрядам (С. Я. Румовского, И. И. Лепехина и др.).

Создание Московского, а в начале XIX в. и других университетов со специализированными историческими кафедрами открыло широкие возможности для развития исторической науки. Однако они не были реализованы в полной мере. Во-первых, из-за недостатка кадров в течение нескольких лет оставались вакантными исторические кафедры: в Харьковском университете до 1807 г. — русской истории, в Дерптском в 1812—1823 гг.— всеобщей истории, с 1820 г.— русской истории, в Вильнюсском в 1805—1815 гг.— кафедра истории. Лишь в Московском университете, где преподавали А. А. Барсов, Х. А. Чеботарев и Н. Е. Черепанов, в этом отношении существовали преемственность и стабильность. Стремясь ликвидировать дефицит в кадрах, правительство Александра I приняло решение прибегнуть к вынужденной мере — приглашению иностранных профессоров, в результате чего почти половина преподавателей исторических кафедр были иностранцами. Такие известные ученые, как Х. А. Шлецер, И. Е. Нейман, Х. Д. Френ и Г. Эверс, активно занялись изучением русской и всемирной истории. Но наряду с ними были и откровенно бездарные, равнодушные к делу люди, ограничившие свою деятельность скучным преподаванием и обязательными, но бесцветными речами в ежегодных университетских собраниях.

Во-вторых, в соответствии с университетскими уставами, профессорско-преподавательский состав исторических кафедр основные усилия сосредоточил на подготовке компилятивных курсов, учебных пособий, не претендовавших на самостоятельность научных изысканий. Мало заметный след в историографии этого времени оставили и защищенные диссертации.

Хотя университеты в рассматриваемое время не стали, как и Академия наук, центрами исторических исследований в стране, в них постепенно подготавливались условия для создания национальных кадров историков, обеспечивших в дальнейшем подъем отечественной исторической науки. Именно здесь мы видим первые ростки

научных исторических школ: в Московском университете — М. Т. Каченовского и Р. Ф. Тимковского, в Вильнюсском университете — И. Н. Лобойко, в Харьковском — И. Н. Даниловича, Г. П. Успенского, П. П. Гулак-Артемовского. Даже в Казанском университете И. Ф. Яковкин, в сущности бесцветный профессор истории, сумел подготовить себе смену.

Решение задач в области изучения отечественной и всемирной истории, которое оказалось не под силу Петербургской академии наук и университетам, попыталась взять на себя созданная в 1783 г. Российская академия. Несмотря на то что ее устав в качестве главных упражнений объявлял прежде всего «усовершенствование» литературы и языка, первый президент Российской академии Е. Р. Дашкова заявляла, что и «древности, памятники отечественной истории, история представляют собой поле для возделывания» [2]. К этому же призывали и преемники Е. Р. Дашковой — П. П. Бакунин и А. А. Нартов. Нартов предложил широкую программу издания переводов «знаменитых классических древних и новейших писателей», имея в виду и труды греческих и римских историков. Он выдвинул также идею сочинения похвальных слов «особам, знаменитыми подвигами своими бессмертную славу снискавшим»,— риторических произведений, посвященных жизни и деятельности исторических лиц. Наконец, в периодических изданиях Академии, по мысли Нартова, должны были помещаться исследования, «объясняющие российские древности», а также «частные описания достопамятностей российской истории и знаменитых новейших происшествий» [3].

Объективная потребность организации центра исторических исследований в масштабах страны дала основание комиссии, разрабатывавшей в начале XIX в. новый устав Российской академии, включить в его проект положение, по которому исторические занятия членов Российской академии объявлялись если не в качестве главной, то одной из важнейших задач. «История отечественная,— говорилось в проекте устава,— один из главных предметов Академии, есть верховный труд, ожидающий писателя. Академия тщательно да приймет все опыты, в общей или частной истории отечества предпринимаемые, да начертает путь и способствует любителям показанием источников, средств и затруднений, так как и образа писания» [4]. Вновь, как и у Нар-

това, проект устава предполагал написание исторических похвальных слов, издание трудов древних историков и исторических источников.

Реализация этих положений могла бы превратить Российскую академию в подлинный национальный центр исторических исследований, но проект устава не был утвержден. С началом президентства Шишкова замысел организации на базе Российской академии исторических разысканий был окончательно похоронен. Академия стала оплотом нового президента в его попытках отстоять свою теорию развития русского языка. Разработанный Шишковым и утвержденный в 1818 г. новый устав Академии связал исторические изыскания только с комментированием отечественных исторических памятников [5].

Но не только в уставных положениях отразился отход Российской академии от исторических занятий. Ее состав, хотя и включил известных в то время историков (в том числе Мусина-Пушкина и его сотрудников), был социально замкнутым. Членство в Академии считалось почетным общественным признанием, поэтому мы видим здесь преимущественно представителей высшей светской и духовной бюрократии. Шишков к тому же рассматривал ее как административную инстанцию по делам литературы и языка. Требование «литературного совершенства» представляемых в Академию сочинений, в том числе и исторических, позволило ей широко применять свои административные функции. Ссылки на несовершенство языка и стиля являлись нередко поводом для того, чтобы не допустить издания того или иного сочинения. Именно так случилось, например, с широко задуманным историко-литературным предприятием — организацией написания исторических похвальных слов. Академия сыграла определенную роль в этом направлении, объявив специальные конкурсы на лучшие из них. Но мелочные придирки к «риторической части» представленных сочинений об Иване Грозном, Алексее Михайловиче, Петре I, Екатерине II, К. З. Минине и Д. М. Пожарском исключили возможность их опубликования.

Более заметной оказалась переводческая деятельность Академии. Ею подготовлены переводы многих античных авторов.

Со второй половины XVIII в. в России не раз пред-

принимались попытки возрождения распространенной, как свидетельствуют недавно введенные в научный оборот неопубликованные материалы А. С. Лаппо-Данилевского [6], формы организации исторических исследований. Речь идет об официальных поручениях конкретным лицам по созданию исторических сочинений. В 1768 г. звание историографа получил князь М. М. Щербатов вместе с разрешением пользоваться историческими документами Патриаршей и Типографской библиотек, а с 1772 г.— и Московского архива Коллегии иностранных дел. Его исторические труды увидели свет в 1770—1792 гг. Почти одновременно во Франции вышли труды Левека и Леклерка по русской истории, содержавшие резкую критику российского самодержавия и крепостничества. Недовольная трудом Щербатова, разгневанная сочинениями Левека и Леклерка, Екатерина II, по существу, сделала себя анонимным историографом. В течение 1782—1794 гг. она издала шесть частей своих «Записок касательно российской истории», привлекши к их подготовке широкий круг лиц.

В начале XIX в. идея назначения официального историографа получила новое воплощение. В 1803 г. Карамзину было присвоено звание «историографа Российской империи», приравнявшее его в служилой иерархии сначала к экстраординарному, а затем ординарному академику. Это отвечало интересам самодержавного государства и соответствовало либеральным лозунгам первых лет царствования Александра I, продемонстрировавшего свою заинтересованность в использовании пера популярного писателя в интересах господствующего класса. Сам Карамзин рассматривал свои занятия не как дело частного человека, к которому проявил особое внимание император, а как государственную службу, приносящую, по его словам, пользу в «системе государственного просвещения» [7]. Его положение существенно отличалось от положения предшественников — Г. Ф. Миллера и М. М. Щербатова. Карамзин не занимал каких-либо должностей, долгое время не являлся членом русских академий (лишь после выхода первых восьми томов он был избран их почетным членом), прекратил собственную успешную литературную деятельность. В отличие от Миллера, чьи научные занятия в области истории как историографа были под контролем Петербургской академии наук, Карамзин был полностью свободен от такого контроля. До изда-

ния «Истории» его критиками и помощниками были его друзья, а рецензентами — члены императорской семьи и высокопоставленные государственные деятели. Освобожденный от контроля, он был освобожден и от цензуры — его единственным цензором, начиная с 10-го тома, стал Александр I. Такое положение Карамзина вместе с разрешением о «невозбранном пользовании» архивами и библиотеками страны создало ему исключительно благоприятные условия для работы.

Назначение Карамзина историографом как раз в тот момент, когда в Петербургской академии наук был восстановлен исторический разряд, а в Российской вынашивались широкие планы исторических разысканий, означало признание неэффективности организации академической исторической науки. Академическая историческая наука в должной степени не удовлетворяла и практическую потребность в исторических знаниях, наиболее остро ощущавшуюся в связи с конкретными мероприятиями в области внутренней и внешней политики тех ведомств, на которые было возложено их осуществление. Эта потребность нашла свою реализацию в организации целой системы «отраслевых историографов»: в штаты ряда ведомств была введена эта должность и на нее были назначены лица, в служебные обязанности которых входили исторические разыскания отраслевого, проблемного или тематического характера. В Адмиралтейском департаменте составлением истории русского флота и мореплавания в разное время в начале XIX в. занимались подпоручик морского кадетского корпуса Д. П. Позднев, будущие декабристы Н. А. Бестужев и Д. И. Завалишин, историк В. Н. Берх [8]. Позже по поручению различных правительственных организаций, прежде всего военных учреждений, разработку военной истории осуществляли декабристы И. Г. Бурцев, П. И. Пестель, историк Д. П. Бутурлин [9]. В начале XIX в. в связи с задуманными реформами горного дела министр финансов дал указание начальнику Гороблагодатских и Пермских заводов А. Ф. Дерябину составить записку об истории горной промышленности в России. В связи с готовившейся реформой медицинского дела старшему переводчику Медицинской коллегии М. О. Парпуре было поручено собрать «все сведения, касающиеся медицины», и выяснить, «как сия часть у нас началась и возрастала и какие время от времени были на то разные учреждения и заведения» (исполнил

известный общественный деятель В. Н. Каразин). Аналогичное задание Медико-хирургической академии имел ее профессор В. Я. Джунковский [10].

Одним из ярких примеров организации исторических исследований на базе «отраслевых историографов» явились многочисленные попытки создания истории Отечественной войны 1812 г. и освободительных походов русской армии в Западную Европу. В частности, в 1816 г. описание событий 1812—1815 гг. было возложено на военного теоретика и историка А. А. Жомини, помощниками к которому прикомандировали К. Ф. Толя, Д. П. Бутурлина, будущего декабриста Н. М. Муравьева. Тогда же по поручению А. С. Шишкова с согласия Александра I историю оккупации Москвы было поручено написать Я. И. Бардовскому [11].

Система «отраслевых историографов» представляла собой удачную находку принципиально новой организации исторических исследований. Несмотря на то что их деятельность была поставлена под жесткий контроль соответствующих правительственных учреждений, следивших за политической «благонамеренностью» готовившихся трудов, «отраслевыми историографами» становились, как правило, высококвалифицированные в соответствующей области специалисты. Они получали доступ к архивным документам, обеспечивались книжными пособиями. Но в силу официального, а подчас строго служебного назначения готовившихся трудов система «отраслевых историографов» не смогла полностью использовать свои потенциальные возможности.

В исторических разысканиях в конце XVIII — начале XIX в. участвовали и сотрудники других учреждений. Крупным центром изучения истории русского и европейского законодательства стала Комиссия составления законов. Широкие планы разработки отечественной истории вынашивались сотрудниками Публичной библиотеки, создававшейся в Петербурге. Значительную роль в разработке исторической проблематики сыграл Московский архив Коллегии иностранных дел (МАКИД), где работал ряд известных специалистов в области отечественной истории. Здесь ежегодно по правительственным запросам готовились десятки обзоров по истории дипломатических сношений России. Важную роль в усилении исторических изысканий в архиве сыграла созданная при нем в 1811 г. по инициативе известного государственного деятеля графа Н. П. Румянцева Комиссия пе-

чатания государственных грамот и договоров (КПГГиД). На нее была возложена задача публикации действующих и утративших силу договоров России с иностранными государствами. Своеобразие Комиссии как одной из форм организации исторических исследований заключалось в том, что она, являясь государственным учреждением, имела черты и общественной организации. Комиссия, субсидировавшаяся Румянцевым, со временем стала центром неофициального научного объединения, получившего в историографии название Румянцевского кружка [12].

Итак, в конце XVIII — начале XIX в. в России сложилась довольно стройная система организации исторических разысканий. Каждый из ее элементов функционировал с разной степенью эффективности, находясь под жестким контролем со стороны самодержавного государства, которое регулировало тематику и общие концептуальные основы исторических трудов. Эта система была социально замкнутой и не учитывала той роли, которую начало играть прошлое в общественном сознании страны, резко расширившегося интереса к истории в демократических кругах русского общества. Усиливавшаяся общественная активность последних не могла не приниматься во внимание господствующим классом, с одной стороны, и не могла не вызвать стремления подчинить ее интересам самодержавия — с другой. Эти процессы нашли свое отражение в создании, особенно в начале XIX в., особых организаций — официально признанных научных и литературно-художественных обществ. Уставы многих из них предусматривали и исторические разыскания.

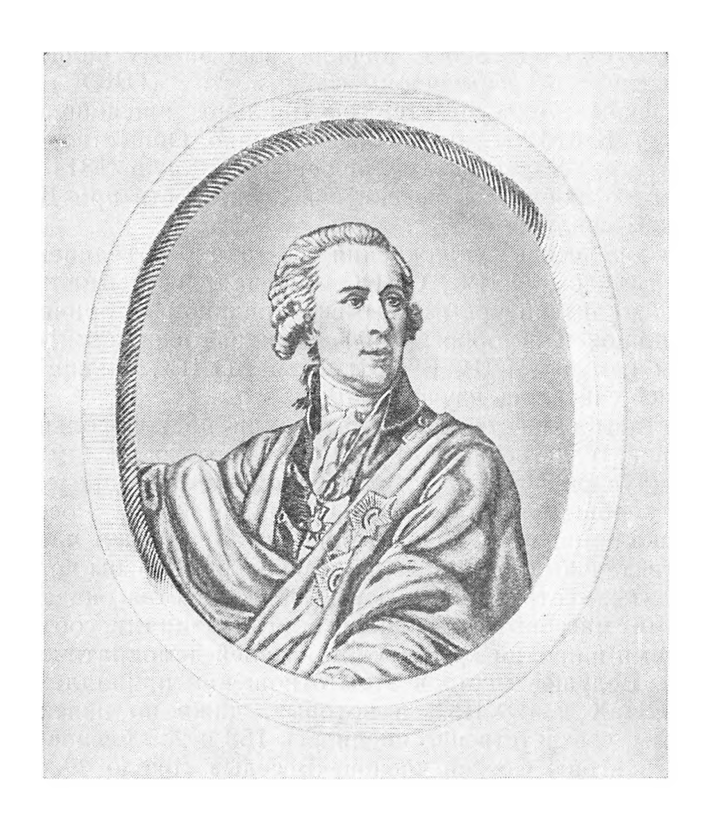
Наиболее значительными среди таких объединений стали Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (ВОЛСНиХ), возникшее в 1801 г. и официально утвержденное в 1803 г., Беседа любителей российского слова («Беседа»), начавшая свои заседания в 1807 г. и официально открытая в 1811 г., Вольное общество любителей российской словесности (ВОЛРС), организованное в 1816 г. Университетские уставы предусматривали для интенсификации научных исследований в подведомственных учебных округах создание научных обществ при университетах. В 1803 г. при Московском университете было создано первое в стране официальное общественное объединение исторического профиля — Общество истории и древностей российских (ОИДР), а в 1811 г.— Общество любителей российской словесно-

сти (ОЛРС). С 1806 г. начало свою работу Общество любителей отечественной словесности (ОЛОС) при Казанском университете, официально признанное в 1814 г. В 1812 г. было организовано Общество наук (ОН) при Харьковском университете, а в 1814 г.— Общество любителей российской словесности при Демидовском училище.

Исторические упражнения в таких объединениях, как «Беседа», ОЛРС, ОЛОС, ОН и др., связывались с историко-литературным комментированием исторических источников и историографическими разысканиями, в то время как в ОИДР, ВОЛСНиХ и ВОЛРС главнейшей задачей считалось изучение прошлого.

Уставы обществ предусматривали подконтрольность их правительственным органам и жесткую регламентацию научной деятельности. В целом уставы определяли работу обществ по образцу Петербургской и Российской академий наук. Они вводили «ранжировку» членов: действительные, почетные, соревнователи, члены-корреспонденты, «сотрудники» и т. д. Эти общества оказались самыми массовыми научными организациями, объединившими широкий круг представителей демократических слоев. Ведущее место в этом отношении принадлежало ВОЛСНиХ и ВОЛРС, в которых, даже по неполным данным, соответственно числилось 158 и 235 членов разных «рангов». Состав членов «Беседы» (около 80 человек, преимущественно представителей высокопоставленной бюрократии) показывает замкнутый, аристократический характер этой организации.

Несмотря на неполноту имеющихся данных, проведенные нами подсчеты говорят о том, что по числу рассмотрения вопросов, связанных с историческими разысканиями, ведущее место занимало ВОЛРС. Только в 1820—1824 гг. в повестке ее работы значилось 80 вопросов по исторической тематике (12% от общего числа рассмотренных вопросов). Далее следует ОИДР (67 вопросов в течение 1815—1825 гг.), ОЛРС (29 вопросов в течение 1811—1825 гг.), ВОЛСНиХ, данные о деятельности которого очень неполны (29 вопросов в течение 1803—1805, 1816—1821, 1823 гг.) и т. д. ВОЛРС принадлежит ведущее положение в разработке исторических сюжетов. Являясь одной из периферийных декабристских организаций, ВОЛРС стало наиболее заметным центром разработки истории с прогрессивных позиций.



А. И. МУСИН-ПУШКИН
Неизвестный художник

Не столько количественный, сколько общественно-политический уровень исторических упражнений определил почетное место в разработке истории ВОЛСНиХ, где, особенно в первые годы его деятельности, было сильное влияние просветительской идеологии. В рассматриваемое время постоянно обращалось к историческим сюжетам ОЛРС. Существенной оказалась и роль ОИДР. Пережив период нестабильности в своей деятельности в первые 15 лет, оно постепенно совершенствовало работу, обращая преимущественное внимание на конкретные источниковедческие вопросы, публикацию источников, переводы исторической литературы. К занятиям общества со временем все больше стали привлекать краеведов и выпускников Московского университета.

Уставы обществ предусматривали как коллективный, так и индивидуальный характер исторических изысканий. Среди первых в ОИДР планировалась подготовка многотомной публикации источников («Русские достопамятности»), издание «по суду всех членов» Начальной летописи. В ВОЛСНиХ вынашивалась идея совместного перевода трудов Г.-Т. Рейналя. В числе коллективных предприятий ВОЛРС предусматривалась подготовка «Словаря великих мужей России» и т. д. Однако большинство таких коллективных замыслов не было реализовано, сказались и идейные разногласия, и организационные неурядицы. Более эффективной оказалась индивидуальная научная работа. Со временем в каждом из обществ выделились группы наиболее активных сотрудников. В ВОЛСНиХ ими были И. М. Борн, В. В. Попугаев, Н. Ф. Остолопов, А. Х. Востоков, в ВОЛРС и ОИДР — Н. С. Арцыбашев, Е. Болховитинов, К. Ф. Калайдович, М. Т. Каченовский, А. О. Корнилович, П. М. Строев.

Для темы нашего исследования важно подчеркнуть, что почти все названные и другие официально утвержденные общества выросли из неофициальных общественных объединений типа кружков и салонов. Возникновение последних отразило рост общественной активности различных слоев русского общества, в том числе демократической интеллигенции, пробуждавшихся под воздействием социально-экономического развития страны и бурных событий эпохи. По нашим подсчетам, в конце XVIII — начале XIX в. в стране имелось около 100 неофициальных обществ, кружков и салонов (в Москве, Петербурге, Казани, Харькове, Нижнем Новгороде, Ярославле и других местах). Наряду с чисто светским характером многие такие объединения представляли собой центры оживленной научной и литературной деятельности. Заметное, а иногда и преобладающее место занимали в них и исторические разыскания.

Среди объединений, в которых обсуждение вопросов истории включалось в программу занятий наряду с вопросами философии, политики, литературы, можно назвать Дружеское ученое общество, возглавлявшееся Н. И. Новиковым, Дружеское литературное общество, объединившее Ан. И. Тургенева, А. С. Кайсарова, А. Ф. Мерзлякова и других литераторов, салоны А. Н. Оленина, Н. А. Львова, Н. П. Брусилова и др., кружки В. С. Подшивалова, П. И. Шаликова, А. П. Бе-

нитцкого, позже — «архивных юношей», «любомудров». В значительной степени формируя общественное мнение, многие из таких объединений вынашивали и планы научно-исторических изысканий. В кружке С. Е. Раича, например, среди преимущественно литературных и философских занятий обсуждались и исторические проблемы. А. И. Кошелеву удалось в нем «прочесть несколько переводов из Фукидида и отрывки из истории Петра I» [13]. Неофициальный устав литературного объединения «Арзамас», возникшего как противовес литературным и языковым упражнениям «шишковистов», предполагал занятия и историей. В нем слушались отрывки из еще не напечатанных томов «Истории» Н. М. Карамзина, сочинений И. Г. Гердера, разбирались русские исторические сочинения, в частности «шишковиста» С. С. Филатова «О несправедливых суждениях иноплеменных писателей касательно состояния России до XVIII века» [14]. Члены «Арзамаса» организовали кампанию общественного осуждения М. Т. Каченовского, выступившего с критикой «Истории» Н. М. Карамзина. Серьезное место отводилось занятиям историей в декабристских и преддекабристских организациях [15].

Сказанное выше во многом проясняет то положение, которое занял в конце XVIII — начале XIX в. в организации разработки проблем отечественной истории кружок Мусина-Пушкина. Активизация его деятельности пришлась на время, когда в стране не было сколько-нибудь эффективного центра исторических разысканий. В 1791 г. из-за гонений на Н. И. Новикова прекратилась успешная работа Дружеского ученого общества. Только в начале XIX в. приступил к написанию «Истории» Н. М. Карамзин. Тогда же возникли официальные общественные объединения, провозгласившие главной или одной из главных задач своей деятельности изучение отечественной и всемирной истории. Наконец, только в 10-х годах XIX в. оформилось другое неофициальное научное объединение — Румянцевский кружок, с которым связаны наиболее заметные успехи в разработке исторической проблематики. Все это позволяет заключить, что кружок Мусина-Пушкина стал преемником деятельности Н. И. Новикова и его сотрудников в области исследования истории и одновременно непосредственным предшественником Румянцевского кружка, как бы передав ему эстафету основных направлений своей деятельности и даже своих сотрудников —

А. Н. Оленина, А. И. Ермолаева, Н. Н. Бантыш-Каменского и А. Ф. Малиновского.

О кружке Мусина-Пушкина мы знаем до обидного мало. Кое-какие сведения можно встретить в работах сотрудников Мусина-Пушкина, указывавших, что при подготовке своих работ они широко пользовались помощью и советами друзей и приятелей. Едва ли не первое такое замечание содержится в опубликованных в 1788 г., но написанных в 1784—1786 гг. «Примечаниях» И. Н. Болтина на историческое сочинение о России француза Н. Леклерка. И. Н. Болтин писал: «При начале и в продолжение оных некоторые из приятелей моих старалися отвратить меня от моего намерения (т. е. написать критику на Н. Леклерка,— *В. К.*), представляя, что напрасно теряю время и труды, возражая на такую книгу, которая не стоит прочтения» [16]. Ссылки на помощь приятелей содержатся и в других, более поздних трудах Болтина. Так, издавая со своими примечаниями в 1792 г. историческую драму Екатерины II, посвященную Рюрику, Болтин сообщил что это он делает «по совету друзей» [17].

В 1792 г. «любителями отечественной истории» была опубликована Правда Русская. Имя одного из них — Мусина-Пушкина — стало известно в начале XIX в., другой — И. П. Елагин сообщил о себе и своем приятеле И. Н. Болтине в подготавливавшемся «Опыте повествования о России» [18]. В 1793 г. вышло в свет «Поучение» Владимира Мономаха. Мусин-Пушкин, издатель и автор «Предуведомления», вновь отметил, что подготовка этой публикации осуществлялась им с помощью приятелей. Еще один труд Мусина-Пушкина, посвященный местонахождению Тмутараканского княжества, позволяет установить и наиболее позднюю дату начала «бесед» — 1789 г. Именно с этого времени И. Н. Болтин «по дружескому своему почти ежедневному со мною обращению», по словам графа, обсуждал с ним проблемы географии Древней Руси [19].

Из приведенных выше свидетельств Болтина и Мусина-Пушкина можно полагать, что кружок возник около 1784—1786 гг. и в 1789 г. уже действовал. Елагин в опубликованной части своего «Опыта повествования о России» писал о собраниях членов этого объединения и даже своеобразном коллективном характере их работы. Он рассказывает о подготовке кружком издания Правды Русской: «Я сам имел щастие в числе сих лю-

бителей русской истории быть, и хотя при издании в печать не участвовал, но первые замечания и сношения летописцев и слов объяснения при мне между прочими происходили. Я тогда же и о Владимировом I напоминал законе духовном и вышереченный собранию предлагал устав, но после то или отвергнуто, или забвенно, ибо приключившаяся болезнь сотруднику нашему г. Болтину, который един по отменному знанию русской истории к изданию упрошен был и един трудился, воспрепятствовала нам собраться, и если б кто хотел из нас в чести сей ему поспорить, погрешил бы противу чести» [20].

Три наиболее активных члена кружка — Мусин-Пушкин, Болтин и Елагин — представляли примечательных лиц своего времени. Несмотря на разницу в возрасте (Болтин родился в 1735 г., Елагин — в 1725, Мусин-Пушкин — в 1744 г.) и разный жизненный путь до встречи в Петербурге, их судьба и убеждения оказались во многом похожими. Обязанные своей карьерой Екатерине II, они в чиновной иерархии самодержавной России занимали важные и ответственные посты. Елагин несколько лет был статс-секретарем императрицы, обер-гофмейстером императорских театров, И. Н. Болтин — прокурором Военной коллегии, а затем ее членом. Взлет карьеры Мусина-Пушкина начался в 1789 г., когда он был назначен управляющим Корпусом чужестранных единоверцев, спустя два года — обер-прокурором Синода, а в 1795 г.— президентом Академии художеств. Сходство судеб дополнялось общностью общественно-политических взглядов. Все они были решительными сторонниками той политики «просвещенного абсолютизма», которую вела Екатерина II, и видели в истории одно из важных средств идеологического воздействия на «общее мнение», внимание к которому проявляла и императрица.

Видимо, не будет большим преувеличением сказать, что консолидация членов кружка проходила не только на почве патриотических настроений, недовольства работами Левека и Леклерка, но и на основе критического восприятия, поддержанного Екатериной II, труда Щербатова. Болтин первый вступил в полемику со Щербатовым и, стремясь заручиться поддержкой императрицы, уже в 1792 г. передал ей через Мусина-Пушкина рукопись своих «Критических примечаний» на «Историю» Щербатова. Критика была принята благо-

А. И. МУСИН-ПУШКИН
Неизвестный художник. Миниатюра на медальоне

склонно, и в том же году Болтину была направлена историческая драма Екатерины II о Рюрике, напечатанная тогда же с примечаниями ученого.

В начале 90-х годов XVIII в. кружок понес ощутимые потери: в 1792 г. умер Болтин, а в 1793 г.— Елагин [21]. После переезда Мусина-Пушкина в Москву, последовавшего в связи с его отставкой в 1797 г., кружок пополнился новыми сотрудниками. Граф познакомился с протоиереем московского Успенского собора П. А. Алексеевым, автором исторических сочинений, и восстановил свои давние связи с одним из управляющих МАКИД — Н. Н. Бантыш-Каменским [22]. Около 1797 г. состоялось знакомство Мусина-Пушкина с Н. М. Карамзиным и будущим преемником Н. Н. Бантыш-Каменского на посту директора МАКИД А. Ф. Малиновским [23].

Мусин-Пушкин свидетельствовал, что его связывали давние дружеские отношения с влиятельным в общественной жизни Москвы семейством Булгаковых [24]. После

организации ОИДР граф активно включился в деятельность этого научного объединения, предоставив сюда несколько рукописей из своего собрания, а накануне войны подготовил для журнала общества несколько небольших исторических сочинений [25].

«Ученые занятия» новых сотрудников Мусина-Пушкина увенчались первым изданием «Слова о полку Игореве». Однако, как и в Петербурге, научные упражнения кружка протекали одновременно с активной общественно-политической деятельностью, о которой, к сожалению, во многом нам можно лишь догадываться и которую приходится реконструировать по ряду косвенных источников. Так, совершенно очевидно, что Карамзин, работая над «Историческим похвальным словом Екатерине II» (1801 г.) — своеобразным политическим манифестом идеологии «просвещенного абсолютизма», должен был не раз обращаться к помощи графа, сверять с его мнением свои мысли и оценки деятельности «просвещенной» монархини.

Сам Мусин-Пушкин не скрывал разочарования событиями, разворачивавшимися в мире. Весьма показательно для характеристики общественной позиции Мусина-Пушкина в начале XIX в. его восторженное отношение к стихотворению Г. Р. Державина «Колесница» (1804 г.). Работу над этим стихотворением Державин начал сразу же после получения известия о казни Людовика XVI, окончив его лишь в дни, когда монархическая Европа была потрясена убийством герцога Энгиенского. В аллегорических образах колесницы, возницы и ворон Державин изобразил государство, монарха и народ, утверждая, что слабость монархической власти соблазняет народ на революционные действия, которые, в его представлении, приводят к хаосу в государстве и нарушению порядка в мире. Перед читателями этого стихотворения вставал пример революционной Франции и как ее порождение — Наполеон с его захватническими войнами [26]. Восхищенный этим стихотворением, список которого был получен из рук самого Державина, Мусин-Пушкин устроил в своем московском доме на Разгуляе своеобразные публичные чтения и изготовление его копий. В апреле 1804 г., прося у Державина разрешение на публикацию «Колесницы», он писал: «Напрасно не поставили вы своего имени; все те, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копий столько писец мой писал по требо-

ваниям желающих, что, думаю, он знает ее наизусть»[27].

Со временем граф открыто становится в оппозицию к внутриполитическому и внешнеполитическому курсу правительства Александра I. Видимо, не случайно вместе с Н. М. Карамзиным, Ф. В. Ростопчиным и другими современниками после Тильзита он вошел в так называемый «тверской салон» великой княгини Екатерины Павловны, объединивший недовольных преобразовательской деятельностью М. М. Сперанского. Отсюда вышла знаменитая «Записка о древней и новой России» Карамзина, ставшая политическим манифестом противников Сперанского; здесь Мусин-Пушкин в числе небольшого круга избранных слушал чтения Карамзиным глав из еще не изданной «Истории государства Российского»[28].

Вместе с Карамзиным граф стал консультантом по отечественной истории великой княгини, которую оппозиция избрала своим лидером и даже, по свидетельству ряда современников, прочила на императорский трон. «Я вам буду обязана в познании многих отечественных древних обрядов, которые составляли всегда любопытство мое»,— писала Екатерина Павловна Мусину-Пушкину 4 ноября 1809 г.[29] Сохранился любопытный документ, относящийся ко времени после 1812 г., который дает представление о том, как удовлетворял граф «любопытство» великой княгини. Это проект прошения графа Екатерине Павловне. В нем сказано:

«Граф Мусин-Пушкин имел щастие в разные времена подносить ее императорскому высочеству государыне великой княгине Екатерине Павловне печатные и рукописные книги, в числе сих последних были такие, которые никогда не издавались в печать и, между прочим, описания Ярославской, Тверской и Новгородской губерний, составленные им единственно на случай путешествия ее императорского высочества по сим губерниям.

Во время разорения Москвы сгорело с тамошним домом почти все его собрание бесценных древних книг и рукописей и собственных своих записок, из коих поднесенные книги были заимствованы. И потому почитая оные единственными остатками многолетных своих трудов, всепокорнейше просит повелеть ссудить его оными для списания копий, после чего он обязуется паки их возвратить.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ имѣлъ щастіе въ разныя времена подносить Ея Императорскому Высочеству Государынѣ Великой Княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ печатныя и рукописныя книги, въ числѣ ~~ко~~ сихъ послѣднихъ ~~ихъ~~ были такія, которыя никогда не издавались въ печать и между прочимъ описанія Ярославской, Тверской и Новогородской Губерній, составленныя имъ единственно на случай путешествія Ея Императорскаго Высочества по симъ Губерніямъ.

Во время разоренія Москвы сгорѣло съ тамошнимъ домомъ почти все его собраніе безцѣнныхъ древнихъ книгъ и рукописей и собственныхъ своихъ записокъ, изъ коихъ поднесенныя книги были заимствованы. И потому почитая оныя единственными остатками многолѣтныхъ своихъ трудовъ, всепокорнѣйше проситъ повелѣть ссудить его оными для списанія Копій; послѣ чего онъ обязуется паки ихъ возвратить.
Какія же сіи письменныя книги имѣютъ названія о томъ слѣдуетъ реестръ:

1.) Историческое и топографическое описаніе Ярославской Губерніи.
2.) Таковоеже Новогородской Губерніи.
3.) Таковоеже Тверской Губерніи.
4.) Подробное Описаніе Города Рыбенска съ примѣчаніями о пристани и планомъ города.

Проект прошения А. И. Мусина-Пушкина на имя вел. кн. Екатерины Павловны с просьбой о предоставлении рукописей его трудов, подаренных ей, для копирования.

Публикуется впервые

Какие же сии письменные книги имеют названия, о том следует реестр:

1. Историческое и топографическое описание Ярославской губернии;

2. Таковое же Новогородской губернии;

3. Таковое же Тверской губернии;

4. Подробное описание города Рыбенска с примечаниями о пристани и планом города;

5. Исследование о головах, найденных в городском валу города Твери;

и сверх того

6. Описание царя Михаила Феодоровича с картинами, к коему приложены были гребень и ложка из восточного хрусталя» [30].

Еще одно письмо графа к великой княгине, кажется, не оставляет сомнений в том, что, как один из членов «тверского салона», он, воздействуя на честолюбие Екатерины Павловны, сравнивал ее государственные «добродетели» и личные достоинства с присущими, по его мнению, Екатерине II. «Благосклонные изречения,— писал Мусин-Пушкин,— коими исполнено писание Вашего импер[аторского] выс[очества], обязывая меня беспредельной благодарностью, удостоверении в той истине, что к прочим качествам, блиставшим в бессмертной прародительнице вашей, вы соединили и дар ее одним словом привязывать к себе сердца так, что и невозможное возможным покажется для исполнения всего вам угодного. Я живее другого чувствую такое к себе расположение, видя, что не последней благотворительницы лишился в Екатерине Второй, находя в вас вторую же к себе милость исполненную. Равная признательность и почтение соединят имена ваши в признательном сердце моем» [31].

В 1809—1812 гг. активность членов «тверского салона», очевидно, достигла своего апогея. Сам граф в это время заявил о себе исследованием о местонахождении Холопьего города [32], сообщил издателю «Русского вестника» С. Глинке в качестве очевидца рассказ о похоронах князя П. М. Волконского с умилительными сценами «приверженности крестьян к благодетельному их помещику», ушедшему из жизни [33], наконец, издал брошюру с описанием посещения Александром I престарелого канцлера графа И. А. Остермана [34]. Интересное свидетельство оставил и Карамзин. В 1811 г., в разгар работы над «Запиской о древней и новой России», он

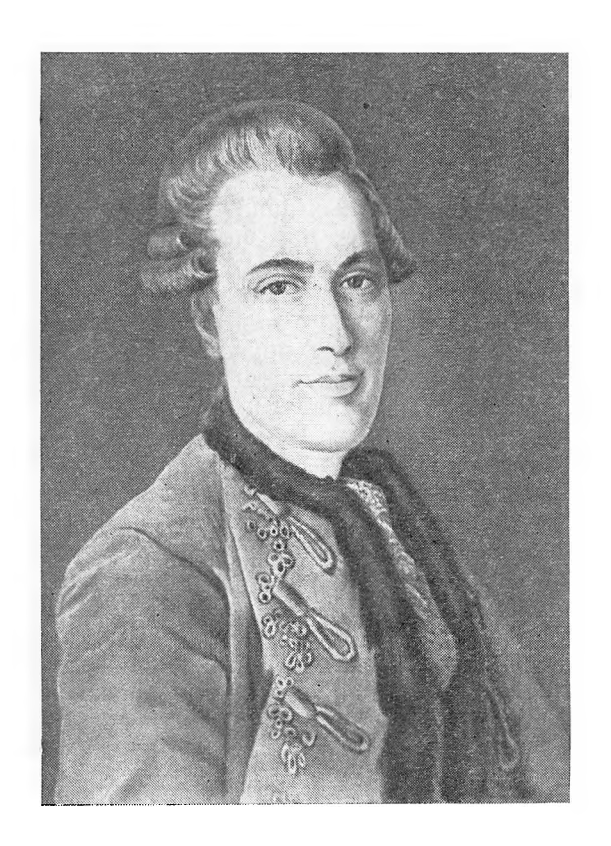
писал своему другу и постоянному информатору о петербургских делах И. И. Дмитриеву: «Дом наш есть уже давно монастырь, куда изредка заглядывают одни благочестивые люди, например, граф Ростопчин, Нелединский, Обрезков, Сушков, граф Пушкин, бригадир Кашкин, Разумовский, Рябинин, Оболенские. Вот наше общество; как тут замешаться французу» [35].

Война 1812 г. разбросала сотрудников графа и членов «тверского салона» в разные места России. Но и после освобождения Москвы Мусин-Пушкин не упускал случая встретиться со своими единомышленниками. Об этом говорит его письмо к жене 15 сентября 1814 г. «Вчера вечером,— писал он,— заехал я к Карамзиным, которые очень обрадовались, увидев меня. Это был еще 7-ой час и я располагал, посидев у них, съездить к архиерею. Но и тут я позасиделся, приехал... Малиновский с женой, а потому уже и решил я остаться вечер до ужина. Материи были в разговорах очень интересные, то о войне, [то] о Москве, а потом [о] политике, истории и разные происшествия, подлинно примера не имущие, до 1-го часа» [36].

Как когда-то «Записка о древней и новой России» отразила настроение «тверского салона», так теперь, в 1814 г., стихотворение Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I» отразило общественно-политическую позицию кружка Мусина-Пушкина [37].

Стихотворение Карамзина носило откровенно антиреволюционную направленность. Признавая народный характер войны 1812 г., историограф склонялся к тому, чтобы одной из причин победы в ней признать волю провидения, непостижимый божественный промысел. Вновь, как и в «Записке о древней и новой России», Карамзин провозглашал свои консервативные монархические идеи, разбавленные элементами просветительской идеологии: верой в торжество добра, разума и справедливости.

Об активной общественной позиции Мусина-Пушкина и после 1812 г. свидетельствует, очевидно его последнее историческое сочинение — «Замечание о границах Древней Руси». Оно написано накануне или в период Венского конгресса, поскольку граф здесь замечал: «В новейших обстоятельствах, когда российский самодержец побежденным и освобожденным от ига тиранства самодержцам отдает им по праву принадлежащее, самая правда вещает, чтоб и Россия возвратила



А. И. МУСИН-ПУШКИН
Неизвестный художник

самую коренную Русь паки под свою державу» [38]. Мусина-Пушкина при подготовке этого сочинения волновал острополитический в то время вопрос о разделе посленаполеоновской Европы, для решения которого он прибегнул к историческим обоснованиям — определению границ Древней Руси, как он пишет, «с европейской стороны».

Нет смысла сейчас останавливаться подробно на этом труде Мусина-Пушкина, написанном на уровне того времени. В качестве одной из главных задач его было доказать необходимость присоединения к России ряда территорий Австрийской империи. Важно подчеркнуть, что и после 1812 г., несмотря на личное несчастье (смерть сына Александра, гибель библиотеки), деятель-

ная натура Мусина-Пушкина искала выхода, а своим знаниям в области истории он по-прежнему искал применение.

Кружок Мусина-Пушкина не был тем широко разветвленным объединением ученых и любителей российских древностей различных национальностей и социального положения, какое мы видим в Румянцевском кружке в пору расцвета его деятельности. Он представлял собой несравненно более замкнутое, чем Румянцевский кружок, объединение с менее выраженной организационной основой. Члены кружка — высокопоставленные чиновники — принадлежали к высшему эшелону правительственного аппарата, не были обделены поощрительным вниманием ни Екатерины II, ни Александра I. Может быть, поэтому кружок Мусина-Пушкина наряду с активными научными упражнениями не был чужд общественно-политической деятельности и даже весьма активно подчинял именно ей свои изыскания.

Легко обнаружить общий стержень, лежавший в основе начинаний кружков Мусина-Пушкина и Румянцевского. Им являлось осознание своей деятельности в области собирания, издания источников, а также изучения отечественного прошлого как одного из патриотических предприятий. Этот патриотизм исходил из безусловного признания того факта, что история России, отличаясь своеобразием, ничуть не беднее истории любой другой европейской страны. Однако если для Румянцевского кружка патриотические замыслы в огромной мере зарождались под воздействием победы в Отечественной войне 1812 г., то в кругу образованных аристократов мусин-пушкинского объединения после выхода в свет книг Левека и Леклерка остро заговорило оскорбленное чувство национального достоинства, с одной стороны, и осознание опасности распространения в России идей Французской революции — с другой. Именно поэтому в работах, подготовленных кружком, заметна двойственность позиций и аргументов их авторов. Мы обнаруживаем здесь вполне обоснованные упреки в адрес Левека и Леклерка, суровую критику их ошибок и тенденциозности в освещении многих вопросов русской истории, беспощадное разоблачение «галломании» в дворянской среде и в то же время выпады в адрес прогрессивных французских мыслителей, безудержные похвалы «просвещенной» монархине, защиту самодержавия и крепостничества. «Рабство народа в

России, а особливо в нынешнее царствование,— утверждал, например, Болтин,— не так есть тираническое и правление отнюдь не есть так жестокое, каким г. Леклерк представить хочет. Земледелец в России меньше гораздо несет тягости, нежели во Франции, Англии, Германии, Голландии и других государствах»[39].

Следует учесть и еще один немаловажный момент: все более отчетливое понимание масштабности и сложности задачи разработки отечественной истории, формировавшее убеждение в необходимости ее разрешения на коллективной основе. Не случайно Болтин, несмотря на свой подвижнический труд в этом направлении, в конце жизни был вынужден признать: «Всякую историю вновь сделать, а особливо сделать хорошо, очень трудно, и едва ли возможно одному человеку, сколь бы век его ни был долог, достичь до исполнения намерения такового, при всех дарованиях и способностях к тому потребных»[40].

* * *

Научная деятельность кружка имеет невыясненные, загадочные и спорные вопросы. До настоящего времени не выявлен полный корпус изданий, подготовленных сотрудниками Мусина-Пушкина, остаются неясными характер, степень участия каждого из них в их подготовке, обстоятельства выхода в свет даже наиболее известных книг, целый ряд других сюжетов, имеющих самостоятельное научное значение ввиду утраты опубликованных кружком уникальных материалов и превращения публикаций в первоисточники. В третьей главе мы подробно остановимся на этих вопросах, сделав особый упор на малоизвестные труды сотрудников Мусина-Пушкина. Сейчас же охарактеризуем основные работы кружка.

Часть печатной продукции кружка, особенно увидевшей свет в период пребывания Мусина-Пушкина на посту обер-прокурора Синода, анонимна. В этом не было ничего странного. Граф и его сотрудники занимали ответственные служебные посты и в соответствии с обычаями времени если не скрывали, то, во всяком случае, предпочитали не афишировать свои, столь чуждые большинству людей их круга занятия «в свободное от должности время». В письме к Калайдовичу Мусин-Пушкин объяснял это личной скромностью. «Я,— писал

он,— при изданиях своих нигде имени своего не означал, ибо быть писателем ни способностей, ни довольного просвещения не имею и для того имени своего не поставил, кроме исследования о Тмутараканском княжении, но приметьте, что напечатано это по высочайшему повелению»[41].

Действительно, работы кружка, подготовленные по «высочайшему повелению»: «Примечания» И. Н. Болтина на историческую драму Екатерины II «Подражание Шакеспиру», его же «Критические примечания» на 1-й и 2-й тома «Истории» М. М. Щербатова, исследование Н. Н. Бантыш-Каменского о польской унии, работа А. И. Мусина-Пушкина о местоположении Тмутараканского княжества, а также «Письмо» Оленина о Тмутараканской надписи — содержат указания на их авторов[42]. В качестве «издателя» Мусин-Пушкин подписал и предисловие к изданному в императорской типографии исследованию Евгения Булгара о времени крещения княгини Ольги[43]. Публикация «Слова о полку Игореве», подготовленная уже после отставки Мусина-Пушкина с постов обер-прокурора Синода и президента Академии художеств, прямо связана с именем графа[44], хотя соответствующее указание на это, как свидетельствуют так называемые бумаги Малиновского по «Слову», было сделано в самый последний момент работы над изданием[45].

В одном из объявлений о выходе в свет поэмы, приведенном П. Н. Берковым[46], был дан и первый перечень книжной продукции кружка. Он включил пять названий: публикации Правды Русской (только второе издание, 1799 г.), «Поучения» Владимира Мономаха[47], «Слова о полку Игореве», исследований Мусина-Пушкина о местоположении Тмутараканского княжества и Евгения Булгара о времени крещения великой княгини Ольги. В письме к Д. И. Хвостову 13 июня 1802 г. Мусин-Пушкин в числе изданных им книг назвал все те же, исключая сочинение Евгения Булгара. Однако его принадлежность к числу изданий кружка подтверждается свидетельством, находящимся в печатном тексте этой работы.

Для темы нашей книги важно подчеркнуть, что еще при жизни Мусина-Пушкина ученая и литературная деятельность графа и его сотрудников привлекала пристальное внимание современников. Известный историк, библиограф и археограф начала XIX в. Евгений Болхо-

витинов собрал первые сведения о трудах, подготовленных кружком, и поместил их в своем словаре русских писателей, который издавался по частям в журнале «Друг просвещения» в течение 1803—1806 гг. Поскольку публикация словаря в первое десятилетие XIX в. была доведена до буквы «К», читатели не смогли ознакомиться с биографией и списком работ основателя кружка. Однако в подготовительных бумагах по словарю сохранился текст о Мусине-Пушкине, написанный рукой Н. Н. Бантыш-Каменского до 1812 г. В нем говорилось, что граф был одним из «сотрудников» при издании «Записок касательно российской истории» Екатерины II. «Сие занятие,— писал Н. Н. Бантыш-Каменский,— единственно премудрейшей монархини в свете открыло ему новый славный подвиг быть автором исторического исследования Тмутараканского княжества. Автором, как читаем в посвящении сего исследования, исполняющим высочайшее ее веление, обогащаемым ее мудрым наставлением. Поводом к сему сочинению служил ему найденный в 1793-м году на сем острове мраморный камень с российской надписью, с коего рисунок приложил он при своей книге. При сей же книге издал он весьма любопытную и давно уже всеми желаемую карту древней России и к ней краткий словарь. Кроме сего, он был из первых и больше всех трудившихся в переводе и объяснении древней книги под именем Русской Правды *, которую он, сличив с многими верными списками, издал в Спб. 1792 г. в 4 долю, исправнее и полнее напечатанных в 1767, 1786 годах; в 1799 году напечатана сия книга уже вторым изданием. Таким же образом издал он в Спб. 1793 года также древнюю рукопись под названием Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим, названная Поучение, а в 1800 году и еще весьма любопытную русскую же рукопись под названием Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода Северского Игоря Святославича. Сие сочинение, писанное древним пиитическим и во многих местах непонятным слогом, перевел он, как и предыдущее, на нынешний русский язык и некоторые места объяснил своими примечаниями» [48].

Перечень изданий кружка, приведенный К. Ф. Ка-

---

* Слева на полях Евгений Болховитинов заметил: «Больше всех Болтин».

лайдовичем в биографии Мусина-Пушкина[49], восходил, как покажем во второй главе, либо к не дошедшей до нас автобиографии графа, либо к словарю Евгения Болховитинова. К уже известным изданиям перечень Калайдовича добавлял несколько новых. Указывались три работы самого Мусина-Пушкина: исследование о местоположении Холопьего города, «Карта, сочиненная и поднесенная великой Екатерине для раздела Польши с описанием границ древней России» и «Перевод и краткие примечания к договору Мстислава, заключенному в 1229 году с городом Ригой и Готским берегом» (этот труд в 1812 г. был передан графом в ОИДР для издания и погиб в 1812 г. вместе с библиотекой Общества). Калайдович выделил в своем перечне особую группу книг: «Им (Мусиным-Пушкиным.— *В. К.*) или из его собрания напечатанных», куда вошли издание Книги Большому Чертежу, «Лексикон» В. Н. Татищева, «Песнь норвежского князя Геральда Храброго», «Русский временник»[50], уже упомянутое сочинение Евгения Булгара, два тома «Критических примечаний» Болтина на «Историю» М. М. Щербатова, первая часть «Опыта повествования о России» И. П. Елагина, а также ряд публикаций, готовившихся ОИДР по рукописям из собрания Мусина-Пушкина.

Список публикаций кружка, приведенный Калайдовичем, являлся и до сих пор является наиболее полным. Однако его нельзя признать наиболее точным. Сюда вошли два издания, безусловно не имевшие никакого отношения к кружку. Это «Русский временник», подготовленный по распоряжению Екатерины II А. Пельским и М. Ильинским, и «Опыт» Елагина, напечатанный, как указал сам же Калайдович (по сведениям, заимствованным из словаря Евгения Болховитинова), без какой-либо связи с желанием графа по неизвестному списку. Кроме того, надо полагать, что и в самой автобиографии Мусина-Пушкина, также использованной Калайдовичем, были приведены далеко не все издания кружка. Во всяком случае, так заставляют думать слова графа в его письме к Д. Н. Бантыш-Каменскому. «О книгах упомянул только о тех, о коих напечатано,— писал он,— показав места во свидетельство, дабы кто из невежд или незнающие вещам цены или из неблагонамеренных не почел сказанного лжею или хвастовством...»[51] И действительно, нами выявлены сведения о еще трех публикациях самого Мусина-Пушкина. Первая из

них — переписка С. Сестренцевича-Богуша с Евгением Булгаром о языке сарматов [52]. О второй сообщал в 1805 г. все тот же словарь Евгения Болховитинова в статье об И. Ф. Богдановиче. Здесь указано, что известная поэма Богдановича «Душенька» издана «в последний раз прошлого 1803 года графом Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным» [53]. Третья публикация — книга графа «Редкий пример уважения к старости» (о посещении Александром I И. А. Остермана) вышла в свет в 1809 г. в Москве под редакцией Д. Н. Бантыш-Каменского, в 1810 г., как уже указывалось, журнал «Вестник Европы» поместил на нее рецензию. В настоящее время два последних издания графа неизвестны, вероятно, их тираж погиб в 1812 г.

Наконец, следует указать, что в 1804 г. Мусин-Пушкин получил разрешение Державина на право публикации его стихотворения «Колесница». «По данному мне от вас позволению,— писал Мусин-Пушкин в апреле 1804 г. Державину,— хотел было я оную напечатать в журнале, но Николай Алексеевич (Дьяков, шурин Державина.— *В. К.*) сегодня у меня обедал и сказал мне, чтоб я погодил и не печатал, покуда он с вами перепишется, что я обещал. Причину и примечание вы от него узнаете, по словам его, с сею же почтою» [54]. «Колесница» появилась в том же году в журнале «Друг просвещения», однако нам ничего неизвестно о причастности к ее публикации в этом журнале Мусина-Пушкина.

В биографических статьях о Болтине и Елагине в словаре Евгения Болховитинова был приведен подробный перечень их трудов, бóльшая часть которых ко времени публикации словаря уже вышла в свет. Важно отметить, что словарь Евгения Болховитинова в варианте, опубликованном в журнале «Друг просвещения», назвал и оставшиеся в рукописях сочинения Болтина и Елагина. Случилось так, что поисками этих сочинений никто не занимался и до недавнего времени о них ничего не было известно, хотя, как мы убедимся ниже, именно они имели самое прямое отношение к истории бытования рукописи «Слова о полку Игореве» в конце XVIII — начале XIX в.

В биографии Болтина Евгений Болховитинов, рассказывая о его трудах, в числе прочих назвал «выписки для уразумения древних летописей с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических

мест, упоминаемых в летописях наших»[55]. Это сообщение Евгения Болховитинова, мало обращавшее внимание исследователей, как показали дальнейшие изыскания, оказалось точным. Еще Елагин в своем «Опыте повествования о России» сослался на «Словарь географический» Болтина, полагая, что содержащиеся в нем материалы говорят за то, что Тмутараканское княжество находилось на р. Ворскле[56].

В декабре 1793 г. по поручению Екатерины II новый статс-секретарь императрицы В. С. Попов разыскивал словарь Болтина. На запрос последнего бывший статс-секретарь А. В. Храповицкий сообщил: «Сколько помню, то покойным Иваном Никитичем Болтиным сочиняем был Лексикон Российский, к языку относящийся, также и Лексикон географический. Все манускрипты его куплены ее императорским величеством через посредство Алексея Ивановича Пушкина, у коего, чаятельно, они и остаются доныне»[57]. 21 декабря 1793 г. Мусин-Пушкин писал Попову: «На письмо Вашего превосходительства имею честь донести, что Российский историо[гео]графический лексикон покойного Ивана Никитича, оставшийся после смерти его, я имел счастие поднести переписанный в нескольких тетрадях, не переплетенный, ее императорскому величеству. Но как вчерашний день ввечеру имел я счастие слышать от ее величества, чтоб оный отыскать, спросить надобно Александра Васильевича Храповицкого, то и советую Вашему превосходительству отнестись об оном к Александру Васильевичу. У меня же хотя и есть список с оного, но очень черен, измаран, а белый еще не написан. Как скоро напишу, то с превеликим удовольствием доставить Вам не премину»[58].

В 1794 г. сам Мусин-Пушкин в уже упомянутой работе о Тмутараканском княжестве ссылался на «имеющийся у меня рукописный словарь его (Болтина.— *В. К.*) древних российский городов и областей», в других местах называя это сочинение то «письменным географическим словарем г. Болтина», то просто «письменным словарем г. Болтина»[59]. Указанный труд Болтина граф широко использовал в «Описании народов, городов и урочищ, означенных в Чертеже», приложенном к исследованию о Тмутараканском княжестве.

Поскольку собрание Мусина-Пушкина было утрачено в 1812 г., оставалось рассчитывать лишь на то, что труд Болтина, ходивший, как свидетельствуют приве-

денные выше письма Храповицкого и Мусина-Пушкина, по рукам, мог сохраниться в списках. Действительно, в настоящее время обнаружены два таких списка.

Первый список — Румянцевский — находится в собрании графа Н. П. Румянцева [60]. Он изготовлен после 1816 г. (филигрань: «1816»). Список великолепной сохранности, в картонном переплете с кожаным корешком, без заглавия, содержит слова от «Альта» (река) до «Яга» (река). На корешке переплета вытиснено: «Словарь географический и исторический к Истории Татищева».

Второй список находится в рукописном собрании ОИДР [61]. Как свидетельствуют протоколы ОИДР, 10 января 1816 г. председатель общества, хорошо известный Мусину-Пушкину книгоиздатель П. П. Бекетов, «представил соч. г. Болтина рукопись, содержащую Географический словарь всем городам, рекам и урочищам, кои упоминаются в летописи Несторовой, оная рукопись была гг. членами рассматриваема и рассматривание оной определено продолжать в следующие заседания» [62]. Неизвестно, было ли продолжено ОИДР в дальнейшем изучение труда Болтина. Письмо М. П. Погодина 27 сентября 1847 г. к О. И. Бодянскому, приложенное к рукописи, свидетельствует о том, что с 20-х годов XIX в. она находилась у Погодина и была возвращена им в ОИДР в 1847 г.

Список, который мы будем называть Бекетовским, дефектен. Он включает слова от «Альта» (название реки) до «скови» (народ), последующая часть утрачена. Список недавно был отреставрирован, однако текст, особенно первых страниц, сохранил многочисленные повреждения. Часть текста со с. 59 написана на бумаге, в которой просматривается филигрань «1803». На первой, позднейшей, обложке список озаглавлен: «Словарь географический к летописи Несторовой. Сочинение Болтина». Следующая, более ранняя (без заголовка) обложка содержит запись о поступлении рукописи в библиотеку ОИДР 16 января 1816 г. Сам текст озаглавлен иначе: «Словарь географической всем городам, рекам и урочищам, кои воспоминаются в летописи Несторовой. Соч[инение] г. Болт[ина]». Следующий лист, с которого начинается собственно текст словаря, имеет заголовок, идентичный заголовку на второй обложке.

Бекетовский список имеет многочисленные пометы красным карандашом, характерные отметки чернилами

(крестики) напротив большинства географических названий. Их можно рассматривать и как следствие сверки словника с оригиналом и как указание на слова, которые необходимо выписать. На поле с. 49 об. не совсем ясная помета: «После оной статьи писать еще две под таковым же знаком. Смотри на предыдущей странице».

Тексты списков имеют ряд особенностей: у них не совпадает во многих случаях алфавитный порядок слов; в Румянцевском списке имеются слова, отсутствующие в Бекетовском, и наоборот; в Бекетовском списке имеются орфографические ошибки, многочисленные пропуски слов, которые можно объяснить только тем, что писец в этих случаях не смог прочитать свой оригинал. В Румянцевском списке такие слова прочитаны, однако и он наполнен большим количеством орфографических ошибок и неверно прочитанных слов, что вообще не характерно для копий, изготовлявшихся сотрудниками Румянцева. Создается впечатление, что писец стремился во что бы то ни стало передать текст оригинала, даже если эта передача не давала какого-либо осмысленного чтения. Характер отмеченных особенностей позволяет утверждать, что Румянцевский список более поздний, но не восходит к Бекетовскому. Оба списка имели либо общий оригинал, прочтение которого в равной степени, но в разных местах представляло трудности для писцов (вспомним замечание Мусина-Пушкина об имевшемся у него «черном, измаранном» списке), либо восходят к разным спискам. С другой стороны, различные полнота словников и порядок расположения словарных статей того и другого списка наталкивают на мысль о том, что подлинный список труда Болтина мог представлять не рукопись в прямом смысле этого слова, а выписки на отдельных листах, часть которых была утрачена или перепутана ко времени копирования.

Заголовки Румянцевского и Бекетовского списков, а также приведенные Елагиным, Евгением Болховитиновым и Мусиным-Пушкиным не совпадают друг с другом, что может породить сомнение, имеется ли в виду один и тот же труд Болтина и даже — болтинское ли это сочинение. Это сомнение не имеет оснований. В 1794 г., ссылаясь на труд Болтина, Мусин-Пушкин привел из него цитату — мнение Болтина относительно свидетельства М. Стрыйковского о местонахождении

Тмутараканского княжества («Первая подпора для удостоверения слаба в рассуждении премногих Стриковского погрешностей»[63]), которая полностью совпадает с соответствующими местами Румянцевского и Бекетовского списков[64]. Много совпадений текстов списков имеется и с другими местами труда Мусина-Пушкина, хотя последний уже не приводил прямых цитат из сочинения своего коллеги, а часто вообще не ссылался на него (общая отсылка на словарь Болтина, как уже отмечалось, была сделана графом в «Описании народов, городов и урочищ, означенных в Чертеже»).

Для нашего дальнейшего рассказа и оценки труда Болтина важно установить время его работы над словарем. Базой словаря явилась «История» В. Н. Татищева, поэтому не случайно Румянцевский список назван «Словарем... к „Истории" Татищева» — название если и не восходящее к протографу, то по крайней мере отражающее суть работы Болтина. Однако ссылки в словаре охватывают только первые три книги «Истории» Татищева, вышедшие в 1768—1774 гг. Ссылки на четвертую книгу, увидевшую свет в 1784 г. отсутствуют. Следовательно, можно полагать, что свой словарь Болтин готовил между 1768 и 1784 гг. Это подтверждается и другим. Согласно расчетам Д. Н. Шанского[65], представляющимися убедительными, в 1784—1786 гг. Болтин готовил один из своих важнейших трудов — «Примечания» на «Историю России» Леклерка. Среди прочих вопросов он остановился здесь и на проблеме местонахождения Тмутараканского княжества.

Важное свидетельство об эволюции взглядов ученого в последующее время оставил Мусин-Пушкин. «Г. Болтин,— писал он,— в Примечаниях своих на Историю Леклерка положил сей город в Старой Рязани, но по дружескому своему почти ежедневному со мною обращению, многократно споря в защищение сего мнения, паче же читая сообщенные мною ему из истории обстоятельства и усмотрев несходство их с мнением своим и г. Татищева, принужден был напоследок переменить свои мысли и в ответе на письмо князя Щербатова, напечатанном в 1789 г., на странице 71 признался так: „Давно уже приметил я по многим обстоятельствам, что в Рязани Тмутаракань полагать не сходно, но, не обретая другого места приличнейшего, принужденным нашелся согласиться на мнение Татищева"»[66].

Словарь Болтина содержит специальную обширную статью о Тмутараканском княжестве. Она представляет собой подборку всех известных в то время фактов об этом княжестве с его собственными, подчас противоречивыми, неуверенными рассуждениями, вошедшими в книгу о труде Леклерка уже как более определенные заключения. Это также говорит о том, что текст о Тмутаракани был написан в словаре до работы над книгой о сочинении Леклерка, т. е. до 1784 г.

Таким образом, основная работа по подготовке словаря была проведена Болтиным до 1784 г. Это обстоятельство проливает новый свет на характер и назначение труда ученого. Словарь явился первым в отечественной науке специальным историко-географическим справочником — известный «Лексикон российский исторический, географический, политический и гражданский» Татищева был неполон, не доведен до конца и в части дефиниций топонимов давал преимущественно не историко-географические, а географо-экономические определения.

Словарь отразил начальный этап исторических разысканий Болтина, который не мыслил изучение прошлого без знания географии. «История с географиею,— писал он,— столь тесно связаны, что, не зная одной, писать о другой никак не можно» [67]. С другой стороны, интерес ученого к географической и исторической лексике объяснялся и его собственными лингвистическими упражнениями, результатами которых он не раз делился с коллегами по Российской академии. Читая Татищева, Болтин не просто знакомился с прошлым своей страны. Одновременно он готовил для себя важное справочное пособие по истории и географии Древней Руси, использованное им в позднейших работах. Например, в «Примечаниях» на сочинение Леклерка мы найдем аналогии, а иногда дословные повторения статей словаря о веси, уграх, касогах, хазарах и др. Более того, очевидно, свой словарь Болтин предназначал не только для себя, но и мечтал о его публикации. Об этом свидетельствует одно из замечаний ученого. Помещая в словарь сведения о городе Дестре, он пишет: «Г[ород], до Российской Географии не принадлежит, но по упоминанию его в Несторовой летописи *для разумения тех, кои ее читать будут, вносится сюда*» [68] (курсив мой.— *В. К.*).

Последнее обстоятельство, а также тот серьезный интерес, который проявил Болтин к историко-географи-

ческим сюжетам «Истории» Татищева, предопределили значимость проделанной ученым работы. Болтин тщательно зафиксировал около 600 топонимов и заинтересовавшую его чем-либо историческую лексику «Истории». Для представления об объеме проделанной ученым работы приведем словник словаря по Румянцевскому списку с дополнением пропущенных в нем слов по Бекетовскому списку и привлечением слов «Описания народов, городов и урочищ» Мусина-Пушкина, возможно восходящих к оригиналу труда Болтина *:

Альта (р.), Ахеши (ур.), Авраль (дер.), Ашла (Ашля) (гор.), [Алеши]*, Амовжа (р.), Балин * (г.), [Белая вежа], Белев * (г.), берендей, Берест (г.), Берестовое (ур.), Березов (г.), Березовой * (с.), берендеи, беркостены, Берлядь *, Бехан * (г.), бискуп, болгары, Богуслав * (г.), Боголюбов (г.), Болосье (м.), Болохово поле, Болохов (г.), Боогард (г.), боогард *, Боричев (ур.), Борисов * (г.), Болохово (м), Болшва (с), болонье, Болдин (г.), борьба, бояре, боуты, Брест (г.), Брянск (г.), Брагин (г.), Брагил (г.), бродницы, Бряхимов (г.), Бужеск (г.), Будильцы * (м.), Брынь (г.), Белавежа (г.), Белгород (г.), белка *, Белев * (г.), Брынь (обл.), Белоозеро (г.), Белая Русь (обл.), Белка (р.), Белобережье (обл.), [Белгород] (м.), [Бельжа] (г.), Вагруч (р.), варяги, Василев (г.), Василев (г.), Варяжское море, Варяжский остров, Вдовья гора (м.), Вернев (г.), Вереища, Великий град, [Волоть] (р.), Воздвиженск (г.), Витебск (г.), Визена (р.), Влена (р.), Волковской лес, волость, волок, Волость * (р.), волоты, Владимир на Волыни (г.), Владимир (г.), войско, Вороблин (г.), Воробьин (г.), Воронеж (г.), Воротын (г.), Ворч (г.), Ворскла (р.), Всеволож (г.), Выдобичи (м-рь), весь. Вяз (р.), Вятичев [холм], вятичи, Вырев (г.), Вышгород (г.), вьялица, Волковской лес *, Вернев (м.), Вяз (р.), Вышегощев (г.), Вороняй (р.), выгольцы, Варона (р.), [выдыбай], Галич (г.), [Галич Мережский] (г.), гангалы, Гамилы (м.), Глухов (г.), Глебов (г.), [Глинский] * (г.), Гзя (р.), голод *, Голск (г.), Голтва (р.), Гом (г.), голяды, Голяд (г.), [Гольд] (г.), [Голубино] (с.), Галабино * (с.), Горичев * (г.), Городец (г.), Городище (ур.), город, Горынь (р.), гривна, груда *, Гродня (г.), гути, Гургичев (г.), грунь *, дворяне, Дебрянец (г.), Дедославль (г.), Девяторецк (г.), демественник, деньги, Десна (р.), Деревская земля (обл.), Дерновое (м.), Дмитров (г.), Днепр (р.), днестряне, Днец (ур.), Добрянск (г.), Долобск (г. или ур.), [Домантов] * (г.), Дорогожичи (р.), Дорогобуж (г.), древляне, дрягвичи, Дрогичин (г.), Друцк (г.), Друтеск (г.), Друя (р.), Дрясна (р.), Дубна (р.), Дулебы *, Дубна (г.), Дубна Волынская (г.), Дубровна (с.), дети, Дестр * (г.), дулебы, Дулебское (оз.),

---

* Пояснительные слова в скобках: р.— река, г.— город, ур.— урочище, д.— деревня, с.— село, м.— местечко, обл.— область, м-рь — монастырь, оз.— озеро. Звездочкой обозначены слова, отсутствующие в Бекетовском списке. В квадратных скобках отмечены слова, отсутствующие в Румянцевском списке. В квадратных скобках со звездочкой поставлены слова, отсутствующие в Румянцевском и Бекетовском списках, но имеющиеся в «Описании народов, городов и урочищ...» Мусина-Пушкина.

дюдичи, Донец (р.), евнухи, Елмата (г.), Елсоферия (остров), Елец (г.), емь, Ерва (волость), ересь, Желань (м.), Ждяня (гора), Желни (г.), Железные ворота (легендарн.), Жистомель (г.), Жукотин (г.), заволочане *, Заволочье (обл.), законы, запасен, запрос, Зарецк (г.), заруты, Зарубь (г.), Зарай (г.), Зарытой (г.), Звенигород (г.), зимеголы, Змеев курган *, Золотая Орда *, Золотичи (ур.), Зубцов (г.), Зологa (р.), землетрясение, ижеславцы, Игорев (г.), Ивла (р.), Изборск (г.), Изяслав (г.), Ижеславль (г.), Икады (ур.), ингляне, исплечиться, Ишка (р.), [Кабаново] *, казары, Кадом (г.), [Калуга] * (г.), Калька (р.), [Каменное городище] *, Каменец г.), Канев * (г.), Карачев (г.), [Кафа] * (г.), Кашева (м.), Кесь (г.), Кидеша (с.), Кидекша (р.), Киев (г.), Кимера (г.), кимера, Киремы * (обл.), Клецк (г.), Клов (ур.), княжее право, Клязьма (р.), Козельск (г.), [Козлов] * (г.), Колокша (р.), Коломна (г.), Колывань (г.), Камоны (г.), Коломна (с.), корсь, канец, Карец (г.), корела, [Кимера] (г.), Карань * (м.), Корсунь (Херсонес) (г.), Корсунь днепровская (г.), Корсунь сибирская (г.), Коростень (г.), Корчева (Керчь) * (г.), Кострома (г.), Котельница (г.), Котельница (с.), Коренев остров, Кострома (г.), Констянтинов (г.), косоги, крещение, кривичи, Крилов * (г.), Кромы (г.), Красный (г.), Красный и Васильев (г.), Кудинов (г.), Куднерево (м.), Кужляк (р.), Курск (г.), Кучеково (м.), Кудиново (с.), Кумила (м.), Куглятино (г.), Кушино (г.), Кочари (м.), кусяне, коуи, Ладога (г.), Ладожское озеро, Латкуль, Латиголь (м.), Лесия (р.), ленчане, лехи (ляхи), Ливония (обл.), Листвень (г.), Литва, Лифляндия, Логожеск (г.), ложичи, Ловоть (р.), Локна (р.), лотигли, Лоница (р.), Лопасня (р.), Лубно (г.), Луга (р.), Луки (г.), Лукомля (г.), лукоморье, Луцк (г.), Луческ (г.), Лучино * (ур.), Лыбедь (р.), Любечь (г.), Любейск (г.), Любие (г.), Лютава (Лутава) (г.), лютичи, мазовшаны, Медведица (р.), Медвежья голова (г.), Межибожа (г.), Межимостье (г.), Мерло (р.), Мерека (р.), Меряжский Галич (г.), меря, мещера, Микулин (г.), Минск (г.), Миргород * (г.), митрополит, Михайлов (г.), Можайск (г.), Мозырь (г.), Молога (р.), Молодитин (г.), мор, мордва, Море (оз.), Морева (г.), Москва (г.), Мошна * (р.), Мста (р.), Мстили (г.), Мстиславль (г.), Мунарев (г.), Муравица (р.), Муровийск (м.), Муравск (г.), Муром (г.), мурома, Мутыржи (м.), Мценск (г.), Мылск (г.), Наключ (г.), народ, насад, наука, Нев (Нево) (оз.), Нежатино * (с.), Неключь (г.), Немон (р.), Нерль (р.), нерома, Нерей (р.), Несвиж (г.), Нижний Новград (г.), Новгород (г.), Новый град (на Оке) *, Новой торг (г.), норцы, Новгородок Северский (г.), Носов (г.), Нура (р.), обезы, Облов * (г.), Оборучев (г.), обри, Овруч (г.), Ольгов * (г.), Олжичи (с.), Олта (Альта) (р.), Ольшаница (р.), Орша (г.), Осетр (р.), Оскол (р.), Останьково (г.), Остер (р.), Острог (г.), Опаков (г.), Палица (р.), Перевалака (г.), Перемышль (г.), Пересечень (г.), Переяславль (г.), Перепетово (м.), Пересопница (г.), Пермь (г.), Перемирок (г.), Пертов (г.), Песий Остров, Песочень (г.), пленные, погост, Пленск (г.), Поганое озеро, подвойский, Подлюбск (г.), Подолие (часть г.), Пола (р.), Поле (Польская земля) (обл.), полони, Полкостен (г.), Полонное (г.), половцы, поляне *, полочане *, Понт (Понтийское море) *, Полоцк * (г.), Поротва (Притва) * (г.), Пронск * (г.), Проня * (р.), Пултеск * (г.), Путимль * (г.), Псков (Плесков) * (г.), Пруксова гора *, Псел * (р.), Пиров * (р.), полонное * Поросье * (обл.), Радилов * (г.), радимичи *, Радощь * (г.), рай, Ракома * (с.), Речица * (г.), Ржева (г.), Рогачев * (г.), Родня * (г.), Ропеск * (г.), Роса * (р.), Роситин * (г.), Роскуса * (г.), Ростиславль * (г.),

Ростов* (г.), Ростовец* (г.), Русь* (р.), Росчень* (д.), Рудица* (р.), Рупина (р.), Русь*, русальская неделя*, Руса (г.), Рылбск* (г.), Ршенеск (г.), Рязань (г.), Руть (р.), Рылск (г.), Сады (оз.), Саков (г.), Салница (р.), Санок (г.), Сан (р.), Сарай (г.), саранча, сарматы, Сбелей (г.), свеи, Свенигород (г.), Свина (р.), Свинарт (г.), Свиноград (г.), Свирелск (г.), Свирель (р.), Свирь (р.), Святополч (г.), святой, себи, Севск (г.), северяне, Селигер (оз.), Силигер (г.), Селин (с.), Семь (м.), сейм, Серебреное (м.), сетгола, Сереть (р.), Сетомля (р.), Синелец (г.), Сыреть* (р.), Сиов (р.), Сиовск (г.), Сить (р.), Скаявичи (обл.), скоуеди, скови, славяне, Славна (с.), Слуцк Киевский (г.), Слуцк Полоцкий (г.), Случ (р.), Смядынь (ур.), Снятин (г.), Снопород (р.), Собино (м.), Смоленск (г.), Сожа (р.), Сон (р.), Сожца (р.), Спит (г.), Сосна (р.), Стародуб (г.), Стугна (р.), Стряков (д.), стяг, Судома (р.), Сула (р.), Суздаль (г.), суеверие, Сутень (р.), Сутень (г.), сутень, Сулага (р.), Струи (р.), Сугров (г.), Супой (р.), Сура (р.), Сумеркен (г.), Счиж (г.), Счековица (Щековица) (гора), сыновец, Сыреть (р.), Сырейск (г.), сени, Суугли (р.), Ташла (г.), татара, Тверь (г.), Терга (р.), Теребовль (г.), [Терехтеширов]* (г.), тиверцы, Тилог (г.), Тихомль (г.), теплынь, Тетерева (р.), Тисмень (р.), тиун, теремец, Тмутаракань (г.), Товаров (г.), торки, торма, Торпей, Торческ (г.), Тамощь (г.), Торжок (г.), Торопец (г.), Торцес (г.), торчи, трапезница, Трейдер (р.), Тросна (р.), Трубчевск (г.), Трубеж (р.), Тумаща (м.), Триполь (г.), Туров Полоцкий (г.), Туров Польский (г.), Тучин (м-рь), Тухчин (г.), Томопц (г.), угличи, Угличе поле, Угль (р.), Удеч (ур.), Угорское (ур.), угры, Узел (р.), Ужеск (г.), Унжа (г.), Унжа (р.), урмяне, урок, Устье (г.), Утень (г.), Утеск (г.), училища, Уша (р.), Ушица (г.), Халеб (с.), хвалиссы, Хвалынское море, Херей (р.), Хляпе (г.), Хобер (Хобор) (г.), холопь, Ходиницы (м.), Хомолы (м.), Холохолня (с.), Хоревица (г.), Хороль (р.), Хортичи остров, Хотра (г.), хорваты, Цевца (р.), Цна (р.), Шеполь (г.), шнека, Шоша (м.), Шумск (г.), Шуракан (г.), [Шуя]* (г.), Шеломыя (с.), Шеринский лес, Чар (р.), Чевлюшев (г.), Чемерин (г.), Червень (г.), черемиса, черные клобуки, Чернобыль (г.), Черная могила (ур.), Черторыйск (г.), Черторыя (р.), Чичерск (г.), [Чугуев]* (г.), чудь, чудо, Чернигов (г.), югры, Юрьев Польский (г)., Юрьевец (г.), ятвяги, ясы, Ярышев (г.), Янчино (с.), Ярославль (г.), Ярославль Галицкий (г.), Ярославль Ростовский (г.), Яга (р.).

Во многих случаях Болтин дословно приводил определения Татищева, превращая их в словарные дефиниции. Таковы, например, топонимы «Амовжа», «Свиногород», «Хортич остров», слова «гривна», «тиун» и др. Но нередко автор словаря критически подходил к тексту Татищева, подчас поправляя его. Так, в статье о р. Гзе, приведя сообщение Татищева о том, что великий князь Всеволод сразился со своим братом Мстиславом у р. Палицы, Болтин отметил: «Кажется, сие прописка, а надобно бы написать у Липицы, ибо сие самое урочище вторично на странице 390 упоминается, где стоит правильно Липица»[69]. Выписав у Татищева упоминания р. Льты (Альты), он поправляет его, замечая, что

она «не впадает в [реку] Трубеж», как сказано у Татищева[70]. Рассказывая о Корсуне, Болтин замечает: «О местоположении его ни малейшего сумнения нет, что был в Крыму. Татищев погрешил, назвав сие выдумкою сочинителя Большого Чертежа»[71].

Изучая Татищева, а также, очевидно, используя какие-то другие источники, ученый стремился дать и свои дефиниции. Таково, например, определение слова «болонье», которое В. Н. Татищев переводил как «плоскость»[72]. Болтин дает иное толкование: «Болонье — преградие, пространство [города] окружающее, которое или выгоном для городских жителей служит, или предместиями заселено бывает», хотя и ссылается при этом на соответствующее место «Истории» Татищева[73]. Нередко словарные статьи в труде Болтина приобретают характер пространных рассуждений — первых набросков собственных выводов и наблюдений ученого, развитых им в позднейших трудах.

Все это позволяет говорить о значительной самостоятельности словаря Болтина. Отталкиваясь от «Истории» Татищева, он создавал не только необходимое в его будущих исторических разысканиях справочное пособие, но и одновременно настойчиво стремился уяснить для себя многие из историко-географических сюжетов. Словарь должен был стать и стал для его автора в последующие годы незаменимым пособием. С его помощью ученый мог оперативно навести справки у Татищева по широкому кругу вопросов, освежить те свои представления, которые возникли однажды при систематическом знакомстве с «Историей».

В упомянутой статье Евгения Болховитинова сообщалось о еще одном неопубликованном труде Болтина — «Толковом славянороссийском словаре буквы А. Да и для продолжения сего великого и трудного сочинения были у него материалы». Филологические упражнения Болтина были хорошо известны его современникам. Как член Российской академии он принимал деятельное участие в подготовке «Словаря» Российской академии в качестве толкователя слов «казак», «крес», «воскрешать», «воскресить», «помню» и др. Ученый проявлял пристальный интерес к истории русского языка.

В основе лингвистических представлений Болтина лежало несколько тезисов-гипотез, уходящих корнями в его исторические представления о древних руссах не как о славянах, а как о цымбрах. Он утверждал «раз-

ность природы и свойств» русского и славянского языков: первый, по его мнению, в древности был близок к венгерскому языку, являлся разговорным, второй — восходил к языку сарматских племен, распространился в Древней Руси в X в. среди знати и духовенства, был в основном книжным. «Но чтобы в половине XI века писаны были книги на русском языке...,— возражал он Щербатову,— тому поверить едва ли возможно. Грамоте тогда знали только духовные и весьма малое число из мирских; учились они по книгам славянским и писали испорченным языком славянским, каковым писал после Нестор... язык же русской оставался в общенародии только для разговора, и ежели, может быть, и был в писании употребляем, но до нас не дошло не только кого-либо сочинения, даже малейшего отрывка, писанного древним русским языком». Соответственно и современный русский язык представлялся Болтину как результат «смешения славянского с русским и частию сарматским и татарским» [74].

Ученый обращает пристальное внимание на правописание. Он, например, во многих местах поправляет Щербатова, полагая, что надо писать вместо «прелогать» — «прелагать», «просвящение» — «просвещение», «притчина» — «причина», «итти» — «идти» и т. д.

Нет ничего удивительного в том, что Болтин увлекся и работой над «Толковым славянороссийским словарем». К сожалению, в настоящее время этот труд или даже хотя бы списки его фрагментов неизвестны. Однако сохранился ряд материалов, которые позволяют частично реконструировать принципы составления и состав «Толкового славянороссийского словаря». При этом важно подчеркнуть, что работа над ним велась автором параллельно с созданием аналогичного труда в стенах Российской академии. Вот почему, когда в 1784 г. Российская академия обратилась к своим членам с просьбой высказать соображения о проекте готовящегося словаря, Болтин, опираясь на уже проделанную им работу, изложил их следующим образом: 1) в словарь внести собственные имена, «между прочим, потому, что они иногда употребляются в переносном смысле и что в старину в челобитьях и вообще в судопроизводстве употребляемы были мирянами имена уменьшительные, а духовными лицами — увеличительные»; 2) включить в словарь названия государств, столиц, крупных российских городов, рек, морей и т. д.;

3) дополнить словарь терминами, употребляющимися в науках, ремеслах, «художествах»; 4) словарь должен содержать все без исключения «областные» слова [75].

Нетрудно заметить, что толковый словарь Российской академии Болтин, по существу, мыслил словарем энциклопедическим. Это подчеркивалось не только составом словника, но и его алфавитным, а не «корнесловным» расположением терминов. Российская академия, первоначально принявшая предложения Болтина, затем была вынуждена отказаться от них, придав своему словарю чисто лингвистический уклон.

Надо полагать, что и после этого Болтин не изменил своего плана подготовки «Толкового славянороссийского словаря», собирая для него материалы. Как и географический словарь, он стал для него большим подспорьем в последующих трудах, буквально насыщенных всевозможными «словотолкованиями». Помимо слов, включенных в географический словарь, Болтин объясняет и другие: город, дань, дебрь, детеск, детинец, закуп, зуб, казаки, кара (кар), месячина, насады, отрок, острог, погреб, полк, ржавец, рядович, смерд, становище, стяг, стяговик, тысяцкий, холоп и др.

В собранных Евгением Болховитиновым материалах для словаря русских писателей имеются сведения о том, что другой сотрудник Мусина-Пушкина — Елагин оставил после себя «Опыт его (Елагина.— *В. К.*) российской истории, над которым трудился он ежедневно около 10 лет, в 15 книгах». «Список оного,— сообщал Евгений Болховитинов,— его рукою правленный, подарен графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину, яко приятелю его и любителю отечественной истории с сего собственной его руки надписью» [76]. Эти известия без каких-либо изменений вошли в биографию Елагина, помещенную на страницах журнала «Друг просвещения» [77].

«Опыту повествования о России» (первоначально он назывался: «Опыт любомудрого и политического о государстве Российском повествования») не повезло ни с изданием, ни с позднейшим вниманием со стороны исследователей. Сам Елагин твердо решил не издавать при жизни подготовленный труд. «Ведаю совершенно,— писал он,— что сродное человеку честолюбие не принудит меня самого во всю жизнь мою к изданию сего «Опыта», но не могу ответствовать за тех, в чьих руках после смерти моей он останется» [78]. Впрочем, дело

заключалось не только в скромности автора «Опыта». «Сильнейшее еще препятствие (к изданию.— *В. К.*),— как признавался Елагин в предисловии,— есть опасность, да не сочтут меня, не приобыкшие к такому роду сочинений, язвителем бывших государей, которых по закоренелому, может быть, страху и предубеждению и великими и отцами Отечества почитают, а повествования справедливость инако опишет. Хотя народные мысли щедротою великой Екатерины, самодержицы нашей, и развязаны и от мечтательного освобождены страха, но одни раболепства духа еще полны и долгого времени к истреблению его требуют; другие дерзновением своемыслия так заражены, что и невинные слова могут обратить в пищу несмысленного их о вольности гражданской понятия и своевольного заблуждения» [79].

В 1795 г., уже после смерти автора, в Петербурге была предпринята попытка напечатать первую часть его труда, но она, по позднейшему свидетельству, «кажется не вышла в публику» [80]. В начале XIX в. первая часть «Опыта» все-таки увидела свет в Москве иждивением содержателей университетской типографии Гария, Любия, Попова и поднесена куратором Московского университета М. Ковалевским Александру I. Однако издание было осуществлено не по подлинной рукописи, хранившейся в собрании Мусина-Пушкина, а по одному из ходивших по рукам списков. Евгений Болховитинов, а вслед за ним и Калайдович сообщали, что это издание напечатано «с неисправного списка и с весьма многими опечатками, часто затмевающими даже смысл» [81]. В 1809 г. журнал «Русский вестник», говоря о труде Елагина, обращался к его владельцу: «Желательно, чтобы сие сочинение, которое находится вполне у одного почтенного любителя русских древностей, вскоре обогатило словесность нашу» [82].

Откровенно публицистическое звучание «Опыта», возможно, явилось причиной запрета его выхода в свет в 1795 г. Но и в начале XIX в., когда первая часть сочинения Елагина стала доступной широкому читателю, она оказалась предметом ожесточенных споров. В упоминавшейся выше брошюре Л. Н. Неваховича автор был вынужден защищать «беспристрастие» И. П. Елагина и его патриотизм, вызвавшие критику в одном немецком ежемесячном издании («Allgemeine Litteraturzeitung», 1804, февраль, № 56). Антиклерикальная направленность «Опыта» встретила суровую критику на

~~Опытъ~~

~~Любомудраго и Политическаго~~

~~о~~

~~Государствѣ Россiйскомъ~~

Опытъ

Повѣствованiя

о

Россiи

часть первая

Книга I.

Отъ начала до лѣта отъ сотворенiя мiра 6523.
отъ Рождества Христова. — 1015.

— — — Je déclare que mon dessein est de m'attacher
„fidèlement à la vérité, et d'éviter avec le même soin
„les partialités de la faveur, et celles de la haine. — —
de Thou. Hist: univ. T. 1. p. 1.

М. / сотрудника самерднаго
Первый списокъ для поправки. —

Начата Маiя 9. дня 1790. года.

Списокъ сей, хотя несовершенъ, но мною нѣсколько
поправленный, предаю я другу моему Алексѣю Ива-
новичу Пушкину, яко охотнику и достаточному
въ повѣствованiи Россiйскомъ знатоку; желая, чтобы
сочиненiе мое послужило ему навсегда залогомъ
дружбы и почтенiя, съ которымъ я былъ и буду до
конца моей жизни: а въ замѣну того прошу содер-
жать сей трудъ мой, нѣкогда несовершенный, но и не-
спрасный въ тайнѣ отъ любопытства
непредвзятаго ... И: Елагинъ
А.

Титульный лист «Опыта повествования о России» И. П. Елагина с дарственной надписью автора А. И. Мусину-Пушкину

страницах исторического сочинения митрополита Платона (Левшина), который отнес Елагина к числу тех «истории российской писателей», которые «некоторых духовных непорядки и погрешности или слишком увеличивают, или из них худые выводят заключения, коих связь истории не утверждают; или еще входя в самую их мысль, вредные какие-то им приписывают намерения, коих совсем не было, или древние их поступки, с тогдашним временем сходственные, представляют по образу мыслей и состоянию настоящего времени, что с порядком и истиною истории никак несовместимо»[83]. Зато восторженный отзыв об «Опыте» мы встречаем в первой, целиком посвященной истории книжке журнала «Корифей», издававшегося Я. А. Галинковским. По словам анонимного автора, Елагин, «отложивши ласкательство и боязнь, всегдашние оковы писателей народных, он смелою кистью тушует пороки и добродетели действующих [лиц] и каждому из них дает настоящее место, цену, вес, но он не энтузиаст и не фанатик и потому его умозаключения, доказанные прямою, смелою истиною, никогда не выходят за пределы скромности и уважения должного главам венценосцев»[84].

Судя по тому, что рецензент «Опыта» в «Корифее» привел его первоначальное название, а сам журнал вышел в 1802 г., т. е. до издания «Опыта», можно заключить, что труд Елагина был известен автору рецензии в рукописи. О широком хождении среди современников Елагина частей его сочинения свидетельствуют и сохранившиеся списки[85].

Но для темы нашей работы наибольший интерес представляют авторизованные списки «Опыта». В настоящее время все они переплетены в 12 больших рукописей и хранятся в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Приведем их краткое описание.

Рукопись F.IV.34.1. Содержит: писарский список «Приношения премудрости» — обширное предисловие к «Опыту» (с. 1—65 *), писарский список с авторской правкой ч. 1 (кн. 1—3), в которой повествование от библейских времен доведено до 1015 г. (с. 66—491), черновой автограф ч. 2 (кн. 4—6) с рассказом о событиях 1015—1139 гг. (с. 1—342). На титульном листе

* Здесь и далее указывается авторская пагинация.

ч. 2 — запись о начале работы над ней 10 октября 1790 г.

Рукопись F.IV.34.2. Содержит черновой автограф ч. 3 (кн. 7—9) (386 с.), охватывающей события 1139—1157 гг. На титульном листе — запись о начале работы над ч. 3 в феврале 1791 г.

Рукопись F.IV.34.3. Содержит черновой автограф ч. 4 (кн. 10—12) (593 с.), охватывающей события 1157—1224 гг. На титульном листе — запись о начале работы над ч. 4 4 июля 1791 г.

Рукопись F.IV.34.4. Содержит: черновой автограф ч. 5 (кн. 13—15) (583 с.) и черновой автограф ч. 6 (кн. 16—17) (109 с. и 74 с.). Повествование ч. 5 охватывает события 1224—1425 гг., ч. 6 — 1425—1450 гг. На титульном листе ч. 5 — запись о начале работы над ней 2 января 1792 г., а ч. 6 — о начале работы над ней 22 октября 1792 г.

Рукопись F.IV.34.5. Содержит: писарский список с авторской правкой ч. 7 (кн. 18—20) (853 с.), которая по первоначальному замыслу являлась ч. 1 и 2 (кн. 1—6) «Опыта». Включает описание событий 1462—1506 гг.

Рукопись F. IV.34.6. Содержит: черновой автограф ч. 8 (разбивка по книгам отсутствует) (322 с.), которая по первоначальному замыслу являлась ч. 3, а также черновой автограф ч. 9 (разбивка на книги отсутствует) (766 с.), являвшейся по первоначальному замыслу ч. 4. Ч. 8 включает описание событий 1506—1534 гг., а ч. 9 — 1534—1564 гг. (текст обрывается). Согласно записи на ч. 8 она «зачета» 7 января 1788 г., а окончена 24 марта 1789 г. Запись о начале работы над 9 ч. датирована 25 марта 1789 г.

Рукопись F.IV.651.1. Содержит: писарские списки «Приношения премудрости» (с. I—II), «Предуведомления читателю» (с. III—XXVII) и ч. 1 (кн. 1—3) (640 с.). Повествование охватывает события от библейских времен до 1015 г. На титульном листе — запись о начале работы над рукописью 9 мая 1790 г.

Рукопись F.VI.651.2. Содержит писарский список с авторской правкой с рукописи F.651.1 фрагментов «Предуведомления» и ч. 1 (без авторской пагинации), а также черновые автографы фрагментов ч. 1, «Баснословное повествование о древности народа русского», «Книга 1, содержащая начало и прехождение народов до сказания Новограда» (219 с.), «Часть первой книги 3 от лета 972» (93 с.), «Приношение премудрости»

(39 с.), «Части первой книга 1» (68 с.), «Глава первая. О соединении руссов с хвалисами» (49 с.). Рукопись включает фрагменты повествования от библейских времен по 1015 г. Имеются записи о начале работы над ч. 1 и кн. 1 этой части 3 и 9 мая 1790 г.

Рукопись F.IV.651.3. Содержит: писарский список с авторской правкой «Приношения премудрости» (с. I—II) и «Предуведомления к читателю будущих времен» (с. III—XIII), а также неполный черновой автограф ч. 7 (с. 95—591), которая по первоначальному замыслу являлась ч. 1 и 2 и сохранила первоначальное название труда Елагина: «Опыт повествования о государях российских и о их царствованиях: от великого князя Иоанна Васильевича Третьяго всея России самодержца». Повествование ч. 7 охватывает события 1471—1506 гг.

Рукопись F.IV.651.4. Содержит писарский список с рукописи F.IV.651.3 с авторской правкой ч. 7 (440 с.), которая по первоначальному замыслу являлась ч. 1 и 2 «Опыта». Начинается «Вступлением» — «Состояние России до великого князя Иоанна Васильевича III лета от Р.Х.1462». С этой рукописи изготовлена рукопись F.IV.34.5. Имеются многочисленные указания Елагина писцу рукописи F.IV.34.5: «Сюда примечание у меня спросить», «NB. Отсюда на лист 27», «NB. Писать неоконченные книги § следующий» и т. д. Повествование охватывает события 1462—1506 гг.

Рукопись F.IV.651.5. Содержит писарский список с авторской правкой (322 с.) ч. 8 или по первоначальному замыслу ч. 3. Изготовлен с рукописи F.IV.34.6. Повествование охватывает события 1506—1534 гг., а также включает текст «Заключения».

Рукопись F.IV.515. Содержит писарский список с авторской правкой ч. 1 (кн. 1 и 2) и фрагмент кн. 3 той же части. Является списком с рукописи F.IV.651.1.

Анонимный рецензент «Опыта» в «Корифее», как и Евгений Болховитинов, характеризуя труд Елагина, сообщал: «Утверждают, что сие творение состоит в XV томах, которые находятся у наследников сего мужа» [86]. Биографы Елагина ошиблись только в отношении количества книг «Опыта», называя число 15, тогда как на самом деле их сохранилось не менее 25. Надпись Елагина на одной из них не оставляет сомнения в том, что рукописи ГПБ или часть их — из библиотеки Мусина-Пушкина: «Список сей, хотя несовершен, но мною несколько поправленный, предаю я другу моему, Алек-

сею Ивановичу [Мусину-]Пушкину, яко охотнику и достаточному в повествовании русском знатоку, желая, чтоб сочинение мое послужило ему навсегда залогом дружбы и почтения, с которым я был и буду до конца моей жизни, а в замену того, прошу содержать сей труд мой, не только несовершенный, но и неисправный, в таинстве от любопытства по предписанию в предуведомлении. Ив. Елагин» [87].

Сохранившиеся авторские списки «Опыта» красноречиво свидетельствуют о том, насколько обширную работу проделал Елагин по шлифовке, редактированию своего сочинения. Как правило, черновой авторский текст, неоднократно правленный, переписывался писцом, затем Елагин вновь правил текст, который перебелялся заново и еще не раз редактировался. Последняя правка, карандашная, касалась преимущественно правописания. Она представляла собой завершающую стадию работы, хотя, судя по ряду помет, не исключала и последующего, подчас весьма существенного редактирования.

Важна одна особенность авторских списков «Опыта»: наличие в них многочисленных карандашных пометок, имеющих самостоятельное значение. Часть из них принадлежит Елагину, часть — неизвестным (в том числе позднейшим) читателям его «Опыта». Читательские заметки отразили восприятие повествования Елагина его современниками, причем некоторые из них можно рассматривать как дружеские советы автору. Против характеристики великого князя Мстислава Изяславича поставлено: «Се мой герой» [88]; на полях рядом с пространным рассуждением Елагина об Иване III, который «по справедливости героем нареченный государь, к несчастию рода человеческого был подражателем всея ханов татарских суровости», записано: «Попало» [89]. Против елагинского комментария к пересказанной им по летописи речи Игоря Святославича перед битвой с половцами («Чему быть, того не миновать») отмечено: «Fatalisimo» [90]. Оценка Александра Невского, который, по мнению Елагина «пребудет жив, доколе существовать будет вселенная!», вызвала возражение: «Много!» [91] По поводу рассуждения И. П. Елагина о церкви, которая не упускает «и власть свою утверждать, и имением себя обогащать повсюду», сделано предостережение, по всей видимости, читателем XIX в.: «Не понравится сие сочинителю Церковной истории» [92],

т. е., очевидно, митрополиту Платону. Характерна помета к тексту о закалке меди в древности: «Все сие, яко в тексте быть не может, поставить должно, по мнению моему, в выноске под чертою», что и было впоследствии учтено [93].

В «Предуведомлении читателю» Елагин сообщал, что к своему труду он приступил по совету друзей. Он писал «Опыт» почти одновременно с созданием Екатериной II «Записок касательно российской истории», Щербатовым — «Истории Российской» и с разворачивавшейся полемикой между Болтиным и Щербатовым. Бросается в глаза явно антищербатовская направленность работы Елагина. При этом основные, наиболее резкие характеристики Щербатова как историка автором «Опыта» были внесены уже после смерти Щербатова в декабре 1790 г. Антипатия Елагина к Щербатову была взаимной: последний в сочинении «О повреждении нравов в России», характеризуя екатерининское окружение, писал: «Не меньше Иван Перфильевич Елагин употреблял стараний приватно и всенародно ей (Екатерине II.— *В. К.*) льстить. Быв директор театру, разные сочинения в честь ее слагаемы были, балеты танцами возвещали ее дела» [94].

Авторские указания и сохранившиеся списки труда Елагина позволяют представить структуру «Опыта». Первая, опубликованная часть (кн. 1—3) доводила повествование с библейских времен до 1015 г.; вторая (кн. 4—6) — содержала рассказ о событиях 1015—1138 гг.; третья (кн. 7—9) повествовала о событиях 1139—1157 гг.; четвертая (кн. 10—12) включила описание «происшествий» 1157—1224 гг.; пятая (кн. 13—15) повествовала о событиях 1224—1425 гг.; шестая (кн. 16—17) — 1425—1450 гг.; седьмая (кн. 18—20) описывала время с 1462 по 1506 г.; восьмая (по меньшей мере две книги) рассказывала о событиях 1506—1534 гг., девятая повествовала о 1534—1564 гг.

Свое повествование Елагин задумал первоначально начать с правления Ивана III как продолжение «Истории Российской» Татищева и надеялся довести его до середины XVIII в. Если верить его записям, к январю 1788 г. Елагин подготовил первые две части «Опыта», составившие позднее ч. 7. 7 января 1788 г. И. П. Елагин приступил к работе над книгами третьей части (ставшей затем восьмой). Они были вчерне завершены 24 марта 1789 г. На следующий день он пе-

решел к годам правления Ивана Грозного и в дальнейшем довел свой рассказ до 1564 г. Однако, по свидетельству самого автора, вскоре друзья убедили его начать повествование о России с древнейших времен. «Читателю,— записал он на одной из рукописей,— подобает ведать, что Опыт повествования моего начал я два года прежде, нежели пустился в летопись первоначальныя народа русского истории, со царствования Иоанна I, самодержца Московского, и уже до внука его, Иоанна II, прозванного Грозным, который совершенно Казанским и Астраханским овладел царством, написал. Но то начало, по убеждению друзей моих, требовавших от меня полного о России повествования, оставил, и се, к присоединению всего целого, к тому началу приступаю... Объявленное в уменачертании моем намерение трудиться до времени царствования императрицы Елисавет Петровны, т. е. до половины XVIII столетия» [95].

Это свидетельство Елагина вновь возвращает нас к «беседам» в кружке об отечественной истории. Дело в том, что еще в своей критике Леклерка Болтин заметил, что в России пока еще нет «полной хорошей истории», что вызвало возражение Щербатова, сославшегося на труды Татищева и Ломоносова. Отвечая Щербатову, Болтин разъяснил свою позицию. «Не погрешил я противу справедливости,— писал он,— сказав, что нет у нас поныне полной хорошей истории... ибо не сказал я, что нет у нас никакой хорошей истории, но нет полной, каковою ни Ломоносова, ни Татищева назваться не может» [96]. Иначе говоря, изменение первоначального плана Елагина отражало определенную программную установку кружка, реализовать которую частично удалось как Елагину, так и его младшему современнику Карамзину.

Отложив описание царствования Ивана Грозного, в начале мая 1790 г. Елагин приступил к главам, которые составили в конце концов ч. 1 его «Опыта». 10 октября того же года он начал ч. 2, в феврале 1791 г.— ч. 3, завершив ее в конце июня — начале июля и приступив к следующей. 1 января 1792 г. была закончена ч. 4 «Опыта». На следующий день Елагин уже работал над ч. 5. В октябре того же года была начата ч. 6 и доведена, как уже отмечалось, до 1450 г. Очевидно, после этого Елагин перенумеровал заново части и книги своего труда с учетом сделанного им до мая 1790 г.

О дальнейшем говорит приписка неизвестного автора на писарском, правленном Елагиным списке ч. 5: «Здесь постигшая болезнь и смерть сочинителя остановили повествование. 12-ю годами не соединился он с первым труда своего началом, т. е. с описанием царствования великого князя Иоанна Васильевича III, проименованного Великим, которое начинается в 1462 г.» [97]

В «Предуведомлении читателю» Елагин охарактеризовал и важнейший методологический принцип своих исторических упражнений. «Искушенный летами и долговременным отечеству при трех русских царствованиях и, наконец, в важнейших внутренних должностях служением наставленный,— писал он здесь,— ласкаюсь я быть удобным к исследованию прошедшего времени деяний, уподобляя оные приключения, в глазах моих происходившим. Тогдашние учреждения и положения государства снося с настоящими, кажется, не заблуждуся в определении причины действиям... Я ведаю, что те же добродетели и те же пороки и страсти присущны и ныне в Петербурге и в Москве, какие в Афинах и Риме существовали. Не изменение сердец, но больше и меньше просвещения и невежества творят нравов разновидность, а природа таж всегда пребывает» [98].

Стремление оценить явления, характеры и поступки людей прошлого с точки зрения своеобразного понимания проблем настоящего придало «Опыту» острое публицистическое звучание. По существу, свой исторический труд Елагин превратил в риторическое сочинение с многочисленными экскурсами в современность — не случайно в него включено даже похвальное слово автора П. А. Румянцеву-Задунайскому [99]. Рассказ о том или ином историческом событии служил часто Елагину исходной точкой для многословных общественно-политических рассуждений и нравоучений. «Опыт» наполнен сентенциями, обращенными к читателям, типа: «Храбрость без искусства и опытности есть несовершенная еще добродетель», «Властолюбие, зависть и ненависть есть тайные пороки, которые, обладав единожды склонностью им порабощенного сердца, никакими удовлетворениями не истребляются» [100] и т. д.

Общественно-политические взгляды и идеалы Елагина целиком основывались на «Наказе» Екатерины II Уложенной комиссии, обильно цитируемом в его труде. «Опыт» бичует «мечтательность» государей в политике, осуждает дворянский космополитизм, содержит воинст-

вующе-монархические тирады против Французской революции и «вредного энциклопедистов любомудрия», есть в нем и выпады против церкви и церковной иерархии.

Последнее особенно примечательно для общественно-политических взглядов кружка. Уже Болтин решительно изобличал церковь, которая путем «грубых подлогов» обогащалась «великими имениями и доходами». «Несколько веков пользовалися всеми благами мира, отрекшиеся от мира,— заключал он,— и всего яже в мире на счет суеверия, невежества и пустосвятства; к соблазну людей, имеющих здравый смысл, и к подкреплению лености и тунеядства»[101]. Елагин старательно в «Опыте» подбирал примеры, когда пороки духовенства, их честолюбивые амбиции производили «зловредное нравов преобразование», воздействовали на политику русских правителей. «Действующая беспредельно над гражданским поведением духовная власть во всяком политическом теле есть вред обществу и светскому правительству предосудительны!»,— заключал он[102]. Легко представить, каким могло быть сотрудничество кружка, например, с Российской академией, где на 1796 г. из 78 членов 19 принадлежали к духовному сословию.

В основе исторической концепции Елагина лежал тезис об исконности и безусловной прогрессивности для России самодержавия. Повторяя «Наказ» Екатерины II, он пишет, что Россия в силу обширности своей территории может быть только государством с монархической формой правления, «ибо разносилие толь могущего тела членов единого токмо живого содержимо быть удобно»[103]. Дворянство, в первую очередь служилое, по мысли Елагина, всегда в истории России было опорой самодержавия. Самодержавие обеспечивало стране порядок, «благоденствие», защиту от внешних врагов. Благодаря самодержавию государство вплоть до смерти Владимира I было одним из могущественных в Европе, страна «была просвещена, сколько и все современные тогда в Европе народы»[104]. Раздробленность создала условия для ордынского ига, которое отбросило Россию в ее поступательном развитии. Иван III открыл двери России европейскому просвещению. В «слабостях» его внука, Ивана Грозного, лежала причина бедствий страны в начале XVII в. С воцарением Романовых началось возрождение России, достойно продолженное Петром I и Екатериной II.

Елагин отнюдь не ортодоксальный противник и республиканской формы правления. Останавливаясь на истории Новгорода и отмечая элементы «своевольства народного», «непостоянство» народной власти, он склонен признать его положительную роль в русской истории. Автор «Опыта» с явной симпатией описывает трагические для Новгорода походы Василия III и Ивана Грозного и осуждает самодержцев за учиненные ими жестокости.

Обосновывая прогрессивную роль самодержавия в русской истории, Елагин исходил из учения о «хорошем» самодержце. Политические и нравственные качества монархов, повторял он Монтескье, способствуют государственным успехам или неудачам. Народ, подчиняясь воле самодержцев, вправе требовать от них постоянной заботы об «общем благе».

Одна из основополагающих идей «Опыта» — идея постоянства русского национального характера, обычаев, традиций, мышления и поступков русских людей. В этом Елагин видел главное отличие русской истории от истории других народов. Политическая подоплека этой идеи станет очевидной, если указать, что в числе особенностей национального характера, оставшихся неизменными от древности до современности, Елагин поставил приверженность русского народа к самодержавию. Тем самым подчеркивалось, что в России невозможны события, подобные произошедшим во Франции в «единогодичное время».

«Опыт» был задуман как фундаментально документированное историческое сочинение с обширными примечаниями (автору удалось подготовить примечания только к первой части) и родословными таблицами. Среди его источников преобладают материалы, опубликованные к началу работы над ним, но Елагин ссылался и на неизданные источники.

Труд Елагина пронизан нескрываемым уважением к историческим упражнениям Татищева и Болтина. По его свидетельству, с Татищевым ему не раз приходилось беседовать об истории и тот, в частности, говорил ему о «более 3 частях» своего труда по истории, который «далее ложного Димитрия... простерлся»[105]. Выделяя вслед за Болтиным «бредословия» иностранных источников по русской истории, Елагин предупреждает, что их нельзя использовать, «как то с отменным знанием и ученостью уличает невежд сих современник нам

и мой особенно почтенный друг господин Болтин в примечаниях своих на буесловного Леклерка»[106].

Рассмотренные в данной главе два сочинения Болтина и Елагина в случае их публикации в XVIII в. стали бы, несомненно, заметными событиями своего времени. Ныне они представляют прежде всего историографический интерес, а также важны как источники, имеющие прямое отношение к истории «Слова о полку Игореве» в XVIII в.

[1] Весьма показательным в этом отношении оказался отзыв Ф. И. Круга о своей научной работе. См.: *Куник А. А.* Содействие Круга канцлеру графу Румянцеву в пользу русской истории // ЖМНП. 1850. № 1. С. 15—18.

[2] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1881. Вып. 5. С. 275.

[3] Там же. СПб., 1876. Вып. 2. С. 209—214.

[4] Там же. С. 436.

[5] Там же. С. 315.

[6] *Киреева Р. А.* Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М., 1983. С. 79, 80.

[7] Письма Н. М. Карамзина к М. Н. Муравьеву // Москвитянин. 1845. Ч. 1. № 1. С. 9.

[8] *Бескровный Л. Г.* Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 70; *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 68.

[9] *Глиноецкий Н. П.* История российского Генерального штаба. СПб., 1887. Т. 1. С. 360—363.

[10] *Зубов В. П.* Историография естественных наук в России. М., 1956. С. 111—113.

[11] *Бескровный Л. Г.* Указ. соч. С. 79, 80; *Тартаковский А. Г.* У истоков русской историографии 1812 года // История и историки: Историогр. ежегодник, 1978. М., 1981. С. 67—95.

[12] Подробнее см.: *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд. М., 1985. С. 17—22.

[13] *Аронсон М., Рейсер С.* Литературные кружки и салоны. Л., 1929. С. 125.

[14] «Арзамас» и арзамасские протоколы. Л., 1929. С. 246.

[15] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 65—68, 146—147 и др.; *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 34—38.

[16] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I. С. III.

[17] [*Екатерина II*]. Подражание Шакеспиру. Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил, из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями генерал-майора Болтина. СПб., 1792. С. II; 3-е изд. СПб., 1793.

[18] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. 1. С. 445—447.

[19] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование о местоположении древняго Российскаго Тмутараканского княжения. СПб., 1794. С. 6.

[20] *Елагин И. П.* Указ. соч. С. 447.

[21] О дате смерти Елагина в литературе имелись противоречивые данные: от 1792 до 1797 г. В заседании Российской академии 24 сентября 1793 г. ее члены были извещены «о кончине, воспоследовавшей сего сентября 22 дня члена Академии... Ивана Перфильевича Елагина». См.: Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. СПб., 1808. Ч. 3. С. 75.

[22] В одном из писем Мусина-Пушкина к сыну Н. Н. Бантыш-Каменского Д. Н. Бантыш-Каменскому (1814 г.) граф признавался в пятидесятилетней «без мала» дружбе с его отцом. См.: Русская старина. 1889. № 9. С. 193.

[23] Это следует из слов Н. М. Карамзина в его письме 1817 г. к А. Ф. Малиновскому об умершем графе, который 20 лет «изъявлял нам приязнь». См.: Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Николаевичу Бегичеву. М., 1860. С. 20.

[24] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 863. Л. 17. Письмо графа к сыну. Машиноп. копия.

[25] Впрочем, «собрания» кружка, по всей видимости, были заметным событием в жизни Москвы — об этом говорит письмо графа М. Ф. Каменского своему сыну (1808 г.), в котором он, в частности, писал: «У графа Алексея Ивановича [Мусина-Пушкина.— *В. К.*] в доме, как у бывшего, помнится, директора Академии, разговоры, должно быть, учебные (ученые.— *В. К.*), и в них почерпнуть можно, да и должно». (Письма графа М. Ф. Каменского к сыну его графу Н. М. Каменскому // Русский архив. 1868. № 10. С. 1506).

[26] Сочинения Г. Р. Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1868. Т. I. С. 374.

[27] Там же. С. 375.

[28] *Попов А. Н.* Москва в 1812 году // Русский архив. 1875. № 7. С. 269, 274; Воспоминания Федора Петровича Лубяновского. М., 1872. С. 262, 263.

[29] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 512. Л. 4. Машиноп. копия.

[30] Там же. Д. 10304. Л. 1, 1 об. Здесь же (л. 2) — второй вариант этого прошения.

[31] Там же. Д. 512. Л. 6. Машинописная копия с черновика письма Мусина-Пушкина.

[32] [*Мусин-Пушкин А. И.*] Историческое замечание о начале и местоположении древняго российскаго, так называемаго Холопья Города. М., 1810.

[33] Примерная приверженность и признательность крестьян по кончине благодетельного помещика // Русский вестник. 1809. Ч. 5. № 2. С. 207—220.

[34] В настоящее время нам неизвестно ни одного экземпляра этой книги, хотя рецензия на нее была в свое время опубликована. См.: Московские записки // Вестник Европы. 1810. № 2. С. 149.

[35] Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 137, 138.

[36] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 770. Л. 32 об. Машиноп. копия.

[37] Сочинения Карамзина. Пг., 1917. Т. 1. С. 305—318.

[38] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10305. Л. 8.

[39] *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 27—29 и др.; *Болтин И. Н.* Примечания на Историю... Т. 2. С. 173, 174.

[40] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793. С. 16.

[41] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 781. Л. 16. Машиноп. копия.

[42] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794; *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805; *Оленин А. Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. СПб., 1806.

[43] *Евгений Булгар.* Историческое розыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги, писанное на латинском языке с присовокуплением российского перевода. СПб., 1792.

[44] Ироическая песнь о походе на половцев удельного князя Новагорода — Северскаго Игоря Святославича, писанная старинным русским языком в исходе XII столетия с переложением на употребительное ныне наречие. М., 1800. При настоящем исследовании использовалась фотокопия, имеющаяся в книге Л. А. Дмитриева «История первого издания „Слова о полку Игореве"» (М.; Л., 1960).

[45] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 210.

[46] *Берков П. Н.* Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 130—132.

[47] Правда Руская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. СПб., 1792; М., 1799; Духовная великаго князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1792.

[48] ГПБ. Погод 2009/1. Л. 364 об.—365 об.

[49] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собраниях российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 42—47.

[50] Русский временник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 6330/862 лета до 7189/1681 лета, разделенный на две части. М., 1790. Ч. 1, 2; Книга Большому Чертежу или древняя карта Российскаго государства, поновленная в Разряду и вписанная в книгу 1627 года. СПб., 1792; *Татищев В. Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. СПб., 1793. Ч. 1—3; Песнь норвежского князя Гарольда Храброго/Пер. Львова. М., 1810.

[51] ОР ГПБ. Ф. 588. Д. 278. Л. 1.

[52] Письмо от преосвященного Станислава Сестренцевича (ныне митрополита римских церквей в России), архиепископа могилевского к преосвященному Евгению, архиепископу Булгарскому и ответ сего святителя о том, что древние сарматы говорили языком славянским // Вестник Европы. 1805. № 9. С. 1—22. В примечании сказано: «В подлинниках сообщены от е. с. господина действительного тайного советника и кавалера графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина».

[53] Друг просвещения. 1805. Ч. 3. С. 56.

[54] Сочинения Г. Р. Державина... Т. 1. С. 375.

[55] Друг просвещения. 1805. Ч. 3, с. 66. Вообще, о Болтине сохранилось мало свидетельств современников. Вот почему было бы интересно обнаружить поданное в 1799 г. в московскую цензуру канцеляристом Александром Пахорским «Слово на погребение бригадира Болтина», принадлежавшее перу священника Ф. Дмитриева. Судьба этого «Слова» остается неизвестной (ЦГИА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Д. 2. Л. 37 об.).

[56] *Елагин И. П.* Указ. соч. С. 434.

[57] Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей. СПб., 1906. Т. 11. С. 655.

[58] Там же. С. 648.

[59] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование... С. 4, LXIX и др.

[60] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395.

[61] Там же. Ф. 203. Карт. 194. Д. 1.

[62] Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 31.

[63] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование... С. 4.

[64] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 117. «Тмутаракань». Здесь и далее текст словаря приводится по Румянцевскому списку, как наиболее полному, но в современной транскрипции из-за наличия в нем многочисленных описок. В ряде случаев наиболее характерные из таких описок приводятся в вариантах. При воспроизведении текста используются чтения Бекетовского списка, когда они в нем имеются.

[65] *Шанский Д. Н.* Указ. соч. С. 22.

[66] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование... С. 7.

[67] *Болтин И. Н.* Критические примечания... Т. 1. С. 17.

[68] ГБЛ. Ф. 256. Д. 396. Л. 33, 33 об. «Дестр».

[69] Там же. Л. 29 об. «Гзя».

[70] Там же. Л. 84 об. «Олта». Правда, в Бекетовском списке частица «не» опущена (Там же. Ф. 203. Карт. 194. Ед. Хр. 1. Л. 50).

[71] Там же. Ф. 256. Д. 395. Л. 51 об.—52. «Корсунь».

[72] *Татищев В. Н.* История Российская с самых древнейших времен... СПб., 1773. Кн. 2. С. 272.

[73] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 6 «Болонье». В «Критических примечаниях...» на второй том «Истории» М. М. Щербатова И. Н. Болтин еще дальше развивает эту мысль.

[74] *Болтин И. Н.* Критические примечания... Т. 1. С. 10; *Он же.* Примечания на Историю древния и нынешния России. Т. 1. С. 44.

[75] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. СПб., 1885. Вып. 7. С. 15, 16.

[76] ГПБ. Погод., 2009/2. Л. 374.

[77] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 191, 192.

[78] ГПБ. F. IV. 651/3. Л. 6 об.

[79] Там же. F. IV. 651/2. Л. 10 об.

[80] *Невахович Л.* Примечания на рецензию касательно «Опыта российской истории» Елагина. СПб., 1806. С. 14—16.

[81] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 192.

[82] Древние русские книги и предания // Русский вестник. 1809. № 1. С. 169.

[83] Краткая церковная российская история, сочиненная Платоном, митрополитом московским, с присовокуплением трех слов Максима Грека о исправлении славянских церковных книг. 2-е изд. М., 1823. С. XVII—XVIII.

[84] Корифей или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. 1. С. 120, 121.

[85] См., напр.: ОР ГПБ. F.IV.9 (писарский список из библиотеки Ф. А. Толстого); F.IV.767 (писарский список из собрания В. Н. Каразина, имеющий запись: «Елагина, собственно автору принадлежавшая рукопись. Вероятно, была в руках Екатерины»); F.IV.478 (писарский список с экслибрисом библиотеки А. Н. Неустроева); А. А. Амосов любезно сообщил нам о списках «Опыта» конца XVIII — начала XIX в. (ч. 3—5), хранящихся в РО БАН. Известен список 1-й части «Опыта» начала XIX в., хранящийся в ЦГАДА.

[86] Корифей или ключ литературы. С. 120.

[87] ОР ГПБ. F.IV.651/1, первый лист (без пагинации).

[88] Там же. F.IV.34/3. С. 137.

[89] Там же. F.IV.34/5. С. 15.
[90] Там же. F.IV.34/3. С. 320.
[91] Там же. F.IV.34/4. С. 180.
[92] Там же. С. 133.
[93] Там же. F.IV.651/1. С. 86.
[94] «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. М., 1983. С. 122.
[95] ОР ГПБ. F.IV.34/4. С. 2.
[96] *Болтин И. Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 148.
[97] ОР ГПБ. F.IV.34/4. Последний лист (без пагинации).
[98] *Елагин И. П.* Указ. соч. С. XXXVII.
[99] ОР ГПБ. F.IV.34/5. С. 455—457.
[100] Там же. F.IV.34/2. С. 258, 361.
[101] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России. Т. 2. С. 248—250.
[102] ОР ГПБ. F.IV.34/4. С. 360.
[103] Там же. F.IV.34/1. С. 2—3.
[104] Там же. F.IV.34/2. С. 252.
[105] Там же. F.IV.34/4. С. 133.
[106] Там же. F.IV.34/1. Вклеенный лист между с. 292 и 293.

Глава вторая

«Единственное в России собрание древностей»

Интерес к древностям — примечательная черта общественного сознания России конца XVIII — начала XIX в. Одной из главных причин этого являлись становление национального самосознания, обостренное внимание к далекому и недавнему прошлому страны. Памятники старины как «остаток» прошлого, важный своим художественно-эстетическим, литературным воздействием, как раритет, редкость, как «доказательство» в разрешении актуальных политических и идеологических проблем, наконец, как «свидетельство» о прошлом, без которого невозможно само познание этого прошлого, постепенно начинают привлекать все большее внимание людей этого времени. Одной из форм проявления общественного движения за собирание, описание и издание памятников прошлого стало широкое развитие частного коллекционирования. По далеко не полным подсчетам, в России в конце XVIII — начале XIX в. было около 150 рукописных коллекций.

Кружок Мусина-Пушкина стоял у истоков коллекционирования. Члены кружка одними из первых в России поняли важное значение сохранения, сбора источников в деле воспитания патриотизма, пропаганды отечественной культуры, изучения прошлого своей родины. Сотрудники графа в своем беспокойстве о сохранности российских древностей обнаружили удивительную общую заинтересованность. И. Н. Болтин, перечисляя известные ему источники, с горечью замечал: «Тем паче великого сожаления достойно, что сии исторические, в помянутых кучах скрывающиеся сокровища от худого присмотра и содержания времени от времени тлеют, расхищаются и невежами нужные бумаги вместо черных на обвертки употребляются, чему я сам был неоднократно свидетелем» [1]. В «Опыте повествования о России» И. П. Елагин разражается целой филиппикой в

адрес некоего русского «парижелюбца», который «бесценные в рукописях сокровища, отцом и предками его от древности сбереженные, променял некоему аглинскому путешественнику на Вольтеровы и другие новых мудрецов ядовитые писания, разврат, бунт, безначалие и самую погибель во Франции причинившие...»[2].

Рукописное собрание кружка Мусина-Пушкина *, как известно, было утрачено в 1812 г. Вместе с ним погибла и основная часть личного архива графа, в котором можно было бы найти какие-то следы погибших рукописей. Поэтому в настоящее время требуется реконструкция коллекции с привлечением всех, имеющих хотя бы самое отдаленное отношение к ней материалов. Это важно еще и потому, что собрание кружка включило в свой состав ряд уникальных материалов, по отношению к которым все, вплоть до мельчайших обстоятельств их открытия и приобретения, имеет самостоятельное научное значение.

Рассказ о собирательской деятельности Мусина-Пушкина и его кружка есть смысл начать с первых, в том числе прижизненных, биографий графа. Для этого есть свои причины. Во-первых, в своей значительной части в настоящее время они являются первоисточниками. Поэтому для представления о степени их точности и полноты немаловажным является то, как и на основании чего они составлялись. Во-вторых, публикации этих биографий являлись сами по себе примечательными фактами, подчас не случайными, приоткрывающими в значительной степени утраченные представления современников о Мусине-Пушкине и собирательской деятельности его кружка.

В литературе наиболее известны две биографии Мусина-Пушкина, в которых первостепенное внимание было уделено деятельности графа как любителя российских древностей. Обе они принадлежат современнику Мусина-Пушкина, молодому, но уже авторитетному в то время в литературных и научных кругах ученому К. Ф. Калайдовичу. После утраты собрания графа Калайдович одним из первых осознал значение сохранения для потомства всех обстоятельств, связанных с деятельностью Мусина-Пушкина как коллекционера,

* Здесь и далее речь идет именно о рукописном собрании, хотя известно, что у Мусина-Пушкина имелись великолепные библиотека, коллекции картин и древних предметов. К сожалению, в настоящее время о них практически ничего не известно.

и прежде всего как владельца и издателя «Слова о полку Игореве». Сам он, только что возвратившийся с полей сражений и вынашивавший планы будущих научных исследований, может быть, острее, чем многие современники, сознавал степень утраты одной из национальных святынь.

Интересны обстоятельства появления первой статьи Калайдовича о Мусине-Пушкине в октябрьско-ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» [3]. Калайдовичу ОИДР поручило подготовить к изданию присланную Евгением Болховитиновым рукопись словаря русских духовных и светских писателей. В ней отсутствовала статья о Мусине-Пушкине. Через Д. Н. Бантыш-Каменского, сына сотрудника графа Н. Н. Бантыш-Каменского, Калайдович попросил автобиографию графа. 20 сентября 1813 г. Д. Н. Бантыш-Каменский писал Мусину-Пушкину: «Г[осподи]н Калайдович, которому преосвященный Евгений вверил дополнить собранный им словарь о российских писателях, поручил мне попросить у Вашего сиятельства биографию Вашу, в коей упоминается о всех сочинениях и изданиях Ваших. Изволили бы Вы также потрудиться означить год рождения Вашего и службу. Также не бесполезно бы было краткое хотя описание всем бывшим у Вас манускриптам, сколько упомните, от кого именно вы их получили? Известие сие, как весьма важное по исторической части, было бы драгоценно для потомства» [4]. Спустя несколько дней Д. Н. Бантыш-Каменский, ссылаясь на Калайдовича, вновь повторил свою просьбу [5].

Настойчивость Калайдовича и Д. Н. Бантыш-Каменского принесла свои результаты: граф представил свою автобиографию с условием поместить ее в словаре Евгения Болховитинова и предварительно ознакомить с ней Н. Н. Бантыш-Каменского. Об этом говорит письмо Мусина-Пушкина к Д. Н. Бантыш-Каменскому, написанное уже после появления статьи Калайдовича о графе. «Записку сию сделал я по письму Вашему,— писал в нем Мусин-Пушкин,— из уважения желания преос[вященного] Калужского (т. е. Евгения Болховитинова, бывшего в то время калужским архиепископом.— *В. К.*) и послал оную к Вам с тем (ежели вспомните), чтоб Вы показали оную почтенному Вашему батюшке, и, ежели он одобрит, то б доставить куда следует» [6]. Нам неизвестно, успел ли давний сотрудник Мусина-Пушкина прочитать его автобиографию и внести в нее

какие-либо поправки. Зато известно, что Мусин-Пушкин был крайне раздосадован ее публикацией не в словаре, как сообщал ему Д. Н. Бантыш-Каменский, а в журнале «Вестник Европы», полагая, что такая публикация после гибели собрания выглядит нескромной.

Основания думать так у графа были. Публикация биографии Мусина-Пушкина состоялась в атмосфере, далеко не благожелательной для него. В том сдвоенном октябрьско-ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1813 г. сразу после «Записок для биографии... Мусина-Пушкина» следовал отрывок из предисловия к «Опыту российской библиографии» В. С. Сопикова, где тот, в частности, писал: «При сем не могу не заметить, что в Отечестве нашем многие редкие и драгоценные остатки древней словесности русской, инде снедаемые молием и пылью, а инде обложенные позлащенным переплетом в великолепном шкафе богатого библиомана или в темном углу у завистливого библиотафа, лежат заперты, без достойного употребления и к большому сожалению находятся во всегдашней опасности от внезапных случаев и тления погибнуть невозвратно». В сноске же к этому месту говорилось: «В Москве при последнем разорении оной новыми от запада нашедшими татарами истреблены многие библиотеки, в коих без сомнения были редкие книги, как письменные, так и печатные. Уверяют очевидцы, что французы, в бытность их в сей столице, расхищенные ими книги употребляли вместо дров для варения себе пищи» [7].

Если в словах Сопикова можно видеть всего лишь намек на Мусина-Пушкина как на одного из «богатых библиоманов», по чьей вине из эгоистического отношения к собранным древностям Россия лишилась многих национальных сокровищ, то Т. С. Мальгин при подготовке четвертого издания своего «Зерцала российских государей» взял на себя роль общественного обвинителя, уже бросив прямой упрек непосредственно графу. «У любителя скупого,— писал он,— все почти собранное сокровище, кроме самой малой части, на время другим сообщенной, в 1812 г. при нашествии галлов в Москве в прах и пепел обратилось, а у другого любителя, т. е. г. Татищева, еще прежде вскоре по смерти его таким же образом истребилось. Ничтожные плоды суетности и хладности к Отечеству! Да научатся от сих злополучных примеров прочие самолюбивые охотники не при-

своять себе единственных приобретенных редкостей и древностей российских, но жертвовать ими Отечеству!»[8]

Так в общественном мнении России изменилась оценка деятельности Мусина-Пушкина как собирателя. В 1799 г. в актовой речи профессора Московского университета И. А. Гейма перед общественностью вставал образ графа-патриота, страстного любителя древностей и их собирателя[9]. Теперь, после 1812 г., он превратился в «любителя скупого», человека, продемонстрировавшего недостойный пример «хладности к Отечеству» своей честолюбивой страстью недалекого «библиомана».

В этих условиях статья К. Ф. Калайдовича, несмотря на недовольство Мусина-Пушкина, объективно должна была реабилитировать графа-патриота. Любопытно, что в том же номере «Вестника Европы» за 1813 г. Калайдович поместил два интересных документа, характеризовавших отношение Мусина-Пушкина к событиям 1812 г. Первый из них был представлен как текст призыва графа к своим крепостным Ярославской губернии от 26 июня 1812 г.[10] В нем он объяснял задачи народного ополчения. Война с Наполеоном, писал Мусин-Пушкин, является народной войной. В ней должны принять участие все сословия. Граф сообщал, что он сам по причине преклонных лет не может принять участия в борьбе с французами. Два его сына пока не готовы к этому: один еще слишком молод, другой вынужден лечиться от болезней. Зато третий, старший сын, Александр, доказал свой патриотизм, вступив в Петербургское ополчение. Во второй заметке сообщалось о роли Петербургского ополчения в штурме русскими войсками Полоцка и о награде сына Мусина-Пушкина золотой шпагой за проявленную храбрость[11]. Общественность страны вскоре получила возможность ознакомиться и с подробной биографией сына графа, погибшего в сражении под Люнебургом[12].

Одним из центральных мест биографии, опубликованной Калайдовичем, являлся текст любопытного документа, недвусмысленно призванного отвести от Мусина-Пушкина обвинения в личной ответственности за гибель коллекции. Сообщая о том, что Мусин-Пушкин «незадолго до сего несчастия (пожара Москвы.— *В. К.*) намеревался отдать собрание свое в Архив Иностранной Коллегии (в коем оно верно бы сохранилось)», Калайдович далее привел «первый проект прошения» графа на имя Александра I. В нем говорилось:

«Всемилостивейший государь!

Изучение отечественной истории с самых юных лет было одно из главнейших моих упражнений. Чем более встречал я трудности в исследовании исторических древностей, тем более усугублялось мое желание найти сокрытые оных источники; и в течение многих лет успел я, наконец, немалыми трудами и великим иждивением собрать довольное число весьма редких летописей и разных рукописных исторических сочинений и выписок.

Горя же усердным желанием быть полезным любезному Отечеству и по пресечении дней моих, заблаговременно осмеливаюсь у Вашего императорского величества испросить высочайшего соизволения повелеть присоединить сие мое редкое собрание летописцев, рукописей и повседневную мою записку с приготовленным к тому и подписанным рукою моею реестром к Библиотеке государственной Коллегии иностранных дел Архива с правом пользоваться из оного архива всякими выписками, касающимися до истории отечественной, сыну моему Александру, служащему при оной Коллегии асессором (которого я к сему готовлю), и по прилежности его обещал ему сие награждение; а он бы сие право свое передать мог по времени тому, кого найдет способным, также с правом передачи другому способному, дабы иметь в виду навсегда человека, который бы историческими записками занимался и мог государственным архивом руководствоваться» [13].

Судя по тому, что в проекте прошения сын графа назван асессором Коллегии иностранных дел, этот документ можно датировать 1807 г., так как в течение двух последующих лет тот служил в Молдавии [14]. Это подтверждается и январским (1807 г.) письмом Н. М. Карамзина к попечителю Московского учебного округа М. Н. Муравьеву. «Считаю за нужное уведомить Вас,— писал Карамзин,— что граф Алексей Иванович Пушкин, который должен быть теперь в Петербурге, поехал от нас с намерением отдать все свои любопытные рукописи, медали, монеты и другие редкости, бесценные для нашей истории, в здешний Архив Иностранной Коллегии. При случае Вы можете утвердить его в сем намерении и способствовать произведению оного в действие» [15].

К оценке роли прошения и его судьбе мы вернемся ниже, сейчас же зададим себе вопрос: каковы были источники статьи Калайдовича о Мусине-Пушкине?

При ее написании Калайдович проявил немало энергии и труда, чтобы собрать малейшие факты о жизни и деятельности Мусина-Пушкина, в том числе и о составе, путях комплектования коллекции графа, обстоятельствах приобретения им ряда уникальных памятников. Ученый внимательно изучил труды Мусина-Пушкина и его кружка, найдя в них указания на рукописи, хранившиеся в коллекции.

Но основу статьи Калайдовича о Мусине-Пушкине, как мы могли убедиться выше, составили собственные автобиографические записки графа. Что собой представляли они и в какой степени были переработаны Калайдовичем, нам неизвестно[16]. Однако интересны обстоятельства их появления, которые характеризуют либо положенные в основу автобиографических записок источники, либо источники, использованные Калайдовичем. Еще в 1802 г. поэт Д. И. Хвостов обратился к Мусину-Пушкину с просьбой сообщить ему данные о подготовленных им книгах. Направляя Хвостову список своих трудов, Мусин-Пушкин писал: «Прошу покорнейше сделать мне доверенность и дать знать, для чего Вы оное сведение иметь желаете?»[17]

Причина просьбы Хвостова хорошо известна: вместе с Евгением Болховитиновым он работал над упомянутым выше словарем русских писателей. После того как его публикация в 1803—1806 гг. в журнале «Друг просвещения» была доведена до буквы «К», Евгений Болховитинов решил существенно доработать свой труд и представить его в ОИДР, куда он и поступил в рукописном виде в 1813 г. Биографии Мусина-Пушкина, как уже отмечалось, в этой рукописи не было, хотя словарные статьи на букву «М» представлены в ней достаточно полно[18]. Однако Хвостов и Евгений Болховитинов исподволь собирали сведения о графе. В материалах Евгения Болховитинова к своему труду сохранился оригинальный текст о Мусине-Пушкине, написанный Н. Н. Бантыш-Каменским (часть его мы привели в первой главе): «Мусин-Пушкин, граф, Алексей Иванович, любитель российских древностей, которых у себя имеет знатное собрание, из любопытных, сколько мне известно, как то:

I. Из книг многие летописи и труды Татищева. Также его рукою писанные:

1. Несторова Летопись с дополнениями деяний и примечаниями.

2. Подлинный его словарь географический и политический.
3. Роспись на первые пять книг Иродотовой истории.

II. Труды святого Димитрия Ростовского, его рукою писанные.
III. Все летописи и манускрипты Крекшина.
IV. Все летописи и манускрипты профессора Барсова.
V. Опыт российской истории Елагина, сочинителевою рукою правленный и им самим подаренный ему.
VI. Древняя щетная мудрость до введения арабских знаков или просто Черная Книга *.
VII. Летопись князя Кривоборского за его рукою **.
VIII. Древняя летопись, из коей писана Песнь Игорева.
IX. Древняя летопись, из коей выписана Духовная князя Владимира Мономаха.
X. Летопись Несторова, гораздо старее и исправнее столь уважаемого Кенигсбергского списка, на пергамине.
XI. Многие переводы древних рунических и готфских писателей о русской земле.

2-е из монет.

1. Древний рубль
2. Полтина, коим описание и объяснение в изданной им Русской Правде на с. 54.
3. Монета великого князя Ярослава, на коей изображен святой Георгий с надписью на обороте: «Ярославле сребро».

4-е. Златая гривна, чеканная, с цепью, которую носил боярин князь Василий Васильевич Голицын. Гривна сия хотя новых уже времен, но она редка, потому что единственная.

Такое бесценное собрание древностей, как свидетельствует о том г. Болтин в Примечаниях на Историю князя Щербатова, т. 1, с. 251, такая ревность доставила сему почтенному историку наших времен особенное бла-

* Далее другим почерком добавлено: «Это алгебра, вместо цифрей буквами».

** Далее другим почерком добавлено: «Князь Щербатов хвалился, что имеет с нее список».

говоление и доверенность великой Екатерины. Водим будучи высочайшим ее к себе и отличным благоволением, посвятил он домашние свои упражнения пользе общей, которому удовлетворяла сама Екатерина, пожаловавшая ему из своей библиотеки многие летописи и своих книг и некоторые из них за своею императорскою рукою...»[19]

Приведенная справка о собрании Мусина-Пушкина являлась первым своеобразным путеводителем по нему. Справка содержит ряд сведений, отсутствующих в других источниках. Их достоверность несомненна, поскольку из текста следует, что справка готовилась между 1800—1812 гг. и к тому же принадлежала очевидцу, сотруднику графа Н. Н. Бантыш-Каменскому. Однако по неизвестной причине Евгений Болховитинов в таком виде не поместил ее в рукопись своего словаря.

Примечательно, что статья Калайдовича и положенная в основу ее автобиография Мусина-Пушкина восходят не к этой справке и, кроме того, содержат далеко не во всем оригинальные сведения о собрании графа. В статье Калайдовича есть целый ряд мест, текстуально восходящих к биографиям, опубликованным ранее в словаре Евгения Болховитинова по варианту журнала «Друг просвещения». Речь идет прежде всего о характеристике бумаг И. Н. Болтина, И. П. Елагина и П. Н. Крекшина, поступивших к Мусину-Пушкину. Приведем всего лишь один пример такого текстуального совпадения — оценку издания «Опыта повествования о России» Елагина (число совпадений гораздо больше, и мы их отметим по ходу рассказа).

Евгений Болховитинов[20]	*К. Ф. Калайдович*[21]
Но приметно, издание сие напечатано с неисправного списка и с весьма многими опечатками, часто затмевающими даже смысл.	Издание сие напечатано без воли графа, с неисправного списка и со многими опечатками, часто затмевающими даже смысл.

Текстуальные совпадения статьи Калайдовича со словарем Евгения Болховитинова заставляют заключить, что либо сам Калайдович тщательно изучил труд Евгения Болховитинова, чтобы выявить в нем все сведения о собрании Мусина-Пушкина, либо такую работу провел Мусин-Пушкин при написании своей автобиографии. Как бы то ни было, ясно одно: часть данных, приведенных Калайдовичем, не оригинальны, они относятся ко времени, предшествующему гибели собрания,

и принадлежат не только самому Мусину-Пушкину, но и близкому к нему Н. Н. Бантыш-Каменскому. Последнее особенно повышает достоверность фактов о собирательской деятельности графа.

При подготовке своей второй статьи о Мусине-Пушкине, в основе которой лежала по-прежнему автобиография графа, Калайдович расширил круг источников. Он использовал метод своеобразного «письменного интервьюирования» Мусина-Пушкина. Результатом его стали ныне широко известные письма графа к нему за 1813—1814 гг., в которых содержатся нигде более не встречающиеся сведения об утраченном собрании, в том числе о приобретении и издании «Слова о полку Игореве». Калайдович учел и замечания современников на свою первую статью (включая Сопикова).

Другая часть данных, содержащихся в работах Калайдовича, восходит к его собственным свидетельствам как очевидца развернувшихся событий. К их числу, безусловно, относятся его известия о сохранившихся рукописях Мусина-Пушкина у Карамзина и в ОИДР.

Справка Н. Н. Бантыш-Каменского о коллекции Мусина-Пушкина, статьи Калайдовича, факты о собирательской деятельности Мусина-Пушкина в словаре Евгения Болховитинова не были первыми, характеризовавшими это крупнейшее собрание рукописных материалов. Самым первым, хотя и достаточно неопределенным, печатным свидетельством являлось указание Болтина, содержавшееся в его опубликованной посмертно критике «Истории» Щербатова. Здесь сообщалось, что Мусин-Пушкин, «будучи крайний древностей наших любитель, великим трудом и иждивением, а больше по счастию, по пословице — на ловца и зверь бежит,— собрал много книг весьма редких и достойных уважения от знающих в таких вещах цену» [22]. К 1793 г. относится собственное свидетельство графа о его собрании. В предисловии к изданному им «Поучению» Владимира Мономаха он писал, что «по разным случаям и охоте моей собрал я немалое количество древних летописей, записок и монет» [23].

Собрание графа стало со временем одной из достопримечательностей Петербурга, а затем и Москвы. Поэтому не случайно, что о нем стало известно даже путешествовавшим иностранцам. Один из них — японский капитан Кодаю, побывавший в 1791 г. в Петербурге, вспоминал: «Мусин-Пушкин — житель Петербурга, был

человек редкой любознательности. У него было много старинных вещей»[24]. Другой иностранец, чешский славист Й. Добровский, будучи в Петербурге в 1792 г., отмечал, что граф «собирает все отечественное с тем рвением, каким мы восхищались в нашей Нейбергии»[25].

В литературе иногда можно встретить утверждение о том, что собирать древности Мусин-Пушкин начал после августовского указа 1791 г. Екатерины II. Мы еще вернемся к роли этого указа в комплектовании коллекции графа, здесь же подчеркнем, что уже на рубеже 80—90-х годов XVIII в., как свидетельствовали Болтин и Елагин, Мусин-Пушкин имел значительную «книгохранительницу», из которой использовали материалы его друзья. В 1814 г. в письме к Калайдовичу Мусин-Пушкин писал об утрате «почти все[х] мои[х] 50 лет старания[х] и труда[х]», т. е. надо понимать, что интерес графа к древностям начал реализовываться уже с середины 60-х годов XVIII в. Во всяком случае, неизвестный биограф графа, использовавший в начале XX в. его «рукописное жизнеописание», ссылаясь на это жизнеописание, утверждал, что еще во время зарубежного путешествия в 1772—1775 гг. Мусину-Пушкину пришла «счастливая мысль собрать автографы всех выдающихся людей»[26]. Комплектование собрания граф продолжал вплоть до 1812 г. Наиболее красноречивым подтверждением этого является тот факт, что одна из уникальных рукописей коллекции — пергаменный сборник с Правдой Русской — была приобретена им в январе 1812 г.[27]

Калайдович, назвавший собрание графа «единственным в своем роде» в России, сам собиратель, владелец небольших, но тщательно подобранных книжной, рукописной и нумизматической коллекций, прекрасно знакомый с практикой коллекционирования конца XVIII — начала XIX в., в рассказе о деятельности Мусина-Пушкина как «любителя российских древностей» назвал несколько источников комплектования собрания графа. Прежде всего он сообщал, что Мусин-Пушкин «учредил» «во многих старинных городах» специальных комиссионеров, которые «всюду объявляли и продавали охотно» ему всевозможные древности[28]. Приобретение источников через комиссионеров в исследуемое время являлось одним из распространенных способов пополнения частных коллекций. Известно, сколь значительна позже

была их роль в комплектовании собрания Румянцевского кружка [29]. К сожалению, большинство комиссионеров Мусина-Пушкина нам неизвестно, что затрудняет поиск материалов об их связях с графом. В настоящее время можно назвать имена лишь некоторых из них.

Один из них — архиепископ ростовский и ярославский Арсений Верещагин. С Мусиным-Пушкиным его связывали не только служебные дела, но и близкое личное знакомство, видимо, с 1786 г. Сохранившаяся часть дневника Арсения Верещагина, разыскания последних лет Г. Н. Моисеевой говорят о том, что тот имел богатую библиотеку и рукописное собрание. Г. Ю. Филипповский и Г. Н. Моисеева с основанием полагают, что между Мусиным-Пушкиным и Арсением Верещагиным существовал обмен рукописями и книгами. В частности, Г. Н. Моисеева обратила внимание, что в библиотеке Верещагина оказались книги иностранной части библиотеки профессора Московского университета А. А. Барсова, которые до этого, по ее мнению, были у Мусина-Пушкина [30]. На основании дневника Арсения Верещагина Г. Ю. Филипповский показал, что от архиепископа Мусин-Пушкин регулярно получал в свое распоряжение различные рукописные материалы. В 1789 г. к графу была послана «Еврейская Псалтырь», в 1790 г. «письменная в десть старинная книга Правила Никейские» (очевидно, Кормчая книга), в 1797 г. Арсений Верещагин «благословил» Мусина-Пушкина «старинным Евангелием в десть» [31]. Как установила Е. М. Караваева [32], в 1788 г. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря были изъяты и уничтожены «за ветхостию и согнитием»: «249. Часослов на баргамине», «274. Псалтырь на баргамине», «280. Аввы Дорофея (Поучения)», «286. Хронограф в десть». Е. М. Караваева, а вслед за ней Г. Н. Моисеева высказали обоснованную гипотезу о том, что «уничтожение» названных рукописей оказалось фиктивным. На самом деле, по мнению Г. Н. Моисеевой, эти рукописи с санкции Арсения Верещагина поступили в собрание Мусина-Пушкина [33].

Как бы то ни было, но именно из районов Ростова и Ярославля в собрание Мусина-Пушкина должен был поступить значительный корпус рукописных материалов. В Ярославской губернии находилось родовое имение графа, куда он регулярно наведывался. В этом районе в конце XVIII в. существовали благоприятные возможности для приобретения рукописей. По свидетельству

А. А. Титова, «покойный ростовский гражданин А. И. Щеников, умерший в начале 60-х годов в глубокой старости, рассказывал нам лично, что вскоре после перевода митрополии из Ростова в Ярославль в 1785 г. (описка: 1786 г.— *В. К.*) свитков и рукописей валялось в башнях и на переходах архиерейского дома целые вороха. И он, бывши в то время мальчиком, вместе с товарищами вырывал из рукописей заставки и картинки, а из свитков золотые буквы и виньетки и наклеивал их на латухи» [34].

Через комиссионера в Ярославле (им мог быть Арсений Верещагин), как свидетельствовал сам Мусин-Пушкин, поступили «все русские книги» из коллекции Иоиля Быковского. В настоящее время известно, что Иоиль Быковский имел письма Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского. В 1816 г. литератор С. П. Соковнин представил копии этих писем Н. П. Румянцеву, сообщая что они были получены им во время службы в Ярославле «от покойного Иоиля, последнего архимандрита Спасо-Ярославского монастыря, мужа весьма благоразумного, охотника до отечественной истории» [35].

Другим комиссионером Мусина-Пушкина в Москве в начале 90-х годов стал протоиерей московского Архангельского собора П. А. Алексеев. Как свидетельствуют сохранившиеся письма Алексеева к Мусину-Пушкину, по заданию графа протоиерей разыскивал легендарные Иоакимовскую и Симоновскую летописи, материалы по истории составления Четьих Миней. «Надобно их сперва пошарить в Синодальной и Типографской библиотеках,— делился своими соображениями с Мусиным-Пушкиным Алексеев,— не по каталогу книжному, но особливым образом, ибо тут кроется некоторый секрет, не всем людям известный, а после у частных рук пульс пощупать можно дозволенными средствами» [36]. 11 мая 1792 г. он сообщал графу: «В удовольствие достохвального Вашего желания приискал я летописец старинный на 118 тетрадях, в лист, писанный древним почерком и в переплете исправном, но не могу имя ему нарещи, чьего он творения, ибо начального и самых последних листов не имеется. За него платы просили сперва дорого, а напоследок согласился отдать за 50 рублей» [37].

Сам интересовавшийся историей, Алексеев, по его свидетельству, в течение сорока лет собрал «немалое число припасов», прежде всего по истории церкви. Была у него и коллекция «анекдотов» о Петре I, собранная

по заданию Г. А. Потемкина. Некоторое представление о собрании дают публикации его владельца [38].

Своими «припасами» Алексеев делился с Мусиным-Пушкиным. Из них он подарил, например, графу две книги «малороссийского письма», которые, по его словам, «руководствуют священнослужителей, из России в Пекин посылаемых, к житию там исправному и спокойному» [39]; копию с грамоты Лжедмитрия, «писанной по латыни и через иезуита отправленной к папе римскому Павлу V в 1605 г.», с переводом ее на русский язык. Среди подаренных была также рукопись под названием «Краткое и новейшее из лучших писателей московское, т. е. российское, времен, земель и гражданских чинов описание, притом же многие при нынешних временах приключившиеся обстоятельства и к ведомости потребные и к читанию приятные, назначения купно приобщены суть, в Нуринберке обретается у Ягана Гофмана, художника вещам и книгам куплю деющего 1687 года» [40]. Судя по письмам Алексеева, он был готов передать свое собрание Мусину-Пушкину, убеждая того в том, что не находит среди своих знакомых «надобного охотника», и сообщая, что будет вынужден, находясь в преклонном возрасте, уничтожить по меньшей мере собранные «анекдоты» о Петре I. К сожалению, нам ничего не известно о том, состоялось или нет приобретение Мусиным-Пушкиным коллекции Алексеева, умершего в 1801 г.

Предположительно можно назвать имена еще двух-трех комиссионеров Мусина-Пушкина. Сохранившиеся письма графа к А. Н. Оленину позволяют предположить, что последний оказывал ему содействие в приобретении рукописей в Петербурге. Особенно примечательно одно из таких писем от 20 мая 1803 г. из Москвы. В нем, в частности, Мусин-Пушкин писал: «Как я здесь недолго пробыть постараюсь, а поеду в ярославскую деревню и для оного прошу сделать мне одолжение: не помешкав прислать мне выписку о холопах, коя мне теперь нужна к дополнению того, что я имею; также, ежели не перевели, Евгениево сочинение (т. е. какое-то сочинение Евгения Булгара.— *В. К.*) с итальянского языка, ибо здесь нашел я достойного переводчика; да не забудьте и ловца, на которого зверь бежит, чем чувствительно одолжить изволите Вас сердечно почитающего верного и обязанного слугу» [41]. Упоминание «ловца, на которого зверь бежит», впервые

А. Н. ОЛЕНИН
Рис. О. А. Кипренского

употребленное Болтиным при характеристике собирательской деятельности Мусина-Пушкина, в контексте письма графа к Оленину совершенно определенно указывает, что последний имел от него поручение разыскивать древности.

Комиссионерами Мусина-Пушкина почти наверняка были также А. И. Ермолаев и К. М. Бороздин, приобретая для него материалы во время своего «учено-археологического путешествия».

Идея такого путешествия возникла в среде сотрудников Публичной библиотеки еще в 1805 г., когда один из них — П. П. Дубровский предложил план археолого-археографического обследования России по четырем маршрутам. Первый маршрут («царский путь») должен был охватить Новгород, Москву, Киев, Владимир. Второй маршрут («побочный путь») включал осмотр Ладоги, Пскова, Полоцка и Могилева. Третий маршрут («путь удельный, или северный») должен был проходить через Поморье, Устюг, Кострому и далее по Волге. Четвертый маршрут («сибирский путь») автор плана предлагал осуществить по берегам сибирских рек. Кроме того, предусматривалось обследование зарубежных

архивохранилищ по маршруту, проделанному в конце XVIII в. чешским славистом Й. Добровским[42].

Главными лицами такого путешествия по замыслу Дубровского могли стать два-четыре специалиста — знатока древностей и истории. Им присваивалось звание «миссионера» («собирателя древностей»), в помощь выделялись по четыре художника и по два писца. Финансирование экспедиции, рассчитанной на несколько лет (по подсчетам автора плана на ее осуществление потребовалось бы не менее 22 тыс. руб.), предлагалось осуществить из государственного бюджета[43].

Инструкция для «миссионеров», приложенная к плану Дубровского, предусматривала осуществление комплексных разысканий. «Миссионеры» должны были проводить археологические раскопки, зарисовывать виды древних городов, собирать этнографический материал, особенно касающийся остатков языческого культа, описывать и копировать документы различных хранилищ, прежде всего учреждений церковного ведомства, приобретать рукописи у населения. Весь собранный в ходе такой экспедиции материал затем предполагалось передать в «Депо манускриптов» Публичной библиотеки[44].

План Дубровского представлял собой первый тщательно и всесторонне продуманный замысел комплексного изучения всевозможных древностей на территории Российской империи. Он был пронизан идеями их централизованного разыскания и хранения (вплоть до изъятия таких древностей из хранилищ церковного ведомства), их использования в интересах патриотического воспитания и просвещения. Столь всеобъемлющего замысла разыскания древностей в России не выдвигалось вплоть до знаменитого плана археографического обследования России П. М. Строева.

Нам ничего не известно о реализации в 1805 г. плана Дубровского. Однако совершенно очевидно, что именно им руководствовались К. М. Бороздин и А. И. Ермолаев, когда вместе с художником А. А. Ивановым и архитектором П. С. Максютиным в мае 1809 г. при содействии А. Н. Оленина были направлены «по высочайшему повелению путешествовать по России для описания древних достопамятностей». К сожалению, в настоящее время наши знания об этом путешествии ограничиваются неофициальными письмами Ермолаева и Бороздина к Оленину и частью официального отчета Бороздина директору Московской Оружейной палаты

П. С. Валуеву. Но и эти материалы позволяют нарисовать впечатляющую картину разысканий, предпринятых учеными в 1809—1811 гг.[45]

Их путешествие проходило по маршруту: Петербург — Старая Ладога — Тихвин — Устюжна — Белозерск — Череповец — Вологда — Ярославль — Галич — Москва — Киев — Любеч — Нежин — Чернигов — Курск — Медынь — Тула — Москва, т. е. в значительной мере по трем из четырех маршрутов — «царскому пути», «побочному пути», «пути удельному, или северному», о которых писал Дубровский. В ходе путешествия были сделаны сотни зарисовок видов старинных городов, древних зданий, старинных вещей, местных жителей, приобретались рукописи, копировались документы различных библиотек и архивов, надгробные и другие надписи.

Среди скопированных источников оказались: Сказание об осаде Тихвинского монастыря шведскими войсками в 1613 г., духовное завещание царицы Дарьи Ивановны Колтовской — из Тихвинского монастыря; 16 царских грамот XVI—XVII вв. и Сказание об осаде Устюжны Железопольской польскими войсками в 1609 г.— из хранилищ Устюжны; послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь 1573 г., Кормовая книга, Синодик и «более ста» грамот, данных Кирилло-Белозерскому монастырю в XV—XVII вв.,—из архива Кирилло-Белозерского монастыря. В Ярославле, сообщал Оленину Ермолаев, «списал я временник, писанный на бумаге в царствование царя Федора Ивановича... Он продолжается не далее 1204 года»[46]. В Лубенском Мгарском монастыре учеными была обнаружена и затем скопирована летопись от сотворения мира до 1597 г., ранее принадлежавшая молодому Петру I.

В числе оригинальных материалов, приобретенных Бороздиным и Ермолаевым, оказались пергаменный Каноник XIV в., сборник, в котором находилось путешествие игумена Даниила в Палестину, «летописец, заключающий происшествия города Галича» и другие материалы. Судя по всему, археографы были настроены решительно в отношении к материалам церковных хранилищ. Ознакомившись с рукописями Кирилло-Белозерского монастыря, Бороздин делился своими соображениями с Олениным: «Теперь, я думаю, и Вы сами со мною скажете: куда бы как они пригодились в императорскую библиотеку, а сделать это не мудрено,

только ради самого Нестора, не начинайте ничего до моего приезда»[47]. По меньшей мере однажды Бороздин прибег к изъятию источников неофициальным путем. «А я для Вашей императорской библиотеки,— сообщал он Оленину,— таки запас грамот с тридцать подлинных и с подлинными печатями великого князя Василия Васильевича, двоюродного брата его князя Михаила Андреевича, царей Ивана Васильевича, Федора Ивановича, Бориса Федоровича и Михаила Федоровича. Не знаю только, как их будет отдать, чтоб не спросили, откуда и как взял»[48].

Можно полагать, что количество выявленных, скопированных, изъятых неофициальным путем и приобретенных археографами источников было намного больше того, что удалось установить на основании их переписки с Олениным. Часть таких материалов, как, например, печатный «Лексикон» 1653 г., «выпрошенный» ими у архимандрита Елецкого монастыря, поступила в коллекцию Оленина, другая часть, возможно, была сразу передана в Публичную библиотеку.

Не менее важным результатом экспедиции Ермолаева и Бороздина стала серия рисунков, выполненных художником Ивановым, которые и в настоящее время имеют историческое, палеографическое и этнографическое значение[49].

«Учено-археологическое путешествие» Бороздина и Ермолаева имело в России широкий общественный резонанс, пожалуй, впервые в истории разысканий древностей. Правда, слухи о сделанных в ходе его находках оказались преувеличенными, отражая те большие надежды, которые общественность страны возлагала на открытия двух археографов. Ермолаев, например, писал Оленину, что в Москве «нам рассказывают об нас самих такие вещи, которые нам едва ли когда и в голову приходили, наприм[ер], будто мы в путешествии своем нашли летопись, самим Нестором писанную! Другие же говорят, что найденный нами в Лубне список древнее Несторовой летописи!»[50].

Экспедиция Бороздина и Ермолаева стала одним из тех звеньев, которые соединили разыскания источников, проводившиеся в XVIII в., с широкими и планомерными поисками, начавшими осуществляться позже Румянцевским кружком, а затем и Археографической комиссией. Ее роль в организации собирания древностей объективно обрисовал Бороздин. «Много было по России

путешествий,— писал он.— Однако ж могу заметить здесь, что главный и единственный предмет их был всегда естественная история и ее отрасли. Древностей они совсем не описывали или описывали их только поверхностным образом и то мимоходом. Следовательно, путешествие мое есть в России почти первое в своем роде»[51].

Вместе с тем экспедиция еще не была тем последовательно научным предприятием, которым стала позже Археографическая экспедиция Строева. Выявление источников, предпринятое Бороздиным и Ермолаевым, в значительной степени было ориентировано на поиск редкостей, хронологически ограничивалось материалами до начала XVIII в. Это было прежде всего путешествие, от которого ждали уникальных находок, развлекательных сюжетов, а не систематических разысканий,— они, конечно, были не по плечу двум, хотя и известным, знатокам источников. Не случайно Бороздин уже в самом начале экспедиции признавал: «Путешествие наше для светских людей, которые ищут везде приятного, не может быть занимательно, а для действительных антиквариев не будет, может быть, довольно учено»[52]. Ермолаев и Бороздин опасались сугубо развлекательной интерпретации своих находок и именно поэтому выступили против излишне торопливой публикации официального текста своего отчета и рисунков. «Нам сказывали,— писал Ермолаев Оленину,— что рисунки уже начали гравировать... Если с такою же поспешностью приступлено будет и к печатанию путешествия, то это можно будет почесть за немилость. Описание путешествия нельзя издать в том виде, как оно было представлено государю: его непременно должно хорошенько выправить...»[53]

Мусин-Пушкин, по всей видимости, имел отношение уже к разработке плана этого путешествия. На это указывает цитировавшееся письмо графа к Оленину (1803 г.), в котором говорилось: «Чтобы доказать, что я не забываю ничего, о чем с Вами беседовали, прилагаю при сем подлинную патриаршу грамоту за его печатью, кою взял я из архива единственно для того, чтобы верили (ежели случится) моим словам. Прошу, прочитав, мне оную возвратить и поберечь в пересылке печать, которая одна всю цену делает бумаге. Из нее увидите, что собирались летописи прежде Петра Первого»[54].

Поиск примеров из прошлого, связанных с разысканием источников, занимал как раз в это время сотрудников Публичной библиотеки, и Мусин-Пушкин оказался для них полезным своими знаниями в этой области. Один из участников «учено-археологического путешествия» — Ермолаев попал в сферу внимания Мусина-Пушкина уже в 1805 г. «Прошу написать ко мне письмо об Александре Ивановиче Ермолаеве: где он служит, какой его чин? чем упражняется? и что он желает быть корреспондентом университета,— писал граф в этом году к Оленину.— Я ваше письмо предложу собранию (т. е. ОИДР.— *В. К.*) и сделаем, ибо так условились» [55]. В том же году он просил передать Ермолаеву за его научные успехи «почтение, ура, виват, браво, фора и прочее».

Ф. Я. Прийма с основанием полагает, что Ермолаев и Бороздин встречались с графом в ходе своей экспедиции весной 1810 г. или в январе—мае 1811 г.[56] Соблазнительно было бы думать, что через них граф, например, приобрел пергаменный сборник с Правдой Русской. О нем Мусин-Пушкин писал 25 марта 1812 г. А. Н. Оленину: «В прошедшем январе, будучи в Ярославле, удалось мне отыскать и достать Русскую Правду, весьма древнюю, писанную на пергамене, и к оной присовокуплен торговый договор Смоленского князя с Ригою XII века, весьма любопытный» [57]. Ермолаев и Бороздин находились в Ярославле весной 1810 г.[58]

Другим источником комплектования собрания Мусина-Пушкина Калайдович называл антикварно-книжный рынок. Ученый особо выделял одно из постоянных мест приобретений графа — книжную лавку известного московского коллекционера и торговца древностями И. Ф. Ферапонтова. Калайдович, автор специальной работы о Ферапонтове, которого он лично знал, писал, что Мусин-Пушкин приобретал у знаменитого московского антиквара рукописи и книги из числа «нескольких сотен», побывавших в руках у Ферапонтова за 40 лет его торговли [59]. Сам Ферапонтов, передав в 1811 г. ОИДР часть своего собрания, отмечал, что его интересовали «все древности, объясняющие историю отечественную и просвещение народное». «Обстоятельства мои,— продолжал он,— не позволяли мне всего удержать в руках моих, и важнейшие сокровища перешли к известным любителям наших древностей» [60]. К сожалению, мы ничего не знаем о конкретных древ-

ностях, приобретенных Мусиным-Пушкиным у Ферапонтова.

Одним из самых значительных приобретений Мусина-Пушкина на антикварно-книжном рынке стали части архива и коллекции известного историка петровского времени П. Н. Крекшина. Ряд их был передан самим историком в Библиотеку Академии наук, другие уже в 80-е годы XVIII в. использовались И. И. Голиковым. Последний, в частности, в своих «Деяниях» ссылался на имеющийся у него «Летописец комиссара Крекшина»[61]. Еще часть материалов, как свидетельствовал неизвестный биограф Крекшина в словаре Евгения Болховитинова (что было повторено Калайдовичем), «досталась незнающим цены их наследникам, которые, долго хранив их в сараях, наконец продали одному книгопродавцу за 200 рублей»[62] (им был известный библиограф, переводчик, издатель, служащий Публичной библиотеки В. С. Сопиков).

Существует несколько версий поступления в собрание Мусина-Пушкина материалов Крекшина. Наиболее ранняя отразилась в словаре Евгения Болховитинова. В нем сказано, что «граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин купил их за 500 рублей и при разбирании, сверх многих любопытных книг и бумаг, нашел между ними пергаменную Несторову летопись, писанную в 1375 году... Другую также древнюю летопись с юсами за подписанием князя Федора Ивановича Кривоборского в 1604 году... Кроме сих двух летописей найдены также многие летописи с примечаниями Татищева и многие собственноручные Татищева выписки и Лексикон его до буквы К, изданный после графом, также *Книга Большого Чертежа России,* им же изданная, *Летопись патриарха Никона,* собственною его рукою правленная, и великое множество Петрова времени проектов, подлинных бумаг, писем, записок, мнений, министерских реляций в шифрах и собственноручных государевых черневых бумаг...»[63].

Версия о приобретении крекшинских бумаг словаря Евгения Болховитинова была почти дословно повторена Калайдовичем в его первой статье о Мусине-Пушкине. Калайдович (или сам Мусин-Пушкин) лишь дополнил статью словаря сведениями о дарении Лаврентьевской летописи Александру I, издании (с точными выходными данными) и объеме упомянутых материалов Крекшина, а также красочно описал обстоятельства по-

купки, несомненно восходящие к автобиографическому свидетельству: «Нечаянно узнал он (Мусин-Пушкин.— *В. К.*),— написано в статье Калайдовича,— что привезено на рынок в книжную лавку на нескольких телегах премножество старинных книг и бумаг, принадлежавших комиссару Крекшину, которых великая куча лежит в лавке у книгопродавца, и что в числе их есть такие, коих прочесть не можно... то, не медля, того же часа поехал в лавку и, не допуская до разбору ни книг, ни бумаг, без остатку все купил, и не вышел из лавки, доколе всего, при себе положа на телеги, не отправил в дом свой» [64].

Прочитав это сообщение Калайдовича, Сопиков в письме к ученому 5 декабря 1813 г. поправлял его: «В последних книжках № 21 и 22 «Вестника Европы» в биографии А. И. Пушкина не справедливо сказано, что будто с журналом Петра Великого, собранным г. Крекшиным, купленным на рынке у книгопродавца, нашел он Лаврентьевский список Несторовой летописи и многие другие важные древние летописи и книги. Книгопродавец, у коего он эту кучу купил за 300 р., был я. Сия куча привезена была ко мне не на многих телегах, а на одних обыкновенных роспусках и содержала в себе 37 (а не 27) книг черного журнала о делах П[етра] В[еликого] и несколько печатных указов импер[атрицы] Анны Ивановны и ничего более» [65]. Как видим, Сопиков фактически поправлял не Калайдовича, а словарь Евгения Болховитинова или же восходящую к нему автобиографию графа. В своей второй работе о графе Калайдович учел поправки Сопикова [66].

В начале XIX в. стала известна другая версия приобретения графом бумаг Крекшина, которая принадлежит самому Мусину-Пушкину. В 1811 г., передавая в Публичную библиотеку Лаврентьевскую летопись, в прошении на имя Александра I граф сообщил, что она попала к нему, «от г[осподи]на Деденева, внука и наследника комиссара Крекшина, жившего в царствование блаженной памяти государя Петра Великого, журнал государев писавшего и разными записками об отечественной истории занимавшегося. Сей список, с некоторыми другими летописями, купил я от помянутого Деденева, в числе коих и тот славный, за подписью князя Кривоборского...» [67].

Можно ли как-то проверить версию Мусина-Пушкина? Сохранилось дело о приобретении у потомков Кре-

кшина в императорский Кабинет части архива Деденевых. Из него следует, что сын Крекшина сенатор М. А. Деденев умер в марте 1786 г., а спустя несколько лет, но до 1792 г., умер полковник А. М. Деденев — тот самый внук Крекшина, о котором писал в своем прошении на имя Александра I Мусин-Пушкин. Наследники А. М. Деденева — дочь М. А. Деденева, а также его жена и малолетние сыновья — испытывали материальные затруднения. Каким-то образом им удалось заинтересовать архивом М. А. Деденева Екатерину II. В октябре 1792 г.— декабре 1793 г. по указу императрицы из него за 10 тыс. руб. были приобретены в Кабинет «планы и карты». Они передавались по особому реестру в архив Петра I, однако при приеме в них обнаружилась недостача. Для наследников Деденевых это означало угрозу лишиться выделенных Екатериной II денег. Тогда жена А. М. Деденева взамен утраченных рукописей предложила «мужа моего собственных его трудов и собрание таковых же планов», в том числе «планы с разными границы и крепостей описаниями и журналы военных действий» [68].

Напомним, что, по словам Сопикова, к нему материалы Крекшина поступили в 1791 г. Следовательно, в начале 90-х годов произошло распыление архива и коллекции Крекшина—Деденевых: часть их поступила в императорский Кабинет, а часть была приобретена Сопиковым. Материальные затруднения, с которыми столкнулись Деденевы, делают вполне вероятным предположение о еще одной продаже ими документов непосредственно Мусину-Пушкину. Это приобретение могло состояться после смерти М. А. Деденева в 1786 г. В пользу такого предположения говорит следующее наблюдение. В прошении на имя Александра I в 1811 г. Мусин-Пушкин сообщил, что от А. М. Деденева в числе крекшинских материалов он приобрел так называемую «Летопись князя Кривоборского», ныне известную как Владимирский летописец. «Летопись князя Кривоборского» действительно хранилась у Крекшина — об этом сообщал еще Щербатов, имевший ее копию [69]. Поскольку Сопиков решительно отрицал наличие летописей среди купленных у него Мусиным-Пушкиным бумаг Крекшина, нам остается только признать, что «Летопись князя Кривоборского» из крекшинского собрания поступила к Мусину-Пушкину другим путем, т. е. тем, о котором он писал сам,— от А. М. Деденева. В «Кри-

тических примечаниях» на «Историю» Щербатова Болтин использовал эту летопись с указанием на ее принадлежность уже графу. Следовательно, еще до смерти Болтина в ноябре 1792 г. «Летопись князя Кривоборского» уже находилась у Мусина-Пушкина. Однако время первого поступления к графу крекшинских материалов можно уточнить. Если верить словарю Евгения Болховитинова, в числе крекшинских бумаг, приобретенных Мусиным-Пушкиным, находилась «Летопись патриарха Никона, его рукою правленная». Но уже в 1788 г. Елагин, приступив к созданию своего «Опыта», имел эту рукопись от Мусина-Пушкина и широко пользовался ею. Так, при описании событий в Новгороде в 1477 г. он пишет: «Никон[овский] лет[описец]. NB. Подлинник из книгохр[анительницы] Алексея Ивановича, правленный рукою Никона, патриарха Московского» [70].

Таким образом, мы можем заключить, что было по меньшей мере два канала поступления крекшинских бумаг в собрание Мусина-Пушкина. Первое приобретение состоялось между 1786—1788 гг. от А. М. Деденева, второе в 1791 г.— от Сопикова. Не исключено, что в собрание графа попали и какие-то материалы Деденевых, в том числе и из числа приобретенных Екатериной II. Покупка в Кабинет материалов Деденевых происходила через хорошего знакомого Мусина-Пушкина — Г. Р. Державина, являвшегося одним из опекунов малолетних детей А. М. Деденева. Обращает на себя внимание тот факт, что в реестре недостающих рукописей, приобретенных императрицей, числились отсутствующими «Генеральные карты реки Иломны с профилями 3, из них 1-ой карты и профиля нет» [71], которые могли заинтересовать графа, поскольку речь шла о реке, протекавшей по территории его ярославского имения.

Части документов из числа приобретенных Мусиным-Пушкиным крекшинско-деденевских бумаг была уготована счастливая судьба: как пишет Калайдович, Екатерина II, их «с крайним любопытством рассмотрев, благоволила некоторые оставить у себя» [72] (возможно, что после этого императрица и захотела приобрести деденевские документы). Другая часть архива, по свидетельству Сопикова, в 1792 г. была вновь куплена им у Мусина-Пушкина за 300 руб. и передана П. Богдановичу. «Но нужные и важные заметки, в нем бывшие,— отмечал Сопиков,— графом П[ушкиным] все были уже вырваны...» [73] Не исключено, что изъятые графом ма-

териалы составили часть тех четырех книг «Записок» Крекшина по русской истории, которые, как увидим ниже, брал Карамзин у Мусина-Пушкина. Среди них могло быть описание «жизни» Ивана Грозного, сочиненное Крекшиным,— о нем Карамзин сообщал В. Н. Каразину в 1818 г.[74]

В комплектовании собрания Мусина-Пушкина в литературе обычно важную роль отводят изъятиям рукописей из хранилищ учреждений церковного ведомства, к которым, как полагают, граф мог прибегать, будучи обер-прокурором Синода. Уже Калайдович во второй статье о Мусине-Пушкине осторожно намекал читателям на то, что таким путем тот мог приобрести Лаврентьевскую летопись, а в феврале 1814 г. в письме к Волкову, передавшему в МАКИД несколько старинных рукописей, писал: «Вы сделали благородное дело и малым показали свое усердие к наукам, между тем как гр[аф] П[ушкин] и другие подобные, беззаконно стяжавшие свои ученые сокровища, предали их на жертву пламени»[75]. Даже Карамзин в своем труде указал на практиковавшийся Мусиным-Пушкиным способ комплектования своего собрания. В первых томах «Истории», написанных при жизни Мусина-Пушкина, он неоднократно ссылался по «Истории» Щербатова на так называемую «Летопись Федора Кемского», которую первым и единственным широко использовал Щербатов. Щербатов указал и место ее хранения — Синодальная библиотека[76]. В девятом томе «Истории», написанном уже после смерти Мусина-Пушкина, Карамзин, вновь сославшись по Щербатову на «Летопись Федора Кемского», сделал интересное примечание: «Так в Летописце Щербатовском, который вместе с другими любопытными рукописями библиотеки графа А. И. Мусина-Пушкина сгорел в московском пожаре незабвенного 1812 года»[77]. Карамзин, таким образом, сообщил читателям, что летопись, хранившаяся во времена Щербатова в Синодальной библиотеке, затем, вплоть до утраты в 1812 г., находилась у Мусина-Пушкина, что красноречиво характеризовало один из способов комплектования собрания графа.

Необходимо отметить, что на причастность Мусина-Пушкина к изъятиям рукописей не раз указывали и деятели церкви. Так, Евгений Болховитинов в 1815 г. писал В. Г. Анастасевичу: «Вы, подобно другим, твердите, что в монастырях укрываются и гниют летописи

и акты древние. Нет: они все давно уже оттуда вытащены и духовными и светскими. Цари Иван Васильевич и Алексей собирали их в свою палату; патриархи — тоже, а наконец, и Мусин-Пушкин» [78]. Префект Казанской духовной академии в 1816 г. сообщал Н. П. Румянцеву, что многие материалы архива академии и казанских монастырей были в 1793 г. «отобраны бывшим тогда святейшего правительствующего Синода обер-прокурором Мусиным-Пушкиным» [79]. Наконец, уже много позже, в 1873 г., граф С. С. Уваров категорически утвердил в своей резолюции, что «летописи, собранные в 1791 году, как известно, поступили в библиотеку покойного графа А. И. Пушкина и сгорели с нею вместе в Москве в 1812 году» [80].

Чем были вызваны столь однозначные обвинения в адрес графа?

В 1797 г., когда во главе Синода встал новый обер-прокурор, в его канцелярии был составлен «Реестр взятым к его сиятельству графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину по бытности его обер-прокурором святейшего Синода относящимся к российской истории книгам, которые от него не возвращены». Реестр включил краткое описание 14 рукописей [81]. На подлиннике этого документа граф написал, что все числящиеся в нем рукописи были переданы Екатерине II, тем самым решительно отрицая свою причастность к их исчезновению. Тогда Синод предпринял попытку выявления этих 14 рукописей в эрмитажной библиотеке. Нам результаты этого выявления полностью неизвестны, однако несомненно, что частично они были положительными. Были по крайней мере обнаружены числившиеся за графом хронограф под № 55 из Синодальной библиотеки, Судебник 1550 г. из библиотеки Александро-Невской лавры под № 81, 20 грамот, данных Кирилло-Белозерскому монастырю, челобитная Усть-Шехонского монастыря [82].

В 1804 г. в связи с организацией ОИДР вновь всплыл вопрос о рукописях, числившихся за Мусиным-Пушкиным. Синод обратился к графу за соответствующим разъяснением. Ответ Мусина-Пушкина был столь же однозначен, как и в 1797 г.: «В собственном кабинете ее величества,— писал он,— находились по сей материи множество книг и выписок, в том числе и моих собственных было довольно. Из иных видел я многие у покойного Ивана Перфильевича Елагина и Болтина,

ибо они оба писали Российскую историю. Куда же оные по кончине ее величества поступили, мне неизвестно»[83].

Таким образом, Мусин-Пушкин решительно, по меньшей мере дважды, официально заявлял о своей непричастности к исчезновению ряда рукописей учреждений церковного ведомства, хотя у современников на этот счет имелось обратное мнение. Что же можно сказать по этому поводу в настоящее время?

Для ответа на этот вопрос и более ясного представления о возможных изъятиях, практиковавшихся Мусиным-Пушкиным, есть смысл вернуться к указу 1791 г.

Собирание источников для Екатерины II во второй половине XVIII в. явилось одним из крупных предприятий, обогативших источниковую базу по русской истории. В 1778 г. обер-прокурор Синода С. В. Авчурин представил по распоряжению Екатерины II реестры рукописей Синодальной и Типографской библиотек. Просмотрев их, императрица распорядилась предписать епархиальным архиереям, архимандритам лавр и ставропигиальных монастырей прислать в Синод подробные реестры рукописей, хранившихся в подведомственных им учреждениях. Такие реестры вскоре поступили в Синод, и по ним был затребован ряд рукописей. В числе отобранных материалов находились два хронографа, Степенная книга, сборник со Сказанием о Мамаевом побоище, посланиями Ивана Грозного, «Казанская история» и др.— из Чудова монастыря; известное трехтомное историческое сочинение XVII в. иеродиакона Холопьего монастыря Т. Каменевича-Рвовского — из библиотеки Александро-Невской семинарии;«Хроника Белой и Черной Руси» (очевидно, одна из западнорусских летописей) — из Киевской архиерейской библиотеки; «Описание всего света» (очевидно, перевод «Географии» Луки де Линды) — из Тобольского Знаменского монастыря; три рукописи, в том числе Двинской летописец,— из Архангельской епархии, «Хлыновская летопись» (Вятский летописец) — из Вятской епархии; три летописи, в том числе Русский Временник,— из Костромской епархии; 15 рукописей, в том числе семь летописей, среди которых находилась пергаменная Троицкая,— из библиотеки семинарии Троице-Сергиевой лавры, «Опись о зачатии Донского монастыря» — из Донского монастыря; две «летописи» Дмитрия Ростовского — из библиотеки киевского Межигорского мона-

стыря[84]. Всего в Синоде было сосредоточено 40 рукописей исключительно исторического содержания. В дальнейшем они передавались для издания в Московскую Синодальную контору, а с части их для Екатерины II были изготовлены копии[85].

Другая попытка разысканий связана с распоряжением императрицы (1783 г.), которым Синоду поручалось выявить в подведомственных ему учреждениях сведения «о князьях роду Рюрикова поимянно и о супругах тех князей, что где отыскаться могло». Синод запросил Новгородскую, Ростовскую, Суздальскую, Московскую, Владимирскую, Киевскую, Черниговскую и Переяславскую епархии, в которых по рукописям, записям на стенах храмов и надгробиях были подготовлены такие сведения. На их основе в Синоде был составлен специальный «реестр», его сведения затем использовала в своих «Записках касательно российской истории» императрица[86]. Это была одна из первых в России попыток тематического выявления источников по хранилищам учреждений церковного ведомства. В процессе разысканий, в частности, были сделаны выписки из «хронографов и степенной» Ростовского архиерейского дома (позднее попавших к Мусину-Пушкину и утраченных). Однако нацеленность екатерининского указа на поиск сведений о «князьях роду Рюрикова» предопределила ограниченность их результатов.

В 1783—1796 гг. для Екатерины II большую работу по выявлению источников, прежде всего летописных, проделали профессора Московского университета А. А. Барсов и Х. А. Чеботарев. Ими были обследованы московские хранилища. Результаты этого обследования нашли отражение в своде выписок по русской истории. Девять томов этих выписок, ныне известных как «Сведения о России» и «Исторические оригинальные выписки», охватили события 1224—1425 гг. Возможно, ими же подготовлены «Выпись краткая современников Игоря от 879 года по 945 год» и «Свод летописей с начала царствования великого князя Ивана Васильевича с 6970-го по 6980-й год» и ряд других аналогичных выписок, сведения о которых сохранились в бумагах Екатерины II[87].

Барсов и Чеботарев выявили не менее 15 летописей Синодальной и Типографской библиотек, в том числе Синодальный список Новгородской IV летописи, Синодальный список Псковской II летописи, Синодальный

список Лицевого свода, списки родословных книг, Синопсиса. В своих разысканиях ученые в значительной степени шли по следам Щербатова, уже использовавшего многие из отобранных ими материалов. Фактически по ним они проверяли рассказ Щербатова. Барсов и Чеботарев впервые привлекли Троицкую пергаменную летопись и ряд летописей МАКИД [88].

Одновременно с разысканиями по указам 1778 и 1783 гг., а также Барсова и Чеботарева большая работа по копированию и выявлению материалов для императрицы осуществлялась в МАКИД и других хранилищах. В МАКИД, например, для нее были изготовлены копии 232 древнейших духовных и договорных грамот, других актов, документов, касавшихся отношений между Россией и европейскими государствами, материалов из «портфелей Миллера» [89]. В конце 1791 — начале 1792 г. у вдовы Щербатова Екатерина II за 50 тыс. руб. приобрела богатое рукописное собрание покойного историка [90]. Все эти и другие материалы составили основной комплекс нынешнего Эрмитажного собрания [91].

Вершиной разысканий источников для исторических занятий императрицы и близкого к ней в то время круга лиц, интересовавшихся историей, и стал известный августовский указ 1791 г. Изданный по инициативе Мусина-Пушкина, этот указ предписывал всем учреждениям церковного ведомства прислать в Синод «относящиеся к российской истории летописи и другие сочинения» и все, что среди них обнаружится еще неизданным, «внесть к ее величеству» [92].

Указ ставил перед духовенством задачу выявления не только летописных источников, но и «других сочинений» по русской истории. Эти «другие сочинения» вызвали немало недоумений: в Синод начали направлять и богословские рукописи. Поэтому 1 сентября 1791 г. Мусин-Пушкин уточнил требование указа и в значительной степени сделал более целенаправленной последующую работу по разысканиям. В специальном разъяснении, посланном из Синода, говорилось: «Так как доставление оных летописей и других рукописей может быть подвержено затруднению в случае, если вздумают прислать ненужные бумаги, то в отвращение сего всем епархиям и монастырям вновь предписать, чтобы они присылали реестры всем, какие где находятся рукописи с подробным объяснением содержания каждой из них и с показанием нет ли в которых разных ма-

терий»[93]. Разъяснение Мусина-Пушкина было не случайным. Оно учитывало положительный опыт реализации указа 1778 г., когда разыскания также начинались с подготовки реестров и их присылки в Синод (чиновники Синода подготовили для графа специальную подборку материалов о всех предшествующих попытках разысканий источников[94]). Но самое главное, разыскания преследовали еще одну цель. Как увидим ниже, в 1791 г. «Слово о полку Игореве» уже хранилось в собрании Мусина-Пушкина в составе сборника с хронографом и другими произведениями. Несомненно, поиск новых списков поэмы и заставил графа обратить внимание церковнослужителей на составление описей с детальным описанием «материй» каждой рукописи.

Спустя некоторое время в указ 1791 г. было внесено еще одно важное уточнение. Поводом для него послужил рапорт астраханского архиепископа, сообщившего, что в архиерейской библиотеке обнаружена рукопись о событиях, «в недавние времена происходивших». В заседании Синода Мусин-Пушкин сообщил, что он доложил об этом императрице и та «объявила, что ныне ей нужны русские летописцы, относящиеся к древности, а о недавнем нет надобности», хотя ей и «приятно... что есть в духовном звании люди, трудящиеся в продолжении Российской истории записками своими»[95]. По инициативе Мусина-Пушкина в марте 1792 г. Синод попытался привлечь духовенство к составлению летописных записей современных событий. В синодальном указе 23 марта 1792 г. говорилось: «Как по случаю собираемых ныне во исполнение ее императорского высочайшего повеления из монастырей и других мест летописцев и других подобных тому относящихся к Российской истории сочинений святейшим Синодом усмотрено, что в древние времена многие из духовного звания, а особливо из монашества, были трудолюбцы, упражнявшиеся в записках о случающихся достопамятностях, которые и к продолжению или поправлению Российской истории послужить могут, а в нынешнее время сие полезнейшее упражнение совсем оставлено... для того им преосвященным и монастырским настоятелям всех ведомства своего способных к таким летописям людей, а особенно из ученых, поощрять, дабы они не оставляли упражняться и в замечаниях случающихся достопамятностей, потребных к продолжению истории отечества своего, дабы из сего и в будущие времена могла после-

довать подобная, как от древних летописцев, польза»[96].

Указ 1791 г., как и указ 1778 г., находился в русле секуляризационной политики Екатерины II по отношению к церковным имениям. Ими подчеркивались притязания светской власти на такой вид церковного имущества, как архивы и библиотеки. Это были важные внутриполитические акты, носившие прогрессивный характер. Идея изъятия на официальной основе церковных архивов и библиотек как крупное антицерковное предприятие, способное ограничить притязания духовенства и обеспечить научные потребности, была популярна в светских кругах русского общества. Так, в 1805 г. Дубровский в своем плане разыскания источников прямо писал: «Мнения переменились, и светские писатели заняли место духовных с большим успехом; следовательно, сии писатели и вправе требовать себе таких пособий, которыми те не пользуются. Притом же хранение рукописей по разным местам задерживает успехи в истории»[97].

Указ 1791 г. имел положительное значение не только как важный внутриполитический акт. Фактически его реализация оказалась первой удачной попыткой выявления корпуса источников по хранилищам учреждений церковного ведомства в масштабах всей страны. На его основе Синодом были затребованы реестры и рукописи монастырей и других церковных учреждений из 44 регионов.

До недавнего времени большая часть присланных реестров не была известна. Еще в 1864 г. Д. В. Поленов, обратившись к делопроизводству Синода, отметил странный факт: большая часть реестров, присланных туда, непонятным образом исчезла. По его мнению, все они передавались Мусину-Пушкину по мере поступления и, следовательно, можно было полагать, что они погибли вместе с библиотекой графа[98].

Теперь мы можем сказать, что, к счастью, этого не случилось. Уже сохранившаяся в Синоде часть реестров и других документов, связанных с присылкой рукописей, имея разрывную пагинацию листов[99], прямо указывала на то, что когда-то они входили в более обширный документальный комплекс и, следовательно, из уже сформированных дел была изъята часть документов.

В настоящее время эта изъятая часть материалов, переплетенная в три тетради и представляющая собой 34 подлинных реестра рукописей, присланных в Синод,

№ по описи	Число книгъ	Именованіе книгъ въ осмушку.
		великихъ князей рускихъ святыми бармами и царскимъ вѣнцемъ,
467	4	Обиходникъ: въ сей книжице поставленіе вели(кихъ) князей рускихъ, и разные богословскіе вопросы и отвѣты,
812		Церемоніалъ принятія царей въ Троицкую лавру.
		в Кириловомъ Монастырѣ.
		~~№ 80~~
		Маія 29го дня 1798 года цѣлы были еще.

Лист реестра рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, присланный по указу 1791 г. в Синод. А. И. Сулакадзев заклеил в нем бумагой скрепы должностных лиц и сделал записи: «в Кириловомъ Монастыре» и «целы были еще». Публикуется впервые

[redacted] тниковъ на
зжпасной Синодальнымъ указалось. что
когда учинимъ исчисленіе ставропигиальной
донской монастырь составилъ которыя имеетъ
свое название отколе значитъ вследъ
вышемъ.

1е. Во время нахождения агарянъ на царствовавшій
градъ москву при благочестивомъ царе Феодоре
Иоанновиче исшедшій противу ихъ стати
для множества агарянскаго воинства не
возмогши, отлучивъ иноплой предста
телницы изъявши святымъ синклитомъ
своимъ и освященнымъ соборомъ донской
богоматери образъ данной въ даръ благо
верному великому князю Димитрию Иоанновичу
отъ донскихъ козаковъ учинилъ обхождение
и крестное вообозахъ своего воинства которое
находилось на семъ месте где ныне стоитъ
монастырь съ донской церковью назы
ваемое возрожденное поле близъ состоящее
града москвы что оной царь Феодоръ Иоан
новичъ вшедши внутрь обоза своего вполо
тняную походную преподобнаго Сергия церковь
и поставилъ оной преславный богородицы
образъ где учинилась надъ агарянами
победа. Последъ той победы благоче
стивый царь Феодоръ Иоанновичъ
въ споминовение бывшихъ чудесъ пожелалъ

Оглавление одной из рукописей Донского монастыря, в котором А. И. Сулакадзев замазал чернилами указание на ее присылку в Синод по указу 1791 г. Публикуется впервые

507
1

Реэстръ.

матеріямъ на краткія главы раздѣленнымъ находящимся въ рукописной книгѣ называемой лѣтописецъ, присланной въ 1799 году по прошенію великаго любителя и собирателя Россійской исторіи, отъ трудолюбца Александровскаго монастыря, сотрудника.

1. О взятіи Царства Сибирскаго Царемъ Иваномъ Васильевичемъ; а въ которомъ году, того не означено
2. О томъ, какъ убили Татары Ермака и казаковъ, шедшихъ противу ихъ и о построеніи при устьѣ рѣки Иртыша города Тобольска.
3. О войнѣ Казанской и о походѣ бояръ и Воеводъ въ Казань, предпринятомъ въ 7092 году при Феодорѣ Царѣ.
4. О знаменіи на небесахъ явлшемся въ видѣ креста и о видѣніи звѣзды съ хвостомъ, которое знаменіе самъ Царь растолковалъ, что оно предзнаменуетъ его смерть.
5. О постриженіи Царя Ивана Васильевича Патріархомъ Діонисіемъ, о нареченіи Іоною, о болѣзни его и о кончинѣ.
6. О приближенныхъ Царя Ивана Васильевича, о нагихъ, о поиманіи оныхъ и разосланіи по разнымъ городамъ и темницамъ за измѣну ихъ.
7. О удѣлѣ Царевичу Димитрію города Углича, въ которой послалъ Его братъ Феодоръ Ивановичъ и съ матеріе Его, и съ нагими и со всѣми злоумышленниками Его.
8. О началѣ царства Царя Феодора Ивановича, которой будучи умоленъ властями и всѣми подданными вскорѣ послѣ преставленія Отца своего Ивана Васильевича воцарился.
9. О приходѣ въ городъ возмутившейся черни противу Богдана Бѣльскаго; о которомъ прошелъ слухъ, будто

Оглавление одной из рукописей Александровского монастыря, частично заклеенное А. И. Сулакадзевым и дополненное его записью: «[в] 1799 году по прошению великаго любителя и собирателя Российской истории отъ трудолюбца Александровскаго монастыря, сотрудника».

Публикуется впервые

хранится в коллекции Н. П. Дурова [100]. К нему они попали в 1870 г., когда в Петербурге в книжной лавке Шляпкина распродавались остатки рукописей и книг из коллекции А. И. Сулакадзева, бывшей в первые десятилетия XIX в. одной из крупнейших в России [101]. Имя Сулакадзева широко известно, и прежде всего с негативной стороны. Еще при жизни за ним утвердилась слава фальсификатора, бесцеремонно занимавшегося «удревлением» имевшихся у него рукописей и даже фабриковавшего целые подделки под древнерусские сочинения [102].

Как, когда и почему реестры оказались у Сулакадзева? В настоящее время наиболее затруднительно ответить на первый вопрос. Если он сам не имел доступа к документам Синода, наиболее очевидным представляется получение им реестров от какого-то промежуточного лица. Более определенно можно сказать о времени приобретения Сулакадзевым этих документов. Именно им все реестры переплетены в три тетради, причем к началу первой из них подклеены два листа оглавления, составленного Сулакадзевым ко всем трем тетрадям. Филиграни этих листов с гербом г. Ярославля и лигатурой «ЯМБСЯ» соответствуют бумаге, производившейся в 1791—1807 гг.[103] К некоторым реестрам вместо вырезанных кусков Сулакадзевым подклеена иная бумага: в первой тетради на л. 18 (лигатура РФ.ІЛ и год «1795») [104], на л. 29 (филигрань «1801»), последний лист второй тетради (филигрань «ЯМБСЯ») [105], первый лист третьей тетради (герб г. Ярославля и часть года «91»). К концу первой тетради Сулакадзев приклеил еще один лист с выпиской из журнала «Отечественные записки» за 1823 г. Филигрань этого листа, представляющая собой лигатуру «МК», соответствует 1818 г.[106]

Поскольку один из имеющихся здесь реестров был составлен в 1799 г., время поступления реестров к Сулакадзеву можно определить между 1799—1823 гг. Однако тот факт, что филиграни вклеенных листов Сулакадзева относятся к последним годам XVIII — первым годам XIX в., заставляет ограничить этот хронологический период самым концом XVIII — началом XIX в.

Ответ на вопрос, почему реестры заинтересовали Сулакадзева, как нам кажется, следует искать в составленном им оглавлении — указателе реестров, озаглавленном «Где есть рукописи». Именно *где* и *какие* хра-

нятся рукописи, интересовало Сулакадзева в первую очередь. В этом плане реестры давали их владельцу уникальную для того времени информацию. Не случайно ко многим описанным здесь рукописям Сулакадзев сделал пометы о наличии аналогичных памятников в своем собрании. Так, напротив Патерика — «есть древней», Нового завета — «есть», «Книги Арестотелевых наставлений Александру Великому» — «есть», Синодика — «есть», «Описания Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря» — «есть печатный» (тетрадь первая, л. 29—30). Во второй тетради к «Описанию Курбского о царе Иоанне Васильевиче» — «есть» (л. 42) и т. д. Характерна запись на л. 28 первой тетради к «Повести о Печерском монастыре» — «достать».

Реестры стали объектом внимательного и неоднократного изучения со стороны Сулакадзева. По пометам прослеживается по крайней мере его двукратное знакомство с ними. В одних случаях пометы сделаны красными чернилами после 1815 г., поскольку упоминают о пожаре в 1815 г. в Спасо-Преображенском соборе в Казани. Они касаются упоминаемых в описаниях «раритетов» — пергаменных рукописей, автографов исторических лиц и т. д. В других случаях пометы сделаны черными чернилами в 1818 г. или после, так как содержат ссылки на «Историю» Карамзина. Эти пометы носят в основном библиографический характер.

Рука Сулакадзева коснулась и всех заглавий реестров, подписей и скреп должностных лиц, имевшихся на них. Понимая, что сохранение заголовков, подписей и скреп может скомпрометировать владельца реестров, Сулакадзев тщательно соскоблил, замазал чернилами и заклеил бумагой почти все признаки, указывающие на их служебное назначение, в ряде случаев давая им свой заголовок, но обязательно оставляя названия хранилищ, откуда они поступили. На незаполненных оборотных страницах большинства реестров находятся записи об изготовлении с них копий (менее подробных). Эти копии предоставлялись Мусину-Пушкину и в настоящее время известны [107].

Изучение этих реестров позволяет обрисовать разыскания, проведенные для исполнения указа 1791 г. На конец 1792 г. удалось выявить свыше 600 рукописей, не менее половины из которых затем были присланы в Синод. В результате впервые стала известна значительная часть того документального комплекса, который был со-

средоточен в периферийных хранилищах учреждений Синода и о котором ранее имелась лишь случайная информация. Среди присланных рукописей оказались десятки летописей, новые списки Правды Русской, Судебника 1550 г., Книги Большому Чертежу, «Рашская Кормчая»[108], древнерусские и переводные литературные сочинения («Александрия», «Троянское сказание», «Сказание о Мамаевом побоище», жития святых), актовый материал и др.

Разыскания источников, предпринятые по указу 1791 г., знаменовали собой существенный шаг вперед в сравнении с аналогичными попытками предшествующего времени. Они в бо́льшей степени контролировались специалистами — кружком Мусина-Пушкина, имели задачу поиска уникальных материалов и новых списков уже известных источников. Эффективность указа оказалась намного больше, чем в 1778 г., когда из Новгородской, Ростовской, Псковской, Смоленской, Астраханской, Рязанской, Тверской, Нижегородской, Суздальской, Вологодской, Черниговской и других епархий в Синод пришли отрицательные сообщения о наличии исторических рукописей. Правда, и теперь реализация указа встретила определенное противодействие со стороны духовенства. Об этом можно судить по тому, что из ряда церковных учреждений по-прежнему поступили сообщения об отсутствии в них каких-либо материалов по истории. Например, отрицательный ответ пришел из Соловецкого монастыря, имевшего богатые библиотеку и архив.

На основании поступивших по указу 1791 г. материалов был составлен «Реестр, сочиненный при святейшем Синоде из присланных в оный по высочайшему ее императорскому величества повелению из разных духовных мест книг, в коих находятся записки касательно российской истории»[109]. Реестр, включивший краткое описание 205 рукописей, был подготовлен после 12 апреля 1792 г. и до августа 1792 г., поскольку в нем значатся рукописи, присланные после 12 апреля 1792 г. из Новгородской консистории, но отсутствуют официально переданные Мусину-Пушкину в августе того же года рукописи Ростовской консистории[110]. Показательно, что этот реестр носил не столько учетно-регистрационный, сколько справочно-информационный характер. В его основе лежали описательные статьи соответствующих реестров, при которых рукописи направлялись в Синод.

Однако составитель своеобразно переработал такие описания, обращаясь в ряде случаев непосредственно к рукописям и выделяя среди них летописи, хронографы, родословные, повести, сказания, материалы о еретиках, выступлениях стрельцов.

Часть материалов, проходящих по этому реестру, была временно взята графом и зафиксирована в «Реестре имеющимся у господина тайного советника синодального обер-прокурора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории Российской»[111]. Всего им было взято 102 рукописи, в том числе принадлежавшие Новгородскому Софийскому собору — 2, Невской семинарии — 9, учреждениям, подведомственным митрополиту Платону, — 3, Троице-Сергиевой лавре — 19, Киево-Печерской лавре — 6, Смоленской епархии — 1, Казанской епархии — 3, Астраханской епархии — 2, Тобольской епархии — 1, Нижегородской епархии — 3, Вологодской епархии — 6, Архангельской епархии — 11, Костромской епархии — 4, Новоиерусалимскому монастырю — 6, Макарьевскому Желтоводскому монастырю — 2, Московской Синодальной конторе — 25.

Таким образом, 103 рукописи, взятые Мусиным-Пушкиным, прежде всего и должны были составить тот массив, из которого он мог произвести изъятия. Их зафиксировал упоминавшийся уже реестр 1797 г. Однако доверять этому реестру полностью нельзя. Во-первых, как отмечалось выше, по меньшей мере две рукописи, 20 грамот и челобитная Усть-Шехонского монастыря были позже обнаружены и возвращены в прежние места хранения в 1798 г.[112] Во-вторых, по этому реестру в числе невозвращенных графом рукописей не значился явно изъятый им Русский Временник, или так называемая «Костромская летопись». На судьбе этой рукописи после 1812 г. мы остановимся ниже.

Важно рассказать о ее бытовании в конце XVIII в. В числе других по указу 1778 г. она была прислана из Костромы и передана для издания в Московскую духовную консисторию. 26 ноября 1791 г. летопись оттуда была направлена в Синод. Об этом свидетельствует ее описание в соответствующем реестре в тетрадях Сулакадзева:

«№ 2. Хронограф в десть, в коем содержится Римская история от прихода Енея в Италию, и что Ромул, по имени которого град Рим назван, первой в нем был

царь, а зданием град сей начался во 12-е лето царства Иезекии, царя Иудейска. Сия история со времен Августа кесаря римского многие в себе содержит достопамятные священные вещи и продолжается через 42 последующие царства, до первого христианского царя Константина Великого, а от Константина Великого чрез 86 царств до царства Михаила и Феодоры, в котором и российской истории начало выводит из славенского языка от племени Афетова и, показав первых основателей Киева града, пишет о крещении болгар и князях болгарских, потом о пришествии русских князей Оскольда и Дира в двух стах ладий на Царь град и о избиении их, а по сем о убиении Варды кесаря и о поставлении на царство Василия Македонянина, а потом паки о князьях русских, названных из варяг Рюрике, Синеусе и Труворе, и далее ведет историю, смешанную с сербскою, греческою, болгарскою и с татарскими на Россию набегами, опустошениями и покорениями и о пленении Царя града турками, потом паки российскую историю продолжает до княжения великого князя Василия Ивановича по лето 7041-е, притом разные записки достопамятных вещей, бывших в России и в других государствах, и копии с грамот царя и великого князя Алексея Михайловича, посыланных в Кострому в лето 7160-е» [113].

Аналогичную судьбу разделила и так называемая «Летопись архимандрита Иакова» — один из недавно обнаруженных списков Холмогорской летописи, также поступившая в Синод из Костромы [114].

С учетом этих двух замечаний о реестре 1797 г. рассмотрим другие числящиеся в нем невозвращенными рукописи.

Первая рукопись была прислана в Синод из Синодальной библиотеки и в одном из реестров описана таким образом: «В лист. Летописец русския, повесть временных лет, откуда пошла русская земля и кто в ней первыя нача княжити». Она включена в реестр 102 рукописей, взятых графом. В реестре рукописей, присланных в Синод, сохранилось и ее подробное описание: «30. (№ 50.) *. В лист. Летописец, писанный с начала полууставом, потом скорописью старинного письма, в коем имеется надпись таковая:

* Здесь и далее в круглых скобках указаны номера, под которыми рукописи числились в соответствующем хранилище до присылки в Синод.

Летописец русский, Повесть времянных лет, откуда пошла русская земля и откуда стала есть, и кто в ней первее нача княжити и что ея сдея в та времена.

Примечание

Сей летописец начинается так же, как и Несторов, разделением земли по потопе между Ноевыми сынами, и кому какая часть земли по жребию для населения досталась, потом и о Руской земле, откуду прозвася и кто ж первее в ней нача княжити, и како прия крещение князь великой Владимир, и всю землю Русскую просвети святым крещением, далее продолжается таковым же порядком, как и вышеупомянутой Несторов, да и в деяниях, написанных в нем с начала по лето от создания мира 6625-е, во многом сходствует с Несторовым же, и хотя в нем деяния описываются несколько кратко, но ясно; а с 6625-го лета до 6714-го лета (где оканчивается Несторов) сей летописец, хотя в деяниях некоторых лет против Несторова и различествует, но порядок в нем сохранен тот же и много писано таковово, чего и в Несторовом не находится. С лета же 6714-го в порядке лет сходен с летописцем, напечатанным в Московской типографии под названием: *Летописец, который служит продолжением Несторову,* но деяния в оном печатном писаны кратко, в сем же гораздо пространнее и обстоятельнее и много находится таковового, чего в вышеписанном печатном не имеется, оканчивается же летом 7059-м, которое было во время царствования царя Ивана Васильевича, а при конце положена повесть вкратце о новгородце Гостомысле, како вздумал новогородцам привести Рюрика с братиею, после сего находятся сказание вкратце о великих князех русских и благоверных великих князьях московских, кто от кого родился, потом роспись поимянно митрополитов русских, начиная от крещения Владимирова, далее роспись же архиепископов Великого Новаграда и Пскова, по оном роспись церквей православных и еретиков, царствовавших в Константинополе, при конце же роспись архиепископов и епископов, бывших во градех Ростове, Ярославле, Белеозере, Углече поле, Устюгне, Мологе. Притом в сем летописце все достойное примечания и начала княжений для отличия писаны киноварными красными буквами. Писан же оный от создания мира в лето 7057-е. В сем летописце писанных и неписанных имеется 480 листов»[115].

Приведенное описание является единственной пространной характеристикой той самой загадочной «Летописи Федора Кемского», которую впервые использовал М. М. Щербатов. О ней же, как хранившейся в начале XIX в. в собрании Мусина-Пушкина и погибшей в 1812 г., писал Н. М. Карамзин. В 1788 г. она была передана из Типографской библиотеки в Синодальную и в сдаточном реестре описана так: «№ 50. В десть. Летописец российского государства от начала российских князей до дней царя и великого князя Иоанна Васильевича, писан в лето 7057, в котором прежде начинания истории, от вне написано: „кому бог вручит сию книгу временник, рекше летописец, помяни мя грешного инока Феодосия", а на другом листе приписано иною рукою еще: „а устрой сей книзе летописцу князь Федор Иванович Кемской, во иноцех Феодосий"»[116]. Таким образом, «Летопись Федора Кемского» была действительно изъята Мусиным-Пушкиным. Его она, очевидно, привлекла прежде всего известиями о событиях в Ярославском крае, в том числе в Мологе. В этом районе, по мнению графа, находился Холопий город, которому он посвятил специальную работу.

Следующая рукопись происходила из Кирилло-Белозерского монастыря. По реестру рукописей, присланных в Синод из этого монастыря, она значилась так: «№ 5 (592). Палея, история о создании мира, о древних патриархах, о Моисеи и прочих ветхозаконных с разными баснословными примешанными повестьми, в той же книге повесть о разделении латин от греков, тако же царские, на писменное от папского посланника представлсние, ответы»[117]. По всей видимости, эту рукопись также следует считать изъятой Мусиным-Пушкиным.

Еще одна рукопись из того же монастыря в реестре присланных в Синод рукописей описана следующим образом: «№ 3 (624). В лист. Историческая, гранограф (хронограф). История церьковная Ветхого и Нового завета и гражданская с частным баснословных повестей прибавлением по 1687 год»[118]. И ее мы должны признать в числе изъятых Мусиным-Пушкиным.

Четвертая рукопись, которую Синод требовал у Мусина-Пушкина, была прислана из Макарьевского Желтоводского монастыря. Нам известно ее краткое описание лишь в синодальном реестре 1797 г.: «Ведение о расстоянии от Москвы до иных государств, путь к Стек-

гольму и проч.»[119] (возможно, географический справочник А. А. Винпуса). Учитывая историко-географические интересы Мусина-Пушкина и его кружка, мы можем предположить, что и эта рукопись была изъята графом.

Пятая рукопись происходила из Новоспасского монастыря. Нам известно ее описание только по синодальному реестру 1797 г. В нем указано, что это была «Псалтырь рукописная», которая имела № 1128. Эту рукопись мы не можем считать изъятой графом, поскольку в реестре 1797 г. позднее ниже ее описания записано, что она «возвращена». По всей видимости, возвращена она графом после 1797 г., как не имеющая исторического значения.

Шестая рукопись была из того же Новоспасского монастыря («Хронограф» с номером 1145). Рукопись, по всей видимости, следует считать изъятой графом.

Седьмая рукопись была прислана из Нижегородского Печерского монастыря. В синодальном реестре 1797 г. она значилась как «Летописец без начала, на 1-ой странице означен год 6360, а окончен 7045-м». В реестре, с которым летопись направлялась в Синод, содержится более подробное описание: «№ 1. Летописец в кожаном переплете, без начального листа; в нем на 1-ой странице означен год от сотворения мира 6360, а от рождества Христова 852. Окончен же 7045 годом, всего на 229 листах»[120]. Рукопись, вероятно, изъята Мусиным-Пушкиным.

Восьмая рукопись была прислана из Новгородского Софийского собора. Ее описание во всех реестрах одинаково. Правда, в синодальном реестре 1797 г. указывается один имевшийся на ней номер — 12, в реестре 103 рукописи, взятые Мусиным-Пушкиным, приводятся два номера — 38 и 2, а в реестре, по которому рукопись направлялась в Синод, указан один номер —38. Описание очень краткое: «Летописец российский преподобного Нестора»[121].

Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев высказали предположение о том, что под этой летописью значится Лаврентьевская летопись, с которой в 1765 г. новгородскими семинаристами была изготовлена копия[122]. Тем самым была поставлена под сомнение как версия словаря Евгения Болховитинова о приобретении Мусиным-Пушкиным Лаврентьевской летописи в числе крекшинских бумаг от «книгопродавца», так и версия самого Мусина-

Пушкина о покупке им этой летописи от Деденева в составе крекшинского архива. Мы предположили, что под «Летописцем российским преподобного Нестора» значилась какая-то другая летопись [123]. Ход наших рассуждений был следующим. Во-первых, в упомянутых выше реестрах не содержалось указания на то, что названная летопись — пергаменная. Во-вторых, еще в 1789 г. Болтин сообщал, что среди семи летописцев «весьма старинного письма», которые он имел «у себя в руках», находились «два с юсами и на паргамине писанных, но все между собою разнствовали» [124]. В его «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова вновь содержалось указание на три «весьма древние» летописи. Болтин отмечал, что они, «как и многие древние рукописи», получены им от Мусина-Пушкина. Одну из этих летописей ученый назвал — это «Летопись князя Федора Кривоборского» [125]. Двумя загадочными пергаменными летописями не могли быть ни Троицкая, ни Синодальная Новгородская, находившиеся в официальных хранилищах. Поскольку больше никаких пергаменных летописей, кроме Лаврентьевской, нам неизвестно, было естественно думать, что именно последнюю использовал еще в 1789 г. Болтин. Это, в свою очередь, хорошо увязывалось с высказанным выше соображением о приобретении Мусиным-Пушкиным крекшинских бумаг от Деденева после 1786 г. и с собственной версией графа о приобретении Лаврентьевской летописи от него же.

Оставалась неясной вторая загадочная пергаменная летопись, на которую указывал Болтин. Однако нам казалось, что эта неясность исчезала, стоило только вспомнить, что Н. Н. Бантыш-Каменский в обзоре коллекции Мусина-Пушкина для словаря Евгения Болховитинова определенно отделял пергаменную Лаврентьевскую летопись от еще одной пергаменной летописи, хранившейся в собрании,— «Летописи Несторовой гораздо старее и исправнее столь уважаемого Кенигсбергского списка, на пергамене». Об этой летописи нам ничего не известно, она могла погибнуть в 1812 г. вместе с собранием Мусина-Пушкина, но не исключено, что именно ее имел в виду еще в 1779 г. И. Г. Бакмейстер, когда писал, что «сказывают», будто в Москве известна пергаменная летопись Нестора, написанная в 1386 г. [126]

Однако от нашей гипотезы придется отказаться. Дело в том, что Г. Н. Моисеевой удалось обнаружить

реестр рукописей и печатных книг Новгородского Софийского собора, относящийся к 1784 г. В нем под № 38 назван «Летописец российский преподобного Нестора древлеписьменной на паргамине»[127]. Совпадение номеров рукописи в реестре 1784 г. и в реестре рукописей, взятых Мусиным-Пушкиным, указание в реестре 1784 г., что летопись под № 38 — пергаменная, наконец, копия Лаврентьевской летописи 1765 г., происходящая из Новгородской семинарии, говорят о том, что Лаврентьевская летопись была изъята Мусиным-Пушкиным после апреля 1792 г., когда в Синод поступили рукописи из Новгородской консистории. Следовательно, те две пергаменные летописи, о которых писал Болтин, ныне нам неизвестны. На этот счет в настоящее время можно высказывать лишь догадки.

Одна из них сводится к следующему. Как покажем ниже, в распоряжении кружка, по крайней мере в 1791—1792 гг., находилась ныне неизвестная пергаменная летопись, содержавшая Правду Русскую. Что же касается второй пергаменной летописи, то ею все же могла быть и Троицкая. По указу 1787 г. она в числе других была прислана из Троице-Сергиевой Лавры в Московскую Синодальную типографию. В 1791 г. было составлено ее наиболее подробное из известных описание:

«35 (230). Летописец под № 230-м, писанный полууставом на паргамине.

Примечание

Оный летописец начинается от лета мироздания 3368-го (так.— *В. К.*) и кончится по лето того же мироздания 3913-е (так.— *В. К.*). В нем кроме действий российских князей, воеваний их на Царьград, Смоленск и разные российские грады, описывается их рождение, строение в разных российских городах церквей, поставление епископов, обретение мощей Киевских чудотворцев Антония и Феодосия, хождение во Орду и послания во оную послов, пострадание во оной князя Михаила Ярославича Тверского, явления небесные, затмения луны, чудотворения, преставления князей, митрополитов, архиепископов и епископов, погорения градов Москвы, Киева и других, мор, бывший в разных городах и местах, запаления от громов церквей, посвящение митрополитов и других духовных лиц, посылания оных для посвящения в Царьград, послания воев от князя

Василья Дмитриевича Суздальского в Сарай, хождение его под Тверь с воинством, прихождение татар ратью к Новугороду, Донское побоище, взятье Москвы царем Тохтамышем, смоленское побоище, преставление Сергия, игумена Радонежского, предисловие, изобразующее житие его в кратце, взятье новогородцами града Устюга, бракосочетание князей российских, хождение князя Ивана Михайловича ратью на Кашин, пришествие ратью на русскую землю Едигея, чем оный летописец и оканчивается. Листов в нем 371» [128].

Можно с известной натяжкой предположить, что Троицкая летопись оказалась в распоряжении кружка до 1791 г. (как, например, ряд рукописей Синодальной библиотеки). Во всяком случае, у Мусина-Пушкина она была уже в 1792—1797 гг. В 1798 г. Троицкая летопись вместе с другими рукописями лавры были возвращены в Типографскую контору в Москве, а оттуда как «древние и редкие» они поступили в Синодальную библиотеку. В феврале 1804 г. рукописи вновь были возвращены в лавру по требованию митрополита Платона.

Девятая рукопись была прислана в Синод из Ферапонтова монастыря и в реестре описана следующим образом: «№ 6 (59). Книга соборник, житие Саввы Сербского и житие Павла Обнорского, о горе Афонстей, без крайца и без доски» [129]. Ее также следует считать изъятой Мусиным-Пушкиным.

Десятая рукопись значилась как принадлежавшая Рязанской епархии и была описана следующим образом: «Выписки из найденных в архиве Рязанской консистории старинных бумаг о некоторых достопамятностях» [130]. Вне всякого сомнения, здесь речь идет о так называемых «Рязанских достопамятностях» — сборнике исторических материалов по истории Рязанского края, составленном по указу Синода [131] (по мнению А. Г. Кузьмина, первоначально в 1792—1793 гг.[132]). Рукопись также следует считать изъятой Мусиным-Пушкиным, однако сохранились по меньшей мере два ее списка, в том числе времени около 1794 г.[133] В 1811 г. еще одна копия была изготовлена для ОИДР (погибла в московском пожаре 1812 г.) [134].

О четырех остальных рукописях, числившихся не возвращенными графом (Хронограф № 55, Судебник 1550 г., грамоты Кирилло-Белозерского монастыря, челобитная Усть-Шехонского монастыря), мы уже писа-

ли выше. Все они были найдены и возвращены в 1798 г. по принадлежности.

Таким образом, мы можем заключить, что по меньшей мере девять рукописей были изъяты Мусиным-Пушкиным в процессе реализации указа 1791 г. Это не столь значительное число, как могло бы казаться на первый взгляд, учитывая положение графа как обер-прокурора Синода. Впрочем, вряд ли Мусин-Пушкин мог в сколько-нибудь широких масштабах изымать рукописи из числа тех 103, которые на время были взяты им из канцелярии Синода и зарегистрированы в соответствующем реестре. Этот реестр являлся официальным учетным документом присланного в Синод церковного рукописного имущества, и его обойти было нелегко. Следовательно, Мусин-Пушкин должен был искать какие-то иные пути.

Думается, что такие пути у графа были. В этой связи обращают на себя внимание следующие факты. В рассмотренном выше синодальном реестре 1797 г. за графом числились рукописи из Макарьевского Желтоводского монастыря, Новоспасского монастыря и Рязанской епархии. В делопроизводстве Синода нами не обнаружены материалы об их присылке в Синод. Известно, что иногда Мусин-Пушкин сам отбирал рукописи в соответствующих хранилищах до их присылки в Синод, ссылаясь на указ 1791 г. В настоящее время документально установлено, что таким образом им были отобраны рукописи в Московской Синодальной конторе[135] и в августе 1792 г.— в библиотеке Ростовского архиерейского дома.

Последний случай особенно примечателен. Граф приказал, «чтоб в силу именного ее императорского величества высочайшего указа... из числа найденных в библиотеке дому его преосвященства пяти хронографов и шестой степенной, представлены были к личному просмотрению его превосходительства три хронографа, имеющие содержание относительно российской истории, и четвертую книгу степенную»[136]. Любопытно, что на эти рукописи граф «вышел» после того, как Ростовская консистория в ноябре 1791 г. прислала в Синод их реестр[137]. В августе 1792 г. указанные рукописи были «немедленно доставлены» Мусину-Пушкину. Имеющиеся их подробные описания не находят аналогий среди всех сохранившихся рукописей, что свидетельствует об их изъятии графом и последующей гибели в 1812 г.

Сохранилось лишь несколько копий части одного из хронографов Ростовского архиерейского дома[138], а также в бумагах митрополита Платона — выписка из «степенной письменной книги о учиненном российскими архиереями царю Иоанну Васильевичу на четвертый брак разрешения»[139] (Соборное определение о четвертом браке Ивана Грозного).

Эпизод с рукописями Ростовского архиерейского дома позволяет заключить, что у Мусина-Пушкина имелись возможности комплектовать свое собрание путем изъятия рукописей в тех случаях, когда последние во исполнение указа 1791 г. поступали в Синод после составления «Реестра имеющимся у господина тайного советника синодального обер-прокурора и кавалера Алексея Ивановича Мусина-Пушкина книгам, относящимся к истории Российской».

Это, в свою очередь, заставляет вспомнить ряд глухих указаний на изъятия рукописей Мусиным-Пушкиным. Одно из них — префекта Казанской духовной академии — мы приводили выше. В реестре рукописей, временно взятых Мусиным-Пушкиным из Синода, числились (без номеров) три рукописи, присланные казанским архиепископом: «Повесть о царствовании царей римских и прочее», «Хронограф, в нем история о сотворении мира», «Книга о создании и пленении Троянском»[140]. Каких-либо сведений о последующей судьбе этих рукописей нет, и мы предположительно можем отнести их к числу изъятых графом.

Иначе обстоит дело с другим свидетельством. Оно дошло до нас в изложении Строева и принадлежит настоятелю Новоиерусалимского монастыря. По его словам, У Мусина-Пушкина остались из этого монастыря «одно евангелие и несколько хронографов и летописей»[141]. В реестре рукописей монастырской библиотеки, посланном в Синод 1 октября 1791 г., среди прочих действительно значились: «Евангелий ветхих, писанных на коже в лист шесть, из них одно в красном атласе», «Хронографов старописменных две книги, из коих одна в десть, а другая в четверть», «Книга Козмография, сиречь всего света описание, в лист», «Летописец келейный святейшего патриарха Никона, полууставной в десть с прописми золотыми, покрыт красным бархатом, на верхней дске средник и четыре науголника, а на исподней дске пять полупуговиц и четыре петли к застежкам серебряным, но без застежек. Содержание, кратко

писанное неисторически, но панагирически о причине установления в России патриаршества, о произведении на оное Иова, Ермогена и Филарета Н[икитича]. (Сего произведение описано пространно со всем церковным чиноположением)», а также «Родословников великих князей и других фамилий российских две книги в четверть», «Книжка о завоевании Сибирской земли, скорописная в четверть» (одна из сибирских летописей), «Описание городов и рек российских, скорописная, в четверть» (Книга Большому Чертежу)[142]. Данных о посылке в Синод евангелий нами не обнаружено. Отсутствуют сведения и о посылке туда же «Летописца келейного». Что касается хронографов, Космографии, родословных, «Книжки о завоевании Сибирской земли», то все эти рукописи были возвращены в 1798 г. из Синода по ошибке в Московскую Синодальную контору, откуда, как следует из рапорта конторы в Синод, было принято решение возвратить их в Новоиерусалимский монастырь[143]. И только после 1798 г. следы этих рукописей теряются. В описании новоиерусалимских рукописей, составленном в 1817 г. Строевым, мы уже не находим им аналогий. В нем приведены сведения лишь о четырех евангелиях, тогда как в 1791 г. их числилось шесть. Из этого можно заключить, что рассмотренные рукописи не были изъяты Мусиным-Пушкиным. Иначе трудно объяснить, как граф смог бы сделать это после 1798 г.

Вместе с тем мы вправе полагать, что по меньшей мере одна рукопись Новоиерусалимского монастыря была все-таки изъята Мусиным-Пушкиным. Речь идет об «Описании городов и рек российских». Она была послана в Синод, не значилась в числе возвращенных в 1798 г. по ошибке в Московскую Синодальную контору и отсутствует в описании новоиерусалимских рукописей Строева.

Имеется еще одно свидетельство об изъятии рукописей Мусиным-Пушкиным. Согласно сообщению И. Куприянова[144], в Новгородскую Софийскую библиотеку из Синода не были возвращены: «1) Несторова летопись на пергамине; 2) Сборник Адриана патриарха, писанный уставом (очевидно, сборник со словами, поучениями и другими произведениями московского патриарха Адриана.— *В. К.*); 3) Проскинитарий Арсения Суханова; 4) Письма царя Алексея Михайловича к патриарху Никону; 5) Степенная книга о царе Феодоре Иоаннови-

че (возможно, «Повесть о честном... житии... царя Федора Ивановича.— *В. К.*); 6) современная рукопись о смерти государя Петра и другие». Источник этого сообщения нам неизвестен. В Синод эти рукописи (исключая № 2 и 3) были направлены из Новгородской консистории 12 апреля 1792 г. Из них в числе 102 рукописей, отобранных Мусиным-Пушкиным, значилась лишь «Несторова летопись», т. е. Лаврентьевская летопись. Если верно сообщение И. Куприянова, то изъять эти материалы граф мог только после 1792 г.

Приведенными фактами ограничиваются наши знания об изъятиях рукописей Мусиным-Пушкиным по указу 1791 г. С определенной долей осторожности можно говорить о 22 рукописях, взятых графом из библиотек Новгородского Софийского собора, Новоиерусалимского монастыря, Ростовского архиерейского дома, Новоспасского монастыря, Рязанской консистории, Ферапонтова монастыря, Нижегородского Печерского монастыря, Кирилло-Белозерского монастыря, Синодальной библиотеки, Московской Типографской конторы и хранилищ Казанской епархии. Это — минимальное число изъятых под предлогом указа 1791 г. рукописей. Что же касается максимального объема изъятий, то его вряд ли когда-либо удастся определить.

Вместе с тем нам представляется, что не следует преувеличивать объем изъятий Мусина-Пушкина. Духовенство в центре и на местах ревниво относилось к сохранности церковного имущества. Эпизод с изъятием неизвестным лицом одного из хронографов Спасо-Ярославского монастыря, подробно рассказанный Г. Н. Моисеевой, свидетельствует, что изъятие рукописей, включенных в реестры церковных хранилищ, являлось делом далеко не простым, требовавшим определенной изворотливости [145]. Думается, что объем изъятий, осуществленных графом из церковных хранилищ, вряд ли мог превышать несколько десятков рукописей.

Комплектование частных собраний путем неофициальных изъятий было достаточно распространено в конце XVIII — начале XIX в. Ярый «нестяжатель» XVIII в. П. А. Алексеев в одном из писем к Мусину-Пушкину намекал ему на те возможности, которые открываются перед ним как обер-прокурором Синода в получении рукописей. «Притом услышал я,— писал Алексеев,— от одного архимандрита, что Вы ищете уложение, под именем Стоглава состоящее, удивился, по-

тому что Вы имеете при канцелярии св. Синода каталоги книг Синодальной и Типографской библиотек, а не требуете надобную Вам книгу из мест, от дирекции Вашей зависящих. Естли господин Новиков вышарил в оных библиотеках все любопытные манускрипты за бездельную плату и составил на них Древнюю Российскую Вивлиофику для своей прибыли, кольми паче Вы имеете неоспоримое право требовать оттуда, что Вам угодно, для общественной пользы. Когда Синода бывший обер-секретарь Леваншдов дозволенными средствами накопил столько рукописных книг, что по кончине его на три тысячи рублей продано, как несравнительно больше способов господину обер-прокурору пользоваться сим сокровищем. Двенадцать древних российских летописцев брано в Университет и оттуда возвращено в Синодальную библиотеку, из коих самые лучшие, сказывают, пропали...» [146]

Как и указ 1791 г., изъятия рукописей, произведенные Мусиным-Пушкиным, в моральном оправдании опирались на идею секуляризации церковного имущества, на патриотические побуждения в скорейшем введении их в общественный оборот, на стремление использовать их в интересах абсолютистского государства. Выше мы уже отмечали, что к изъятиям в начале XIX в. прибегали Бороздин и Ермолаев. Позже точно так же поступал Строев [147]. Разумеется, этот традиционный способ собирательства справедливо во все времена имеет определенную юридическую и нравственную оценку.

И вместе с тем судьба части изъятых графом рукописей заставляет нас еще раз скорректировать представление о нем как собирателе, прибегавшем к сомнительному способу комплектования своей коллекции. В 1804 г., когда Синод повторно запросил Мусина-Пушкина об изъятых им материалах, явно отстаивая общегосударственное значение своей деятельности как коллекционера, граф сообщал, что после создания ОИДР и назначения Карамзина на должность официального историографа он «отдал туда и господину Карамзину (который пишет Российскую историю) все, что имел у себя лутчее по сей материи, ибо, как выше донес, сам ныне в том не упражняюсь» [148]. Намек Мусина-Пушкина был очевиден: ОИДР и Карамзин приступили к своей работе по изучению отечественной истории при поддержке Александра I. Граф подчеркивал, что предо-

ставлением своих материалов он способствует успеху задуманных предприятий. Расставание Мусина-Пушкина с рядом рукописей, пусть даже временное, мы вправе рассматривать как его стремление к определенной общественной реабилитации своих не всегда законных действий коллекционера в прошлом.

Мусин-Пушкин действительно передал ОИДР «несколько летописцев», в числе которых находилась и Лаврентьевская летопись, подаренная им затем в Публичную библиотеку (остальные летописи сгорели вместе с библиотекой ОИДР в 1812 г.). Что же касается Карамзина, то на этот счет сохранилось любопытное свидетельство племянника Мусина-Пушкина — Н. А. Енгалычева, жившего в доме графа с 1804 по 1809 г. В ответ на запрос М. П. Погодина он сообщал 3 июля 1844 г., ссылаясь на свидетельство вдовы графа: «Еще до нашествия французов, в то время, когда Карамзин посвятил себя исключительно занятиям русской историей и утвержден был историографом, он выпросил у дяди моего семнадцать книг из его библиотеки для сочинения русской истории... Помню, что к этим семнадцати книгам, которые он выбрал, дядя мой прибавил ему еще четыре книги «Записок русской истории Крекшина», который занимался составлением сих записок при Петре Великом; из сих последних Карамзин, помнится, возвратил дяде моему три книги, а четвертую, равно как и первые семнадцать книг, увозил с собою из Москвы во время фанцузов, и, таким образом, они уцелели; и когда после кончины дяди моего, супруга его графиня Екатерина Алексеевна требовала их от него, то он отвечал, что эти книги должны храниться не в частных руках, а в государственном книгохранилище, в каковое по миновании в них надобности он не преминет их препроводить» [149]. Енгалычев, сообщая об этом Погодину, полагал, что «после такого моего оглашения ее превосходительство супруга г. историографа и наследники должны сделать ученой публике удовлетворение в том, что книги сии у них сохранились, и если оне еще у них, то пусть благоволят ныне препроводить их в какую-нибудь государственную библиотеку...» [150]

Известно, что Карамзин был владельцем крупного по масштабам начала XIX в. собрания документов, которое он широко использовал в своем труде. Среди источников его пополнения немалую роль сыграли дарe-

ния рукописей современниками историографа, а также предоставление ему материалов во временное пользование. «Несколько польских хроник» передал Карамзину Ф. Н. Глинка. Уникальный сборник документов периода польско-шведской интервенции начала XVII в. историк получил в дар от Ермолаева. Н. Н. Бантыш-Каменский подарил Карамзину рукопись своего неопубликованного труда «Дипломатическое собрание дел между Россией и Польшей», Оленин — русский перевод 6-ой и 9-ой книг «Истории» Льва Дьякона, Ю. А. Нелединский-Мелецкий — сборник с родословной, разрядами и Судебником 1550 г. и др.[151]

Большую группу материалов коллекции Карамзина составили рукописи, взятые им на время у своих современников и оставшиеся невозвращенными. Среди них оказалось не менее трех рукописей из собрания Ф. Г. Баузе и не менее двух — из собрания графа Ф. А. Толстого[152].

Впервые с частью коллекции Карамзина научная общественность получила возможность познакомиться в 1838 г. В июле этого года вдова историографа предложила Археографической комиссии материалы из коллекции покойного мужа для их издания. Рукописи рассматривались Я. И. Бередниковым. Бередников обратил внимание на 4 летописи, 4 хронографа, 8 сборников, 2 степенные книги, 2 разрядные книги, 2 списка «Истории» А. Палицына, 6 сборников актовых материалов. За небольшим исключением все они были оставлены в Археографической комиссии[153]. Другая часть коллекции Карамзина в 1866 г. поступила в дар от его сыновей В. Н. и А. Н. Карамзиных в Публичную библиотеку. Всего сюда в 1866 г. была передана 71 рукопись[154]. В 1877 г. от них же в Публичную библиотеку поступили 16 рукописей из числа переданных вдовой Карамзина в 1838 г. в Археографическую комиссию[155]. Таким образом, нам известно о 87 рукописях коллекции Карамзина, благополучно закончивших свой путь, как и мечтал он, в «государственном книгохранилище».

Какова же оказалась судьба тех 18 рукописей, которые, как указывалось выше, были на время взяты историком из коллекции Мусина-Пушкина? В черновике реестра карамзинского собрания, составленном К. С. Сербиновичем накануне передачи материалов в 1838 г. в Археографическую комиссию, указывались 4 рукописи из коллекции Мусина-Пушкина. Это «Летописец и Со-

фийский временник» с № 602, сборник актов и других документов с № 630 и 284, «Подлинник гр[афа] Пушкина об иконах», «Видение патриарха Никона» с № 631 и 381 [156].

Летопись и сборник актов заинтересовали Археографическую комиссию и были описаны Бередниковым. Из этих описаний видно, что первая рукопись не что иное, как «Летопись Засецкого», ныне хорошо известная [157]. Вторая рукопись, по подробному описанию Бередникова, содержала уставную грамоту царя Алексея Михайловича о мытах и перевозах, акты, «относящиеся к жизнеописанию патриарха Никона», окружную грамоту патриарха Никона о моровом поветрии 1656 г., слова из Скитского патерика, мелкие отрывки богословского содержания, житие Иосифа Прекрасного, была в 4°, на 427 листах, уставная и скорописная [158]. Эта рукопись, очевидно, осталась в Археографической комиссии, так как в числе переданных сыновьями Карамзина в Публичную библиотеку она не значится. Описание Бередникова указывает еще одну рукопись из коллекции Мусина-Пушкина, оказавшуюся у Карамзина. Это «История в память предъидущим родом» А. Палицына. Она не значится среди переданных в Публичную библиотеку, осталась у сыновей Карамзина и ныне хранится в Ульяновске [159].

Одна из двух других рукописей Мусина-Пушкина, упомянутых в реестре Сербиновича,— «Подлинник графа Пушкина об иконах» — также оказалась у Ульяновске [159а]. Наконец, последняя рукопись, описанная Сербиновичем как «Видение патриарха Никона», была подарена сыновьями Карамзина в 1866 г. в Публичную библиотеку и в настоящее время известна [160].

Таким образом, к 1838 г. стало известно о пяти рукописях Мусина-Пушкина из собрания Карамзина, которое тогда же начало постепенно распыляться, в результате чего три рукописи графа уже не вернулись в карамзинскую коллекцию. Однако из свидетельства Енгалычева мы знаем, что у историографа должно было находиться 18 рукописей Мусина-Пушкина. Какова же судьба остальных 13 рукописей?

Их поиск заставляет нас обратить внимание на следующий факт. 14 марта 1838 г. в Археографическую комиссию обратился граф В. А. Мусин-Пушкин, сын А. И. Мусина-Пушкина. «Отыскав в библиотеке моей,— писал он,— несколько старинных рукописей и подлин-

ных актов и по примеру покойного моего родителя желая содействовать успехам отечественной истории, честь имею представить их... для передачи в Археографическую комиссию. Думаю, что некоторые из этих рукописей могут быть приняты в соображение при предполагаемом издании Полного собрания русских летописей. Вся коллекция, числом двадцать шесть рукописей, передана мной г. правителю дел Комиссии Коркунову для отобрания из них важнейших. В дополнение, представляя жалованную грамоту царя Иоанна Васильевича Троицкого Сергиева монастыря игумену Иосифу 1556 г. и пергаменную грамоту молдавского воеводы Стефана, покорнейше прошу... все эти рукописи в свое время возвратить мне по принадлежности» [161]. В ноябре того же года Коркунов сообщил комиссии о восьми отобранных им манускриптах, «которые по древности и содержанию своему оказались наиболее заслуживающими внимание». Остальные рукописи были возвращены тогда же их владельцу [162].

В нашем распоряжении имеется опись этих восьми рукописей, отобранных комиссией для издания, а также грамоты молдавского воеводы Стефана на владение имением Яшивы, возвращенной В. А. Мусину-Пушкину [163]. В 1866 г. 16 рукописей, включая и восемь находившихся ранее в Археографической комиссии, были подарены правнуком А. И. Мусина-Пушкина, А. В. Мусиным-Пушкиным, в Чертковскую библиотеку [164], и часть их в настоящее время известна [165].

Любопытно, что предложения в Археографическую комиссию, дарения в Публичную и Чертковскую библиотеки карамзинских материалов и материалов Мусина-Пушкина происходили почти параллельно: в 1838 и 1866 гг. Но еще более важно, что в числе рукописей, предложенных в 1838 г. и подаренных в 1866 г. соответственно В. А. Мусиным-Пушкиным и А. В. Мусиным-Пушкиным, находились «Русский временник» и «Летопись князя Кривоборского». Между тем Карамзин, упоминая в своей «Истории» эти рукописи из собрания Мусина-Пушкина, определенно указывал, что они находятся в его личном распоряжении [166].

Это заставляет нас предположить, что в 1838 г. или до этого наследники Карамзина могли передать какую-то часть рукописей Мусина-Пушкина наследникам покойного графа. Во всяком случае, из показания Енгалычева бесспорно следует, что вдова Мусина-Пушкина

сразу же после смерти графа потребовала от историографа взятые им рукописи. Но то, что не случилось при жизни историографа, могло произойти после его смерти в 1826 г. По всей видимости, в коллекции историографа тогда были обнаружены не все из 18 рукописей Мусина-Пушкина. О семи из них, включая «Летопись князя Кривоборского» и «Русский временник», мы уже говорили выше. В собрании Карамзина, поступившем в Публичную библиотеку, обращают на себя внимание еще две рукописи, которые могут восходить к коллекции Мусина-Пушкина. Это сборник копий XVIII в. двинских грамот, использованный историографом в «Истории» [167], и Правда Русская с переводом и примечаниями Татищева [168]. То обстоятельство, что не все рукописи Мусина-Пушкина были переданы его наследникам вдовой или детьми Карамзина, очевидно, и послужило причиной натянутых отношений между ними, породив своеобразное объяснение судьбы части коллекции графа Енгалычевым. Таким образом, предположительно нами выделены девять рукописей Мусина-Пушкина, дошедших через собрание Карамзина. Остальные девять, если ориентироваться на свидетельство Енгалычева, неизвестны. Они находятся либо в собрании Карамзина, либо в числе тех рукописей, которые поступили в Чертковское собрание в 1866 г.

На первый взгляд, нашей конструкции противоречит следующий факт. По сообщению Енгалычева, у Карамзина должен был находиться один том «Записок русской истории Крекшина», но он отсутствует в числе рукописей, переданных наследниками Карамзина и Мусина-Пушкина соответственно в Публичную и Чертковскую библиотеки. Однако этим томом «Записок» П. Н. Крекшина могла быть «Летопись князя Кривоборского». Она, как уже отмечалось, поступила к Мусину-Пушкину в числе бумаг крекшинского архива и могла ассоциироваться с «Записками» Крекшина, тем более что на летописи есть запись о ее принадлежности Крекшину [169].

Можно повторить, что изъятия рукописей из церковных хранилищ, по всей видимости, не составили сколько-нибудь значительный источник пополнения собрания Мусина-Пушкина. Очевидно, больше возможностей появлялось у графа, когда речь шла о коллекциях, оставшихся после смерти церковного начальства. Так заставляет думать сохранившееся в фонде Синода

дело о библиотеке костромского архиепископа Питирима, умершего в 1791 г. По указанию Синода был составлен реестр этой библиотеки и ее материалы в 1792 г. доставлены в Петербург. Судьба 76 включенных в этот реестр рукописей религиозного содержания остается неизвестной [170].

В 1796 г. аналогичная история повторилась с частью рукописей библиотеки вятского и великопермского епископа Лаврентия Барановича. Опись библиотеки умершего иерарха была направлена в Синод, который предписал «вытребовать» три рукописные книги, «яко принадлежащие к исправляемой ныне Российской истории». Это были «Житие Петра Великого, императора», «Иго законное», «О начале Новагорода и всего славено-русского народа». После присылки этих рукописей их следы также теряются [171].

Калайдович сообщает, что и при жизни деятели церкви передавали Мусину-Пушкину отдельные раритеты и автографы своих трудов, «уважая его ревностное желание к собранию и сохранению редкостей» [172]. Среди них Калайдович называет митрополита киевского и галицкого Самуила (С. Г. Миславского). Знакомый графа не только по церковным делам, но и по работе в Российской Академии, он был известен как автор публицистических сочинений, богословских трактатов, трудов по грамматике. Еще один упомянутый Калайдовичем церковный иерарх — митрополит новгородский Гавриил (П. П. Петров) являлся автором сочинений против раскольников.

Калайдович указывает, что в коллекции Мусина-Пушкина находились автографы трудов и земляка графа, уже упоминавшегося ростовского архиепископа Арсения (В. И. Верещагина), автора многочисленных торжественных речей.

Екатеринославский архиепископ Евгений Булгар, в числе трудов которого значился «Ответ на вопрос графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, предложенный по приказанию государыни императрицы Екатерины II о том, как лучше и пристойнее можно польских униатов обратить и соединить с православной греческой церковью» (1793 г.) [173], передал графу свое сочинение «Разыскание о времени крещения княгини Ольги» [174]. В коллекции графа находилась переписка Евгения Булгара с С. Сестренцевичем-Богушем о сарматском языке [175].

Другой екатеринославский архиепископ — Иов (И. Потемкин) передал в дар Мусину-Пушкину «многие редкие книги, найденные им в Польше, в числе коих Литовский статут, напечатанный славянскими буквами в Вильно в лист 1586 года»[176]. «Редкое греческое евангелие» XI в. было подарено графу астраханским архиепископом Никифором.

По всей видимости, значительным поступлением в коллекцию Мусина-Пушкина стало переданное по завещанию собрание «редких письменных и печатных книг» архангельского архиепископа Аполлоса (А. Байбакова), умершего в 1801 г. Именно в составе рукописных коллекций этих и других, неизвестных нам церковных деятелей, поступивших в собрание Мусина-Пушкина, могли находиться рукописи церковных хранилищ.

Вообще комплекс материалов, пополнивших собрание графа за счет дарений, завещаний, являлся, может быть, самым значительным. По свидетельству Калайдовича, едва ли не первый пример современникам показала Екатерина II. Императрица «благоволила пожаловать» Мусину-Пушкину «многие черные ее рукою писанные бумаги, в числе коих были черные „Записки касательно Российской истории“ и несколько списков для нового Уложения, а потом через несколько дней, сочиненные ею и по ее повелению изданные книги»[177]. Она же в обмен на какие-то материалы крекшинского архива «пожаловала ему несколько пергаменных книг, древних летописей и бумаг, в кабинете ее находившихся, кои самой ей читать было трудно». В числе последних была рукопись с житием муромского князя Константина Святославича. Карамзин, сославшись на эту, ныне утраченную рукопись, свидетельствует, что она имела пометы императрицы[178].

Среди «пожалований» императрицы оказались и архив и рукописная коллекция Болтина. Его приобретение в императорский Кабинет через Мусина-Пушкина за 10 тыс. руб. состоялось в ноябре 1792 г., т. е. почти сразу же после смерти историка[179]. В декабре 1793 г. болтинские материалы, как показано в первой главе, уже находились в руках Мусина-Пушкина. В словаре Евгения Болховитинова о болтинских материалах говорилось следующее: «Всех бумаг Болтина осталось до ста связок и в них, кроме многих других записок, оказалось: 1) *Перевод Энциклопедии* до буквы К, набело переписанный собственною его рукою; 2) *Историческое и*

географическое описание наместничеств, в коем обстоятельно показаны древнее и нынешнее состояние народов и городов, местоположение, границы, нравы, обычаи и суеверия, число жителей, их промыслы, почва, земли, реки, озера, произрастания, государственные доходы, выгоды и недостатки; 3) *Толкового славенороссийского словаря* буква А. Да и для продолжения сего великого и трудного сочинения приготовлены были у него материалы; 4) *Выписки* для уразумения древних летописей, с изъяснением древних слов, из употребления вышедших и географических мест, упоминаемых в летописях наших» [180].

Среди трудов Болтина, между прочим, должно было находиться какое-то большое сочинение, включившее «Описание городища на берегу реки Ворсклы»,— в последние годы своей жизни ученый связывал это городище с Тмутараканским княжеством [181].

Словарь Евгения Болховитинова и вслед за ним Калайдович указывают, что в болтинских бумагах находились три части татищевского «Российского исторического, географического, политического и гражданского Лексикона», а также «Критические примечания» Болтина на «Историю» Щербатова. В собрание Мусина-Пушкина попали и какие-то рукописи древней традиции, собранные Болтиным. В распоряжении Болтина находилось не менее семи летописей [182]. Три из них, как показано выше, могли принадлежать Мусину-Пушкину, остальные мы вправе считать разысканными Болтиным и затем перешедшими к графу. В работах Болтина содержатся указания на имеющиеся у него список Книги Большому Чертежу, «тетрадку о начале запорожских казаков, сочиненную с предания, обносящегося между ними», «ответное письмо архиереев российских Сорбонским учителям» [183].

Части болтинских материалов была уготована счастливая судьба. После включения их в собрание Мусина-Пушкина некоторые из них были изданы или распространены в списках. Увидели свет его знаменитые «Критические примечания» на «Историю» Щербатова, «Лексикон» В. Н. Татищева (хотя, как мы могли убедиться, имеется и еще одна версия о его поступлении к Мусину-Пушкину — в числе документов крекшинского архива). Выше мы рассказали о судьбе «выписок для уразумения древних летописей». Об остальных трудах Болтина, а также его рукописном собрании нам прак-

тически, ничего не известно. Все погибло в 1812 г. вместе с коллекцией Мусина-Пушкина [184].

Согласно указанию словаря Евгения Болховитинова, Мусин-Пушкин оказался владельцем по меньшей мере частей архива и рукописного собрания своего другого сотрудника — Елагина. Последний, как уже отмечалось, подарил графу свой «Опыт повествования о России». Калайдович добавил еще, что Елагин «духовною своею учинил его (Мусина-Пушкина.— *В. К.*) душеприказчиком; по сему случаю получил он премного книг и бумаг весьма любопытных» [185]. Характер дарственной записи Елагина на одной из подаренных частей «Опыта» говорит о том, что он рассматривал собрание Мусина-Пушкина своеобразным «почтовым ящиком» в будущее, поскольку не надеялся, что его труд в силу острой публицистичности может увидеть свет в ближайшие годы.

Выше мы приводили слова Елагина, в которых он выразил свою озабоченность сохранением отечественных древностей. Сам автор «Опыта» свидетельствовал, что он прилагал немало усилий для разысканий списка «Летописи Симона Суздальского», а также Иоакимовской летописи. О последней он писал: «Не возможно не сожалеть о утрате сего глубочайшей древности кладезя, о котором Крекшин в Хронографе своем уверяет, что он имел его между прочим собранием летописей весь сполна, и буде не ложно его свидетельство, то утратился он или у наследников Крекшина или между хищных немецких рук Тауберта и Миллера, которые, быв при академии, яко тогдашние знатоки все бывшие в книгохранилище Академическом рукописи захватили для корысти...» [186]

«Опыт повествования о России» дает возможность частично представить рукописные материалы, имевшиеся в собрании его автора. Елагин широко использует «список с Никоновской летописи», который «под названием Новгородского летописца царевичу Алексею Петровичу поднесен и в подлиннике, рукою сего царевича подписанном, в книгохранительнице моей находится» [187]. В другом месте он называет его «Хронографом Новгородским, имеющимся у меня из библиотеки царевича Алексея Петровича, писанный в 1716 году нарочно для него под смотрением Новградского тогда бывшего митрополита Иосифа и с великим рачением из древних летописей собранный и составленный языком весьма чистым славянbackslashновоградским. Он с большею всех лето-

писцев ясностию сию несчастную новоградскую брань (восстание 1135 г. в Новгороде.— *В. К.*) описывает» [188]. В числе имевшихся у него материалов Елагин называет «скорописную летопись под именем Мамаева побоища» [189], «рукописный список князя Курбского» («Повествование об Иоанне») [190], а также рукописи «Повседневных путевых записок путешествия Пимена в Царьград» и степенной книги, доставшиеся ему «из библиотеки покойного Волынского» [191]. Он ссылается и на выписки из «манускриптов» книгохранилища Посольского приказа.

Все это говорит о том, что Елагин имел немало интересных рукописей древней традиции, в том числе, возможно, не только две, и из конфискованной в 1740 г. библиотеки А. П. Волынского. Учитывая свидетельство словаря Евгения Болховитинова и замечание Калайдовича, мы вправе считать, что эти рукописи, включая и те, о которых нам известно, также оказались в собрании Мусина-Пушкина. Но, очевидно, особую ценность представлял елагинский архив, с «весьма любопытными», по отзыву Калайдовича, бумагами. Здесь могли быть какие-то материалы по политической истории России XVIII в., особенно царствования Екатерины II. Неизбежность их передачи именно Мусину-Пушкину подтверждает все та же дарственная запись Елагина в его «Опыте», в которой он выражал заботу о «таинстве от любопытства» своего историко-публицистического сочинения.

Среди материалов елагинского архива находились и масонские рукописи. На это вполне определенно указывала Екатерина II в письме к барону Гримму 12 января 1794 г.: «Он оставил после себя,— писала императрица,— неслыханную громаду сочинений, касающихся масонства, что доказывает, что он сошел с ума» [192]. Большая часть этих рукописей после смерти Елагина была конфискована и в настоящее время известна. Однако это обстоятельство не исключает попадания части масонских материалов и в коллекцию Мусина-Пушкина. Важно отметить в этой связи, что в «Записке» Елагина о масонстве содержится посвящение, во многом сходное с дарственной записью Елагина Мусину-Пушкину на рукописи «Опыта»: «Сим избранным мною, любезным братиям моим, посвящаю я сочинение сие, не яко ищущий похвалы и славы писатель, но яко совершенный в истине ревнитель в приобретении себе их дружества

и моего имя в засвидетельствование. Притом в мзду доверенности моея прошу и заклинаю их страшным именем и судом бога живого, да содержат они предание мое в совершенном таинстве, во знамение чего да будет им знаком познания друг друга *перст гарусов*, на уста возлагаемый. По преселении же моем за порог смерти от них да присутствующими при том часе отдадутся писания мои на сохранение единому из братьев, которого имя в заглавии сей первой части написано есть, с тем, чтобы списков никогда не было, и он бы при кончине своей вручил опять единому» [193].

Собрание Мусина-Пушкина пополнялось дарениями и других современников. По словам Калайдовича, граф Г. И. Головкин передал ему «несколько летописей и монет». От Г. Р. Державина Мусин-Пушкин получил сборник черновых автографов его неизданных стихотворений, ряд политических проектов и публицистических сочинений, в том числе «Духовную», «Правила третейского совестного суда», «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев».

«Правила» были составлены Державиным по распоряжению Александра I и, по свидетельству автора, «словесно апробованы, но прочим гг. министрами как не понравились, то и не переданы...» Видимо, такая же участь постигла и «Мнение», которое рассматривалось в 1802 г. специальным комитетом [194]. Оно заинтересовало и графа, который в 1804 г. просил Державина «прислать мнение о евреях, а что копию к Вам перешлю, в том даст Вам верное слово Вашего превосходительства покорнейший слуга» [195]. В 1805 г. уже со списка Мусина-Пушкина «Мнение» было скопировано и передано Н. Н. Бантыш-Каменским в МАКИД [196].

О сборнике неизданных стихотворений Державина сохранились красочные воспоминания их автора. По его свидетельству, в течение 1795 г. он работал над сочинениями, посвященными Екатерине II, но не мог «воспламенить так своего духа, чтобы поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». Жена Державина «из разных лоскутков собрала» написанное «в одну тетрадь» и переписала стихотворения, «в числе коих были и такие пиесы», которые не были известны Екатерине II. В ноябре 1795 г. эта тетрадь была поднесена императрице и вызвала немедленный гнев с ее стороны за переложение 81-го псалма, который во вре-

мя Французской революции в перефразированном виде распевали якобинцы. Объяснения Державина, в том числе указание на то, что переложение было опубликовано еще в 1786 г., были приняты во внимание Екатериной II, однако сборник стихотворений в то время так и не увидел света. Как свидетельствовал Державин, он был отдан на просмотр любимцу императрицы графу Зубову, у которого «пролежал без движения весь 1796 г.»[197] У Мусина-Пушкина же осталась подборка черновых автографов этого сборника сочинений поэта, а также полученный в 1804 г. список его стихотворения «Колесница».

В собрании Мусина-Пушкина должны были находиться и еще какие-то материалы Державина, который в 1804 г. писал графу Д. И. Хвостову: «Касательно же литературы (? — *В. К.*), то по случаю, мимоходом некоторые краткие черты сообщил я графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину»[198]. Я. К. Грот отмечает, что здесь речь идет о биографических сведениях о русских писателях, сообщенных Державиным графу.

По свидетельству Калайдовича, крупным поступлением в собрание графа стали «все книги и бумаги», оставшиеся после смерти профессора Московского университета А. А. Барсова (умер в январе 1791 г.). Ученик Барсова И. Ф. Тимковский вспоминал, что библиотека покойного профессора, «кроме древних классиков и пособий к ним, в полноте изобильной», включала «любопытнейшее собрание книг для истории славянского книгопечатания»[199]. Среди барсовских бумаг должны были находиться рукописи его многочисленных торжественных речей, известной «Обстоятельной российской грамматики», оставшейся тогда ненапечатанной, но ныне известной в списке[200], материалы по изданию «Московских ведомостей», «Опыту трудов Вольного Российского собрания», участию Барсова в работе Уложенной комиссии и др. Что досталось Мусину-Пушкину, нам неизвестно. Калайдович говорит, что это были «множество летописей и редких книг».

Дело в том, что барсовские библиотека, архив и коллекция рукописей оказались распыленными. В словаре Евгения Болховитинова сообщалось, что «собственноручные разные записки и письма Лихудов на греческом, латинском, итальянском, а частию на русском языке достались из библиотеки покойного профессора Барсова Н. Н. Бантыш-Каменскому, который положил

их в библиотеку Государственной Коллегии иностранных дел архива»[201]. Сам Евгений Болховитинов 30 марта 1805 г. в письме к Д. И. Хвостову писал: «Барсовых собственноручных записок получил я из Москвы шесть больших книг...»[202] Скорее всего, эти «книги» поступили не от Мусина-Пушкина, а от Бантыш-Каменского или через него — последний оказывал живое содействие в подготовке труда Евгения Болховитинова.

Из барсовского собрания Мусина-Пушкина могли заинтересовать преимущественно материалы исторического содержания, и прежде всего черновые и подготовительные материалы к его упоминавшимся выше «Сведениям о России».

Известно, что Барсов был собирателем русских пословиц. В XVIII в. его книга «Собрание 4291 древних российских пословиц» выдержала три издания. Между тем Мусин-Пушкин чрезвычайно широко, например, в переписке использовал в своем лексиконе пословицы: «Дерево узнается по плодам», «Яблочко от яблони недалеко катится», «Плывущую по воде солому перенять не трудно, но кто хочет достать жемчуг, тому надо нырять на дно», «Кормил до уста, корми до бороды», «Далеко из глаза, далеко из сердца», «Вашим добром вам и челом» — это далеко не полный перечень употребленных графом пословиц в сохранившейся части его писем. Можно поэтому предположить, что Мусин-Пушкин должен был проявить интерес к подготовительным материалам Барсова о русских пословицах и включить их в собрание.

Возможно, что по рукописи, оказавшейся в собрании Мусина-Пушкина, Карамзин опубликовал в своем «Московском журнале» набросок барсовского плана сочинения по русской истории. План этот был оригинален. Как признавался Барсов, он смог подготовить для его реализации «малочисленные весьма и слабые образчики». Из дальнейшего можно понять, что в их числе должны были находиться «Словарь исторический лиц с их деяниями, приключениями и обстоятельствами», «Словарь исторический вещей и происшествий с обстоятельствами ж», «Словарь географический мест, с происшествиями, в них случившимися, из коих многие частные словари в том же отношении извлечены быть могут, например юридический, ученый, военный, истории естественной и проч.» В числе пособий для подготовки этих грандиозных трудов Барсов называл «имеющиеся

у меня чужестранные на разных языках списки, журналы, из них деланные и впредь делаемые выписки и росписи книг печатных и письменных»[203].

Могли графа заинтересовать старопечатные (славянские и русские) книги Барсова. О том, что он проявлял интерес к истории книгопечатания и собирал старопечатные издания, свидетельствует Й. Добровский[204].

Наконец, мы вправе полагать, что Мусин-Пушкин мог стать обладателем библиотеки и рукописного собрания своего отца, Ивана Яковлевича, умершего в 1799 г. Во всяком случае, в собрании графа хранилось не менее двух рукописей родового происхождения.

Таковы основные факты об истории комплектования собрания Мусина-Пушкина. Перечень сохранившихся рукописей графа, а также упоминаний о недошедших материалах его коллекции дан нами в приложении. Здесь же попытаемся охарактеризовать в целом утраченное рукописное собрание. Его составляли два больших комплекса: рукописи старинной традиции и документы по истории XVIII в. и современности. Основной массив рукописей старинной традиции был представлен, по всей видимости, материалами исторического содержания. В этом убеждает нацеленность инспирированного графом указа 1791 г., его собственные исторические и историко-географические интересы, интересы владельцев тех коллекций, которые частью или полностью оказались в собрании. Это подтверждают и сохранившиеся рукописи из коллекции Мусина-Пушкина. Собрание включало и какое-то число раритетов — древних рукописей, примечательных своими внешними и другими особенностями. Об этом свидетельствует наличие в нем двух пергаменных псалтырей, пергаменного сборника с «Похвалой великому князю Владимиру», сербского евангелия, привлекшего внимание Мусина-Пушкина наличием в нем юсов, и др.

Материалы по истории XVIII в. и современности в коллекции Мусина-Пушкина имели разнообразный характер. Наряду с историческими документами, например их архива Крекшина — Деденевых, здесь находились многочисленные списки и автографы исторических, публицистических сочинений (Татищева, Крекшина, Елагина, Болтина, Барсова и др.), политических трактатов (Державина, Екатерины II и др.), литературных произведений (Державина, возможно Богдановича, Елагина и др.). В собрании графа уже в марте 1812 г.

находилась копия «Записок» княгини Е. Р. Дашковой[205]. Здесь же хранился и дневник самого Мусина-Пушкина. По его свидетельству, он начал его вести в виде «повседневных записок о том, где был и что любопытного заметил», в 1772 г., когда отправился в заграничное путешествие. В 1775 г. возвратившись в Россию, он продолжил свой «журнал» и вплоть до 1797 г. заносил в него «до сведения его доходящие исторические и политические происшествия и анекдоты»[206]. Этот комплекс материалов выделял коллекцию Мусина-Пушкина среди других его времени. Мусин-Пушкин оказался одним из первых в России, кто приступил к активному и систематическому комплектованию своего собрания материалами, созданными современниками, поняв и верно оценив их значение для будущего.

Для характеристики утраченного собрания немаловажным является ответ на вопрос, каким мог быть его объем. Этот ответ можно дать только в общей форме с учетом приведенных выше данных, а также данных о других собраниях этого времени. Коллекции Ф. Г. Баузе и П. Г. Демидова насчитывали соответственно 294 и 156 номеров рукописей[207]. Коллекция рукописей П. Я. Актова, собранная в первые десятилетия XIX в., включала 315 номеров[208]. Коллежский асессор Н. И. Матрунин к началу XIX в. собрал не менее 351 номера рукописей и книг[209]. Фамильная коллекция Хлебниковых включила не менее 97 рукописей[210], коллекция Н. П. Румянцева — свыше 600[211] и т. д.

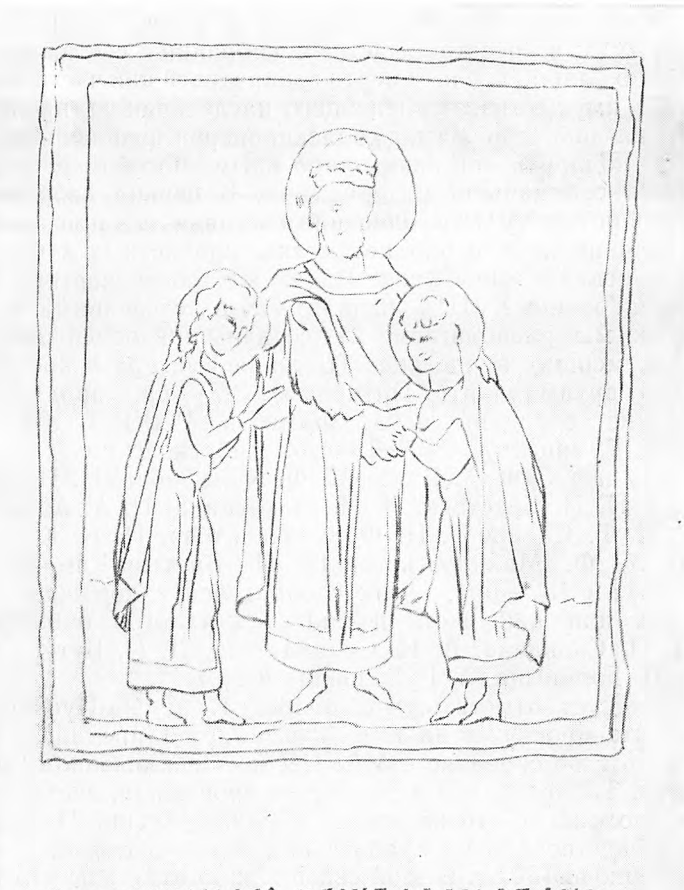
Совершенно очевидно, что коллекция Мусина-Пушкина по числу рукописей должна была превосходить все названные собрания. Только отрывочные данные, собранные нами, позволяют назвать свыше 290 номеров рукописей. Одни болтинские материалы составили в ней не менее 100 номеров. Даже если предположить, что поступления от Ферапонтова, Верещагина, Алексеева, Елагина, Барсова, Головкина, Деденевых, Державина, Екатерины II, Байбакова, Оленина, Ермолаева, Бороздина, Быковского в среднем составляли минимум до 10 номеров, то получится уже 240 номеров рукописей. К ним надо прибавить минимум 20 рукописей, изъятых графом в ходе исполнения указа 1791 г. Таким образом, получается 260 номеров рукописей — число, приближающееся к среднему числу рукописей в коллекциях конца XVIII — начала XIX в. Однако, учитывая поло-

жение Мусина-Пушкина, его многолетнюю собирательскую деятельность, мы должны ориентироваться на наиболее крупные рукописные собрания того времени. Таким было собрание графа Ф. А. Толстого. В начале XIX в. за полтора-два десятилетия он собрал свыше 1100 рукописей. Приблизительно таким и следует считать, на наш взгляд, максимальный объем коллекции Мусина-Пушкина [212].

Для темы нашей работы важное, можно сказать, принципиальное значение имеет ответ на вопрос: имело ли собрание Мусина-Пушкина какое-либо описание (каталог, реестр), номера которого могли бы быть перенесены на рукописи?

У Г. Н. Моисеевой вызвало «крайнее недоумение» [213] высказанное нами предположение о том, что такого описания могло не существовать [214]. В качестве доказательства иного заключения она обращает внимание на два обстоятельства. Во-первых, пишет Г. Н. Моисеева, ряд рукописей, принадлежавших собранию Мусина-Пушкина и оказавшихся у Карамзина, по свидетельству Сербиновича, имели номера. Г. Н. Моисеева полагает, что эти номера — номера по реестру собрания Мусина-Пушкина [215]. Во-вторых, она ссылается на свидетельство Й. Добровского в одном из его писем к Ф. Дуриху. По ее мнению, чешский славист якобы писал в этом письме, что все рукописи в собрании Мусина-Пушкина в 1792 г. распределялись по алфавиту «от А — Ц» [216].

На это можно заметить следующее. Остается недоказанным утверждение, что номера на рукописях Мусина-Пушкина, приведенные Сербиновичем,— это номера по реестру собрания графа. Более вероятно полагать, что упоминаемые Г. Н. Моисеевой номера относились к реестрам, по которым рукописи числились по каталогам соответствующих хранилищ учреждений церковного ведомства. Что же касается свидетельства Й. Добровского, то оно представляется не совсем ясным. «Я видел,— писал чешский славист,— две рукописные книги в Петербурге у графа Алексея Мусина-Пушкина с таким заглавием: Технология, состоящая из вопросов и ответов, в которой последовательность разделов или глав распределяется в алфавитном порядке от А — Ц...» [217]. Как видим, в письме идет речь о порядке расположения глав в одной из его рукописей, имевшейся в двух книгах (томах?), а не о порядке распределения рукопи-



Изображение святых Владимира, Бориса и Глеба, а также образец почерка, скопированные для А. Н. Оленина до 1812 г. из утраченного пергаменного сборника 1414 г., хранившегося в собрании А. И. Мусина-Пушкина

сей в собрании Мусина-Пушкина. Аналогичную рукопись (погибшую в московском пожаре 1812 г.) подарил в 1811 г. ОИДР московский коллекционер Матрунин. В приемном каталоге она значилась как «Технология рукописная, в 8°» [218].

Необходимо подчеркнуть, что в конце XVIII — начале XIX в. реестры частных собраний составлялись обычно либо после смерти собирателей как часть описи их имущества, подлежащего наследованию, продаже и т. д., либо при жизни коллекционеров, решивших продать, подарить или каким-либо иным способом распорядиться собранными материалами. В период дворцовых переворотов XVIII в. описания составлялись при конфискации архивов и библиотек лиц, причастных к борьбе дворянских группировок. Из 42 каталогов частных собраний конца XVIII — начала XIX в., сведениями о которых мы располагаем, 2 — созданы при описи имущества умерших владельцев (Евгения Булгара и костромского архимандрита Питирима), 27 — при продаже и дарении собраний владельцами в МАКИД, ОИДР, Н. П. Румянцеву, Ф. А. Толстому, Московскому университету и др. (Ф. Г. Баузе, С. Ф. Карташова, И. Н. Болтина, П. П. Бекетова, Н. И. Матрунина, П. А. Алексеева, С. Г. Саларева, И. Ф. Ферапонтова, П. В. Головина, А. Ф. Малиновского, Н. Н. Бантыш-Каменского и др.), и 13 — при жизни собирателей в коммерческих целях или как часть изданных каталогов библиотек (П. П. Свиньина, А. И. Сулакадзева, Д. П. Бутурлина, М. П. Голицына, А. Г. Головина и др.).

Следует отметить, что в 1807 г. Мусин-Пушкин в проекте прошения на имя Александра I предлагал передать свое собрание в МАКИД по «приложенному реестру». Тот факт, что передача не произошла, заставляет предположить, что каталога собрания Мусина-Пушкина не существовало или работа над его подготовкой началась около 1807 г. В этой связи важно отметить, что Карамзин в своем труде в ссылках на рукописи государственных и частных собраний всегда приводил номера, под которыми эти рукописи числились по соответствующим каталогам (если последние имелись, как, например, в собрании Толстого[219]). Выше мы отмечали, что лишь однажды, в ссылке на «Летопись Засецкого», хранившуюся у Мусина-Пушкина, Карамзин привел номер этой рукописи. К сожалению, поступив в отдел рукописей Петербургской Публичной библиотеки во второй половине XIX в., рукопись была заново переплетена и в настоящее время не только не имеет номера, под которым ее знал Карамзин, но и какого-либо указания на ее связь с загадочным Засецким (возможно, А. А. Засецким, автором сочинения по истории Вологды).

Карамзин же оставил нам свидетельство (дошедшее со слов Калайдовича в записи Погодина), которое также говорит о том, что собрание Мусина-Пушкина не имело каталога. Граф, которого в Москве часто навещал Карамзин, «показывал только известные рукописи; все прочие *валялись* у него в двух огромных залах: инде виднелся пергамент и т. д. Он всегда отзывался, что, *разобрав,* покажет их (курсив мой.— *В. К.*)»[220]. Таким образом, в настоящее время у нас нет твердых данных, позволяющих определенно говорить, что собрание Мусина-Пушкина имело реестр хотя бы учетно-регистрационного характера, номера которого могли быть перенесены на рукописи, равно, впрочем, как и утверждать обратное. В том, что это так, убеждает анализ номеров на сохранившихся рукописях из собрания Мусина-Пушкина.

Прежде всего заметим, что далеко не все ныне известные рукописи Мусина-Пушкина имеют номера. Их нет на Лаврентьевской летописи, елагинских рукописях «Опыта», юридическом сборнике XIV в. (исключая, разумеется, номера, под которыми они значатся в соответствующих хранилищах в настоящее время). На других рукописях, происходящих из собрания, встречаются номера двух типов: ярлычный (на корешках переплетов) и внутрирукописный. Каждый из них представлен несколькими видами. Сразу же отметим, что подавляющее большинство видов номеров совершенно определенно идентифицируются с номерами, которые рукописи получали в процессе своего бытования уже в XIX в. Однако имеются два вида номеров ярлычного типа, которые обращают на себя внимание. Первый вид — ярлык из белой бумаги на корешке переплета с надписью почерком XVIII—XIX вв. (ГИМ, Чертк., № 382 — «Риторика. MS. №»; ГИМ, Чертк., № 359 — «Приемы циркуля и линейки. MS. № 3132»;). Второй вид — ярлык из желтоватой бумаги, рукописные номера которого повторяют номера первого вида.

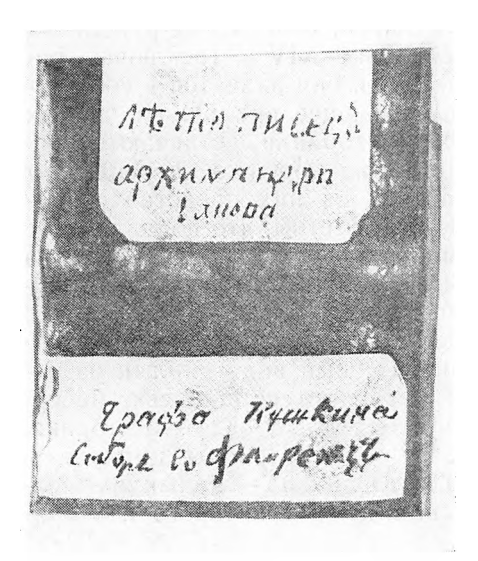
В настоящее время мы не можем определенно заключить, к реестру какого собрания относятся эти номера. В равной мере предположительно их можно отнести и к реестру собрания Мусина-Пушкина, и к реестру библиотеки его отца — сенатора И. Я. Мусина-Пушкина, и к реестру библиотеки его потомков. Однако обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, номера рассмотренных видов имеются только на

№ 14.

Повѣсти временъ и лѣтъ отъ Ноя и отъ его сыновъ, Како раздѣлиша землю, и отъкого сталась Руская земля.

Графа Мусина Пушкина

Лист сохранившейся рукописи так называемой Летописи Кривоборского из собрания А. И. Мусина-Пушкина, на котором читаются заголовок рукописи, данный Н. М. Карамзиным, владельческая запись графа В. А. Мусина-Пушкина и «№ 14», под которым рукопись числилась по реестру 1838 г. Археографической комиссии



Корешок сохранившейся рукописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина, содержащей Холмогорскую летопись, с записями на бумажных ярлыках: «Лѣтописецъ архимандри[та] Їакова» и «Графа Пушкина[.] Соборъ во Флоренц[ии]»

двух рукописях. На остальных сохранившихся рукописях мы встречаем просто записи об их принадлежности Мусину-Пушкину, без каких-либо номеров (ГИМ, Чертк., № 115а — «Графа М.-Пушкина»; № 115б — «Графа Пушкина»; № 358 — «Графа Пушкина. Собор во Флоренции»). Во-вторых, рассмотренные виды номеров имеются на двух рукописях, происходящих из биб-

лиотеки И. Я. Мусина-Пушкина. Все это дает, кажется, основание полагать, с известной оговоркой, что указанные номера — номера по реестру не собрания А. И. Мусина-Пушкина, а библиотеки его отца. В ином случае ярлычные номера двух рассмотренных видов должны были бы иметься на всех сохранившихся рукописях из собрания А. И. Мусина-Пушкина.

Приведенные факты, которыми в настоящее время ограничиваются наши знания о составе, путях комплектования, судьбе части собрания Мусина-Пушкина, позволяют на более широком фоне рассмотреть и вопрос о приобретении графом одного из уникальных памятников своей коллекции — «Слова о полку Игореве».

Литература об истории приобретения Мусиным-Пушкиным сборника со «Словом» в настоящее время насчитывает сотни названий, различным образом трактуя несколько версий поступления древнерусской поэмы в коллекцию Мусина-Пушкина. Три из них принадлежат современникам графа.

Первая версия, относящаяся, очевидно, к началу XIX в., содержится на экземпляре издания «Слова о полку Игореве» 1800 г., принадлежавшем Евгению Болховитинову. Рукой владельца здесь записано, что граф приобрел поэму «в числе многих старых книг и бумаг у Ивана Глазунова, все за 500 р., а Глазунов после какого-то старичка за 200 р.» Исследователи единодушны в оценке достоверности этой версии, полагая, что она основана на слухах, сопровождавших выход в свет первого издания памятника, представляет собой искаженную версию приобретения крекшинских бумаг от Сопикова и не может рассматриваться как соответствующая хотя бы в какой-то степени действительности[221].

Вторая версия принадлежит Н. А. Полевому и относится к 1833 г. Говоря о цитате в Апостоле 1307 г., сходной с одним из мест «Слова о полку Игореве», Полевой сослался на Евгения Болховитинова, который, по его словам, полагал, что Апостол взят в Синодальную библиотеку из Пантелеймонова монастыря во Пскове. Далее Полевой продолжал: «Не отсюда ли достался и графу А. И. Мусину-Пушкину сборник, в котором нашел он «Слово о полку Игореве?»»[222]. Как видим, версия Полевого — это всего-навсего предположение, высказанное не в виде утверждения, а вопроса и к тому же относящееся к позднейшему времени. Каких-либо допол-

нительных соображений на этот счет Полевой не высказывал и позже. Поэтому исследователи и эту версию также не принимают всерьез.

Третья версия принадлежит Карамзину. В 1797 г. он сообщил, что древнерусская поэма найдена в «наших архивах», а в 1801 г. уточнил, что она обнаружена «в одной монастырской архиве». Л. А. Дмитриев и другие исследователи справедливо видят в свидетельстве Карамзина отголосок версии, восходящей к Мусину-Пушкину, и придают ему большое значение [223].

Однако известная в настоящее время версия самого Мусина-Пушкина о приобретении памятника звучит несколько иначе. В письме к Калайдовичу 31 декабря 1813 г. граф сообщал следующее: «До обращения Спасо-Ярославского монастыря в архиерейский дом управлял оным архимандрит Иоиль, муж с просвещением и любитель словесности; по уничтожении штата остался он в том монастыре на обещании до смерти своей. В последние годы находился он в недостатке, а по тому случаю комиссионер мой купил у него все русские книги, в числе коих, в одной под № 323, под названием хронограф, в конце найдено „Слово о полку Игореве"» [224]. Собственно говоря, в то время это была достаточно исчерпывающая информация: исключая болтинские и крекшинско-деденевские материалы, мы не знаем таких подробностей ни об одном из других приобретений Мусина-Пушкина. Вероятно, ею и можно было ограничиться, если бы, с одной стороны, она давала ответы на вопросы, связанные с бытованием рукописи до Иоиля Быковского, а с другой — исключала проявление того «комплекса неполноценности», который в определенной степени присутствует у исследователей в связи с гипотезой о возможном авторстве «Слова» Иоиля Быковского.

Не вдаваясь подробно в историографию вопроса, разбору которой посвящена наша специальная работа [225], отметим, что в настоящее время все точки зрения на показание Мусина-Пушкина можно свести к двум. Одни исследователи (Е. В. Барсов, О. В. Творогов, Л. А. Дмитриев) признают возможным наличие сборника со «Словом» в Спасо-Ярославском монастыре в числе поступивших сюда рукописей упраздненного в июле 1787 г. Ростовского архиерейского дома, исключая Иоиля Быковского как владельца «Слова» или ничего не говоря о нем. Другие (Ф. Я. Прийма, Г. Н. Моисеева,

А. В. Соловьев) полагают, что сборник со «Словом» находился в библиотеке Спасо-Ярославского монастыря или библиотеке его архимандрита, от которого непосредственно или через кого-то (например, через Арсения Верещагина) и попал к графу. Единодушие наблюдается, однако, в одном: сборник со «Словом» своим происхождением связан с каким-то хранилищем церковного ведомства.

Соответственно этим двум точкам зрения на происхождение памятника существуют и два мнения о свидетельстве Мусина-Пушкина. Одни исследователи склонны видеть в показании графа фальсифицированную версию и ищут ее причину в стремлении Мусина-Пушкина «замести следы» изъятия им поэмы из какого-то хранилища церковного ведомства. Другие рассматривают версию графа как достоверную, сосредоточивая свое внимание лишь на выяснении деталей приобретения «Слова», не указанных графом, например, времени и обстоятельств открытия памятника.

Причина сомнений в версии Мусина-Пушкина одна: если сборник со «Словом» был изъят графом из хранилища церковного ведомства, то у него были все основания, особенно после утраты собрания в 1812 г. (когда, как мы могли убедиться, поднялась волна общественного осуждения его как коллекционера), представить приобретение памятника законным во всех отношениях. К такому заключению подталкивала и гипотеза об изъятии Мусиным-Пушкиным из библиотеки Новгородского Софийского собора Лаврентьевской летописи. Действительно, в настоящее время очевидно, что Лаврентьевская летопись была изъята Мусиным-Пушкиным в 1792 г. Передавая ее в 1811 г. Александру I и развивая версию словаря Евгения Болховитинова о приобретении летописи из крекшинских бумаг, граф сознательно вводил в заблуждение даже императора, ибо трудно представить, чтобы он запамятовал обстоятельства попадания в его собрание такого уникального памятника. Естественно, что с еще большей свободой Мусин-Пушкин мог фальсифицировать историю приобретения «Слова» — ведь он сообщал об этом малоизвестному ему отставному подпоручику Калайдовичу. Сомнение в версии Мусина-Пушкина о приобретении им сборника со «Словом», как видим, имеет под собой основание.

Но если это так, то становится проблематичной вообще традиционная связь бытования древнерусской поэ-

мы с Ярославлем. Однако в последние годы «ярославская версия» получила серьезное подтверждение. Е. М. Караваева, А. В. Соловьев, Г. Н. Моисеева обнаружили по описям Спасо-Ярославского монастыря настоящую детективную историю об исчезновении в 1788 г. одного из хранившихся там хронографов, который они сочли тем самым, который входил в сборник со «Словом» [226].

Эта гипотеза имеет под собой основания, особенно если учесть, что она хорошо «стыкуется» с тем, что изъятие хронографа в 1788 г. из Спасо-Ярославского монастыря близко к первому упоминанию о «Слове», относящемуся ко времени 1788—1790 гг. Как справедливо отметил Л. А. Дмитриев, она наиболее полно соответствует известным в настоящее время фактам [227]. И вместе с тем она не дает сколько-нибудь обоснованных ответов на ряд вопросов.

Прежде всего остается недоказанной связь исчезнувшего «за ветхостию и согнитием» хронографа Спасо-Ярославского монастыря с хронографом, входившим в состав сборника со «Словом». Г. Н. Моисеева, наиболее тщательно разработавшая эту гипотезу, не смогла привести сколько-нибудь убедительных доводов в пользу того, что еще в середине XVIII в. В. Крашенинников использовал из этого сборника «Слово» в своем «Описании земноводного круга» [228]. По мнению Л. А. Дмитриева, отсутствие у В. Крашенинникова упоминаний поэмы говорит о том, что в том «Большом рукописном Гранографе», о котором пишет Г. Н. Моисеева, «Слова» не было [229].

Важным представляется и следующее. Если следовать гипотезе Г. Н. Моисеевой, остается необъяснимым тот факт, что в изученных ею описях Спасо-Ярославского монастыря загадочный хронограф в разное время числился под № 67, 285, 286 [230]. Между тем в письме к Калайдовичу Мусин-Пушкин определенно указывал, что сборник со «Словом» в *момент покупки* имел № 323, тогда как в первом издании поэмы говорилось, что под этим номером он хранился в собрании графа [231].

Как объяснить это противоречие? Была ли здесь случайная ошибка первых издателей «Слова» или позже простая описка графа? Если № 323 сборника со «Словом» являлся номером, под которым памятник хранился в коллекции Мусина-Пушкина, то последняя

должна была иметь собственный реестр. Выше мы показали, что для такого заключения у нас нет твердых оснований. Можно предположить, что в 1813 г. вынужденный как-то реабилитировать себя в общественном мнении, Мусин-Пушкин, отмечая, что № 323 стоял на сборнике со «Словом» уже в момент его приобретения, тем самым намекал, что этот номер либо по каталогу библиотеки И. Быковского, либо по каталогу того хранилища, из которого «Слово» попало к Быковскому. Одновременно это могло быть и демонстративным предложением современникам и потомкам проверить наличие рукописи с таким номером по каталогам церковных хранилищ, присланным во исполнение указа 1791 г. Естественно, что в них не было описания рукописи под таким номером.

С другой стороны, известно, что на книгах библиотеки Быковского, представляющих ее печатную часть, были не номера, а владельческие записи и монограммы «ИБ». В. В. Лукьянов, выявивший в ярославских хранилищах 85 книг библиотеки Быковского, с основанием полагает, что аналогичные записи и монограммы должны были стоять и на рукописной части его библиотеки[232]. Действительно, в библиотеках XVIII — начала XIX в. книги и рукописи, как правило, не только хранились, но и описывались вместе; если бы такая опись имелась у Быковского, записи и монограммы должны были стоять не только на книгах, но и на рукописях. Следовательно, № 323 — это не номер, под которым сборник со «Словом» хранился по каталогу библиотеки Быковского.

Таким образом, важно отметить, что у нас нет в настоящее время твердых оснований соотнести № 323 на сборнике со «Словом» ни с описью Мусина-Пушкина, ни с реестром библиотеки Спасо-Ярославского монастыря, ни с каталогом библиотеки И. Быковского (Е. В. Барсов, обратив внимание на номер сборника со «Словом», определенно связывал этот номер с «монастырской библиотекой»). А это означает, что остается правомерной постановка вопроса, откуда мог поступить сборник со «Словом» к Мусину-Пушкину.

Если исходить из того, что сборник со «Словом» значился под № 323 в каталоге какого-то иного хранилища, то ясно, что оно было довольно крупным, с числом рукописей и книг свыше 300 номеров.

Поиски такого хранилища заставляют нас вспомнить давнюю гипотезу Барсова. Барсов, первым серьезно изучивший источники по истории приобретения сборника со «Словом», полагал, что он действительно мог поступить к Мусину-Пушкину от Быковского, к которому, в свою очередь, попал из библиотеки Ростовского архиерейского дома [233]. В 1786—1788 гг. в связи с его упразднением библиотека (или ее часть) была перевезена в Ярославль. Выше мы приводили свидетельство Титова о том, что она долгое время находилась в неупорядоченном состоянии, что создавало возможности для изъятия из нее рукописей.

Барсов своей гипотезой удачно соединил версию Мусина-Пушкина о приобретении древнерусской поэмы у Быковского и свидетельство С. А. Селивановского. Последний сообщал Калайдовичу, что он «видел в рукописи Песнь Игореву. Она написана точно в книге, как сказано в предисловии, и белорусским письмом, не так древним, похожим на почерк Дмитрия Ростовского» [234]. Барсов полагал, что Селивановский ориентировался на большую часть сборника со «Словом», переписанную, по его мнению, Дмитрием Ростовским. Однако определение почерка Дмитрия Ростовского даже для специалиста представляло трудность и вряд ли удалось бы даже такому образованному человеку, каким был для своего времени Селивановский. Если же признать верным свидетельство типографщика, то в таком случае он должен был иметь какие-то основания определенно упомянуть именно Дмитрия Ростовского. Это могло быть только в случае, если на сборнике находилось указание либо на его *принадлежность Дмитрию Ростовскому* (т. е. он был подписан или каким-то иным способом заверен им), либо *на принадлежность библиотеке Ростовского архиерейского дома.*

Представляется, что к гипотезе Барсова имеют определенное отношение разыскания Е. В. Синицыной, тщательно изучившей сохранившиеся описи Ростовского архиерейского дома 1691, 1743, 1765 и 1790 гг. В описи 1691 г. среди книг в «большой коробье» значились «Летописец Московского государства», «Книга Степенная российских государей» и «Три книги гронографы в десть». Описи 1743 и 1765 гг. среди письменных книг в «десть» называют «Гранографов шесть». Опись 1790 г. по-прежнему отмечает наличие «Гранографов шесть». Однако на ее полях имеется приписка: «1800 годе одно-

го еще не явилось, на лицо — два» — и далее по подчищенному: «три отданы по приказанию покойного преосвященного синодальному обер-прокурору его превосходительству Мусину-Пушкину, а одного не явилось».

Е. В. Синицына полагает, что в описях 1743 и 1765 гг. «гранографами» названы все пять рукописей, проходивших по описи 1691 г. под разными названиями, и добавлена еще одна рукопись — хронограф, поступивший в библиотеку между 1691—1743 гг. Такое предположение имеет под собой основание: известно, что в 1792 г. по описи рукописей, представленных для просмотра Мусину-Пушкину, значились всего пять хронографов и Степенная книга. Три хронографа и Степенная книга, как отмечали мы выше, были изъяты Мусиным-Пушкиным в 1792 г. Четвертый хронограф исчез. Как показала Е. В. Синицына, из библиотеки Ростовского архиерейского дома исчезло еще несколько рукописей. В описи 1743 г. в ней значились «Евангелие толковое воскресное» в лист, «Изъяснение о начале и причине раскола двух церквей Восточной и Западной» в лист, «Книга, в которой написано 16 слов Григория Богослова», «Пролог с марта месяца по июнь месяц» и ряд других рукописей. Но если эти рукописи могли исчезнуть из библиотеки между 1743 и 1790 гг. (часть их оказалась, например, «у эконома»: «Диология, сиречь разглаголство», «Номоканон» и др.), то о других мы вправе говорить как об изъятых позже. Так, в описи 1790 г. еще значилась рукопись в лист («Апокалепсис в лицах»), напротив упоминания о которой записано: «Из описи исключена, значится в убылой книге». Аналогичная запись в описи 1790 г. имеется и о рукописи в лист «Утешение духовное о следовании Иисусу Христу». В той же описи числилась «История о Флоренском сообщении». Она также исчезла, хотя в 1807 г. взамен ее в библиотеку поступило печатное издание этого произведения [235].

Таким образом, гипотеза Барсова сохраняет и в настоящее время свое значение. Ростовский архиерейский дом — Спасо-Ярославский монастырь — библиотека Быковского — собрание Мусина-Пушкина — таков мог быть путь сборника со «Словом».

Но если эта цепочка в настоящее время видится в виде гипотезы, то, бесспорно, можно дать ответ на еще один, ранее дискутировавшийся вопрос, связанный со временем поступления поэмы к Мусину-Пушкину, кото-

Черновой автограф листа «Опыта повествования о России» И. П. Елагина с его вставкой о «Слове о полку Игореве». Публикуется впервые

Л. 1472. 151.

Царствование Иоанна III.

76

Лист первого писарского списка «Опыта повествования о России» И. П. Елагина с отредактированным им текстом о «Слове о полку Игореве». Публикуется впервые

рый одновременно, на наш взгляд, косвенно подтверждает и гипотезу Барсова. Речь идет о до этого неизвестной елагинской цитате из «Слова» в «Опыте повествования о России».

Она находится в месте, может быть, неожиданном, но вписывающемся в общую патриотическую концепцию труда Елагина. В седьмой части «Опыта», рассказав о событиях 1472 г. в Новгороде, Елагин пространно изложил свою оценку влияния на Русское государство ордынского ига. Часть этого рассуждения имеет прямое отношение к теме нашей работы. Она дошла в трех списках: черновом авторском (А)[236], писарском с правкой автора (Б)[237] и окончательном писарском с правкой автора (В)[238]. Ввиду важности текста он публикуется здесь по всем спискам с максимальным сохранением правописания в цитате из «Слова о полку Игореве». В основу положен наиболее завершенный авторский текст (список В).

«Здесь прилично почитаю коснутся истиннаго[1*] показания внешнимъ писателямъ, которыя и сами верятъ и въ светъ выдаютъ[2*], якобы Россия вовся[3*] времена[4*] подобно дикому народу, во мраке невеждества пребывала. Толь не праведное понятие получили они отъ прерваннаго[5*] татарами сообщения нашего с Европою, ибо[6*] много показать можемъ свидетельствъ, что за несколько предъ[7*] нашествиемъ Батыя[8*] вековъ[9*], еще при самых первыхъ[10*] еще[11*] Киевскихъ и новогородскихъ князьяхъ, художествами[12*] и самыми науками отъ просвещения протчихъ

[1*] Исправлено Елагиным вместо: *истинного* (как в Б).

[2*] В Б эти 16 слов написаны вместо зачеркнутого и читающегося в А: *Мы не имеемъ нималейшия притчины думать, ниже замечиному внешними писателями порицанию верить.*

[3*] В Б это и следующее слово написаны вместо зачеркнутого и читающегося в А: *всегда.*

[4*] В А слово отсутствует.

[5*] Исправлено Елагиным из: *прерванного* (как в Б).

[6*] В А начало предложения отсутствует, в Б написано между строк и на полях.

[7*] В А далее: *симъ.*

[8*] В Б два слова написаны над зачеркнутым: *симъ.*

[9*] В Б далее: *еще.*

[10*] Слово написано над строкой.

[11*] В А слово отсутствует, в Б написано над строкой.

[12*] Исправлено Елагиным вместо: *художестваеали.*

§ VI.

л. 1472. царствованіе Іоанна III.

Здѣсь прилично почитаю коснутся) извѣстно показанія внѣшним писателямъ, которыя и сами вѣрять и въ свѣтъ выдаютъ, якобы россія вовся времена подобно дикому народу, во мракѣ невѣжества пребывала. Толь неправедное понятіе почерпли они отъ прерваннаго татарами сообщенія нашего съ Европою: ибо многое показать можемъ свидѣтельствъ, что знатнолюбно предъ нашествіемъ батыевымъ, еще при первыхъ еще Кіевскимъ и новогородскимъ князьямъ, художествами, и самыми науками, отъ просвѣщенія прочихъ она неотставала. Оставшіяся) до нынѣ вещи, въ древнихъ градахъ нашихъ, великолѣпія въ зданіяхъ храмовъ; въ нихъ зодчества и живописи греческой, и мозаичныхъ украшеній остатки, изъ всякаго сумнѣнія долженствуютъ насъ въ разсужденіи художествъ вывести: а прекрасныя преложенія) въ первыхъ по-

возпріятіи христіанства въ насъ, церковныхъ книгъ, и всего божественнаго писанія, на языкъ словенскій, достаточно и знаніе словенскихъ наукъ утверждаютъ. Мы можемъ притомъ показать сохраненное отъ древности похвальное слово (е) Игорю Олговичу, въ его время, то есть въ началѣ XII вѣка писанное, и не сумнѣнное потому что сказано въ немъ: "почнемъ братіе повѣсть сію, отъ стараго владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своимъ мужествомъ". Слово сіе преисполнено всевозможныя риторскія красоты. Притомъ и свидѣтельствахъ и самъ несторъ, порядочнымъ своимъ другого народа повѣствованіемъ, доказываетъ, что онъ и не первый, и не худшій греческихъ ... писатель былъ: и столько подробный,

Г. тат: кн: 2 лис: 219.
(е) Смотри примѣч: №
древняя рукопись книгохранителя г-на Пушкина.

Листы второго писарского списка «Опыта повествования о России» И. П. Елагина с незначительными его редакторскими поправками.

она не отставала. Оставшияся отъ едкия ветхости[13*], въ древнихъ градахъ нашихъ[14*] велелепия въ зданияхъ храмовъ, въ них зодчества и живописи греческой, и мозаичныхъ украшений остатки, изъ всякаго[15*] сумнения долженствуютъ ихъ[16*], въ разсуждении художествъ вывести[17*], а прекрасныя преложения, въ первыхъ по возприятии христианства векахъ[18*], церковныхъ книгъ, и всего божественнаго[19*] писания, на языкъ словянский[20*], достаточно и знание словесныхъ наукъ утверждаютъ[21*]. Мы можемъ[22*] притомъ показать сохраненное отъ древности[23*] похвальное слово (c)[24*] Игорю[25*] Олговичу[26*], въ его время, то есть въ начале XII века писанное[27*], и[28*] не сумненное потому, что сказано въ немъ[29*] «почнемъ[30*] братіе повесть[31*] сію, отъ стараго[32*] Владиміра[33*] до ны-

---

[13] В А три последних слова написаны красными чернилами над строкой.

[14*] В А далее два слова замазаны чернилами.

[15*] Исправлено Елагиным из: *всякого* (как в А и Б).

[16*] В Б два последних слова написаны над зачеркнутым: *насъ* (как в А).

[17*] В Б слово написано над зачеркнутым: *выводять* (как в А).

[18*] В А шесть слов написаны над строкой красными чернилами.

[19*] Исправлено писцом В вместо: *божественного* (как в А и Б).

[20*] В А слово написано красными чернилами вместо зачеркнутого: *российский.*

[21*] В А все последующее предложение написано красными чернилами в конце страницы и на полях.

[22*] В А: *Можемъ мы*; в Б эти два слова переставлены правкой.

[23*] В Б далее зачеркнуто: *прекрасное* (как в А).

[24*] Справа на полях: (*с*). *Смотри примеч*[*ание*] *№ . Древнея рукопись Книгохранительн*[*ицы*] *г-на Пушкина.* В Б:(+) *Смотри примеч*[*ание*] *№ . Древнея* (далее зачеркнуто: *ско*[*рописная*] (? — *В. К.*) *рукопись книгохранительн*[*ицы*] *г-на Пушкина.* В А (красными чернилами на полях): *(+) Смотри примеч*[*ание*] *№ . Из Кн*[*иго*]*хр*[*анительницы*] (*Кн*[*иги*] *хр*[*онограф*])? — *В. К.*) *господ*[*ина*] *Пушкина. MS древний.*

[25*] Слово зачеркнуто и сверху вновь восстановлено.

[26*] В Б *Олговичу* написано над зачеркнутым: *Святославичу, внуку Олгову* (как в А).

[27*] В Б пять последних слов написаны над зачеркнутым: *лета ог рож*[*дества*] *Хрис*[*това*], далее оставлен пропуск и следует зачеркнутое слово: *писанное.* В А читается зачеркнутое в Б.

[28*] В А слово отсутствует, в Б вставлено Елагиным.

[29*] В А далее одно слово (возможно: *отъ*) замазано.

[30*] В А, возможно, написано: *Почне* (если не принять за выносную букву «м» неясный значок между строк).

[31*] В А: *Повѣсть.*

[32*] В А и Б: *старого.*

[33*] Исправлено писцом В из: *Владимера* (как в А и Б).

нешняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостію[34*] своею, и поостри[35*] сердца[36*] своимъ мужествомъ!» Слово сие преизполнено все-можныя[37*] риторския красоты[38*]. При таких свидетельствахъ[39*] и сам Несторъ, порядочнымъ своимъ о русскомъ народе повествованиемъ, доказываетъ, что онъ[40*] и не первый, и не худший[41*] греческихъ, у насъ писатель былъ...»

Как видим, в черновом авторском списке (А) упоминание о «Слове» отсутствовало. Затем Елагин включил в него красными чернилами текст о поэме. Переписчик списка Б учел эту вставку. Текст о «Слове» по списку Б был вновь поправлен автором, что учтено переписчиком списка В. При чтении списка В Елагин внес новую незначительную правку.

В своем предварительном сообщении об этой цитате мы датировали время ее внесения Елагиным в список А между январем 1788 и сентябрем 1793 г., а также предположительно более узким хронологическим отрезком — между апрелем 1792 и маем 1793 г.[239]

В самом деле, поскольку текст о «Слове» в список А был внесен красными чернилами, а правка красными чернилами идет по всей седьмой части этого списка «Опыта», ясно, что елагинская цитата из поэмы появилась после завершения работы над этой частью, т. е., как показано в первой главе, после января 1788 г. Такова первая крайняя дата вставки о «Слове» в «Опыт». Вторая крайняя дата вставки ограничивается временем смерти Елагина, которая последовала 22 сентября 1793 г.

В своем предварительном сообщении о елагинской цитате из «Слова» мы попытались уточнить датировку вставки. Отправной точкой наших рассуждений являлось то, что в описании правления Игоря Ольговича, а также в описании похода Игоря Святославича на половцев в той части «Опыта», которая была закончена Елагиным 1 января 1792 г., упоминание о «Слове»

34* Исправлено писцом В из: *крепостію* (как в А и Б).

35* В А: *поѡстри.*

36* Исправлено из: *серца* (как в А и Б).

37* В Б: *всеможныя.*

38* Все предложение отсутствует в А и вставлено в Б между строк и на полях.

39* Три слова отсутствуют в А и вставлены в Б между строк и на полях.

40* В А слово вставлено над строкой красными чернилами.

41* В А далее зачеркнуто: *у насъ.*

отсутствовало. Более того, в начале описания похода 1185 г. на полях в рукописи «Опыта» имеется чья-то запись карандашом: «Походъ Игоревъ, воспѣтый подражателемъ Бояну. Зри сію поэму»[240]. На основании этого мы предположили, что к началу 1792 г. Елагин еще не знал о «Слове» и вставка красными чернилами о поэме в списке А относится ко времени не ранее 1792 г. Имелась и еще одна немаловажная деталь. В рукописи «Опыта» красными же чернилами сделаны различные вставки, в том числе и ссылки на издание Правды Русской, вышедшее в свет в апреле 1792 г. Отсюда последовало заключение, что правка красными чернилами была внесена в «Опыт» после апреля 1792 г.

Кроме того, исходя из предположения, что исправление «Святославича» на «Олговича» в «Опыте» было сделано под влиянием «Родословника» (см. об этом подробнее в третьей главе), вышедшего до мая 1793 г., мы заключили, что и правильное чтение «Святославича» (вставки списка А, а вместе с этим и сама вставка) существовало до мая 1793 г. Таким образом была определена в нашем предварительном сообщении предположительно датировка елагинской вставки о «Слове».

Наша предположительная датировка исходила из представления об одновременности доработки Елагиным своего труда в самые последние годы жизни. Она вызвала возражения Г. Н. Моисеевой, которая на основании хронологии работы Елагина над частями своего «Опыта» цитату из «Слова о полку Игореве» отнесла ко времени 1788—1789 гг.[241] В. А. Кучкин, также обратившийся к рукописи А «Опыта», исходя из упоминания в ней событий во Франции, ссылки на вышедшую в свет шестую часть Никоновской летописи и указания на должность графа (церемониймейстер), пришел к выводу, что елагинская цитата из «Слова» появилась после лета 1789 г.— до июля 1791 г.[242]

Действительно, повторное знакомство со списками «Опыта», особенно списками А и Б, показало ошибочность наших рассуждений и невнимательное отношение к ряду внешних признаков рукописей, а также их содержанию. Во-первых, списки А и Б написаны на бумаге с одинаковыми филигранями, в то время как список В и последующие части «Опыта» написаны на бумаге с иными водяными знаками. Это говорит о том, что списки А и Б по времени создания близки друг к другу, а, значит, вставка красными чернилами в спи-

Фрагмент рассказа И. П. Елагина в «Опыте повествования о России» о походе Игоря Святославича в 1185 г., напротив которого помещен карандашный маргиналий неизвестного автора: «Походъ Игоревъ, восп ѣтый подражателемъ Бояну. Зри сію поэму».
Публикуется впервые

сок А о «Слове» могла быть сделана незадолго до окончания работы над списком Б, в котором она уже учтена. Во-вторых, списки А и Б имеют еще первоначальную нумерацию частей и книг «Опыта». Это значит, что они созданы до изменения замысла Елагина начать свое повествование с библейских времен, т. е. до мая 1790 г. Если бы список Б, уже включивший текст о «Слове», вставленный красными чернилами в список А, был изготовлен после мая 1790 г., он неизбежно должен был учесть изменение нумерации частей и книг «Опыта». Получается, что елагинская вставка о «Слове» была внесена в список А между январем 1788 — маем 1790 г. Однако практически, очевидно, она могла быть сделана между январем 1788 — мартом 1789 г. (время завершения работы над третьей (восьмой) частью «Опыта»). Весьма показательно, что именно над третьей (восьмой частью Елагин работал необычно долго: с 7 января 1788 по 24 марта 1789 г. Это могло быть связано именно с доработкой им предшествующих

двух первых частей своего сочинения (ставших позже седьмой частью) — их дополнением, сверкой копий и т. д. Не случайно Елагин признавался, что «неоконченное сочинение... отъемлет у сочинителя удовольствие выправлять погрешности, могущие не иначе чем, как токмо последственным продолжением открыться...» [243]

Приведенная цитата из «Слова о полку Игореве» — первое из всех известных упоминаний поэмы, а ее текст — наиболее ранний. В самом деле, в литературе первым упоминанием «Слова» считалась статья П. А. Плавильщикова, опубликованная в февральском номере журнала «Зритель» за 1792 г. В ней, в частности, сообщалось: «Древность истории нашей, грамоты мира и заключения союзов доказывают неоспоримо, что у нас были писанные законы, ученость имела свою степень возвышения и даже во дни Ярослава, сына Владимирова, были стихотворные поэмы в честь ему и детям его. Хотя варварское нашествие татар, поработя Россию, разрушило все, существуют еще сии драгоценные остатки и поныне в книгохранилищах охотников до редкостей древности отечественной, и, может быть, Россия вскоре их увидит: есть еще любители своего отечества, которые не щадят ничего, дабы собрать сии сокровища... было письмо, следовательно, было и просвещение, но свойство душ оставалось одно и то же» [244]. Это достаточно неопределенное свидетельство, скорее, имело в виду в первую очередь Правду Русскую, изданную кружком в апреле 1792 г. Тем не менее оно удивительно созвучно рассуждениям Елагина и об ордынском иге, прервавшем поступательное развитие русского исторического процесса, и о постоянстве национального характера, и о патриотическом значении собирания древностей безымянными «любителями», коллекции которых названы «книгохранительницами» (как у Елагина библиотека Мусина-Пушкина [245]).

Таким образом, теперь мы можем твердо сказать, что уже в 1788—1790 гг. древнерусская поэма находилась в «книгохранительнице» Мусина-Пушкина и стала известна Елагину. И здесь важно подчеркнуть, что время поступления памятника в коллекцию графа очень близко по времени с упразднением Ростовского архиерейского дома в 1786—1788 гг. А это означает, что версия о возможности поступления «Слова» (с учетом всех высказанных выше соображений) из Ростова имеет не меньше оснований, чем «ярославская гипотеза».

Нам остается осветить еще вопрос, связанный с судьбой собрания Мусина-Пушкина в начале XIX в. до его утраты в 1812 г.

Среди русской общественности конца XVIII — начала XIX в. получили широкую популярность идеи централизации разысканий древностей и концентрации их хранения в целях лучшего использования и общедоступности. В сфере общественного внимания при обсуждении этих идей неизменно находилось и собрание Мусина-Пушкина. С одной стороны, коллекцию графа предлагалось сделать основой национального музея — с таким предложением выступил, например, журнал «Русский вестник»[246]. С другой стороны, не раз звучали призывы к самому Мусину-Пушкину сделать общедоступной свою коллекцию. Так, в 1802 г. неизвестный автор в журнале «Корифей» писал: «Мы не можем довольно отдать хвалы столь блистательным трудам сего достопочтенного мужа (Мусина-Пушкина.— *В. К.*), ни довольно засвидетельствовать признательность за такие его добропорядочные попечения об истории своего Отечества. Остается желать, чтоб библиотека его, первая в своем роде относительно наших древностей и собранная великим соучастием покойной государыни, открыла свои сокровища для употребления любителей»[247].

Выше мы привели текст «первого проекта» прошения (1807 г.) Мусина-Пушкина на имя Александра I о передаче его собрания в МАКИД. Подлинные причины, по которым коллекция так и не была передана в архив, нам не известны. Был ли второй проект прошения, было ли оно вообще подано и если да, то почему передача в МАКИД не состоялась или оказалась заблокированной? Это тем более странно, что какую-то часть собранных вещественных древностей Мусин-Пушкин передал в 1809 г. в Оружейную палату, другие хранилища[248], а в 1811 г. представил императору в качестве добровольного пожертвования своеобразную «визитную карточку» своей рукописной коллекции — Лаврентьевскую летопись. Приведенные выше слова Карамзина в письме Муравьеву об «утверждении» намерения графа и о «способствовании» этому намерению, кажется, можно рассматривать как осторожный намек на колебания Мусина-Пушкина в окончательном решении с передачей собрания в МАКИД.

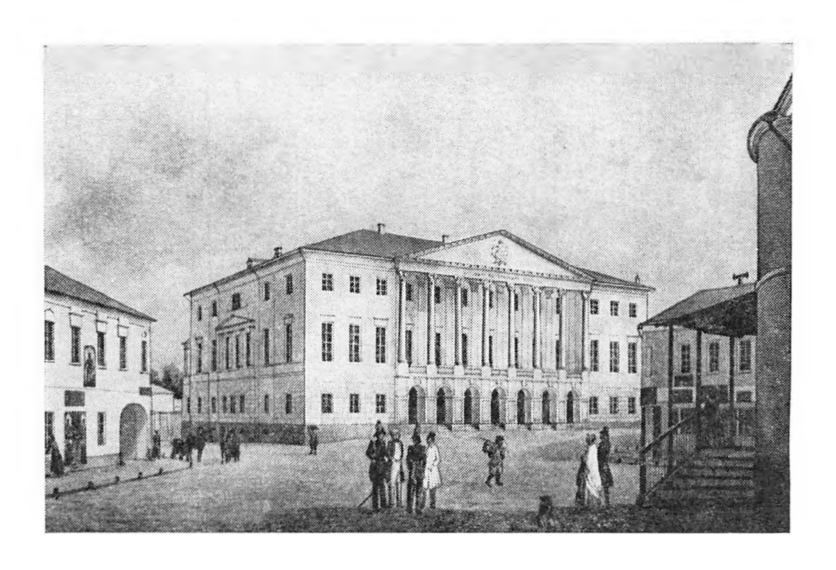
Сейчас, когда имеющиеся факты не позволяют высказать какие-либо твердые соображения, можно рас-

суждать только на уровне предположений. Одно из них сводится к следующему. Как уже отмечалось, в начале XIX в. Мусин-Пушкин принадлежал к числу тех, кто был недоволен внутренней и внешней политикой правительства Александра I, став одним из участников оппозиционного «тверского салона» великой княгини Екатерины Павловны. В глазах участников «тверского салона» пожертвование собрания в МАКИД могло рассматриваться как неверный политический шаг, принижающий значение тех патриотических побуждений, которыми руководствовался его владелец при создании своей коллекции. В этих условиях Мусин-Пушкин вполне мог решить переждать до лучших времен с передачей собрания в МАКИД.

От современников графа до нас не дошли какие-либо подробности об утрате собрания в 1812 г. Факт утраты стал принадлежностью устного предания, не найдя подробного освещения в письменных источниках. Енгалычев подтверждал Погодину в 1844 г. «ту жалкую всеми принятую истину, что действительно все книги... во время нашествия французов сгорели вместе с домом его (Мусина-Пушкина.— *В. К.*), состоявшем [в] Басманной части на Разгуляе, который по смерти его продан наследниками правительству и употреблен теперь для второй московской гимназии» [249].

Спустя 90 лет после утраты собрания внучка Мусина-Пушкина княгиня С. В. Мещерская на основе семейного предания в своих воспоминаних рассказала подробности гибели коллекции. По ее словам, Мусин-Пушкин еще накануне вторжения наполеоновских войск в Россию, предвидя войну, «из предосторожности» все свои коллекции замуровал в подвальные кладовые. После оставления Москвы кто-то из дворовых графа указал остановившимся в доме французам на тайник. «Стена была пробита и все разграблено, а после окончательно погибло в пожаре» [250].

В настоящее время мы располагаем рядом ранее неизвестных документов, позволяющих уточнить и дополнить воспоминания Мещерской и подробнее представить случившуюся трагедию. Они обнаружены в упоминавшемся «Борисоглебском архиве» Мусиных-Пушкиных. Что же это за документы? Письмо графа из Москвы от 25 марта 1812 г. к среднему сыну, И. А. Мусину-Пушкину, свидетельствует о том, что его пока больше волнуют внутриполитические проблемы страны,



Московский дом А. И. Мусина-Пушкина на Разгуляе в 30—40-е годы XIX в., где находились его библиотека и рукописное собрание

и прежде всего отставка и ссылка М. М. Сперанского. «О Сперанском,— пишет он,— узнали здесь от приезже[го], накануне почты. Крайне жаль мне государя, что он такими шельмами был окружен, сколько ему беспокойства!» [251]. Второе письмо тому же сыну от 7 июня в общем рассказывает о хлопотах графа по хозяйству: строительстве в подмосковном имении Валуеве, ценах на муку, сборах в традиционную поездку в ярославское имение Иломну, пребывании в Петербурге жены, Е. А. Мусиной-Пушкиной, отъезде в Кисловодск на лечение сыновей Александра и Владимира. Впрочем, нотки беспокойства, пожалуй, впервые прорываются здесь. «Кажется, война по приготовлениям неизбежна»,— делился граф своими мнениями с сыном [252].

Еще до начала военных действий Мусин-Пушкин уже находился в Иломне, поручив вести дела в московском доме на Разгуляе своему управляющему Т. Шепягину. 7 июля находившемуся в Петербурге сыну он писал: «Нетерпеливо жду будущей почты и крайне прошу не пропускать почт и уведомлять, ибо всякой шаг французов и наш теперь крайне важен...» [253] 15 июля старшему сыну Александру он сообщает в Кисловодск: «Скоро будет генеральная баталия», а спустя чуть бо-

Опись имущества, вывезенного из московского дома А. И. Мусина-Пушкина в Иломну накануне вступления французов в Москву. Публикуется впервые

лее месяца благословляет его на вступление в Московское ополчение [254].

С этого времени письма графа становятся все более тревожными. 15 августа он пишет Александру, что в Ярославле «слухи, будто французы пробираются к Чернигову», а 22 августа сообщает Ивану: «Из Москвы все выезжают. По здешнему ополчению хлопот нет числа. Одна теперь надежда на к[нязя] Кутузова: не переменятся ли обстоятельства по приезде его в армию, чего теперь с нетерпением ожидаем» [255]. Незадолго до Бородинского сражения, Мусин-Пушкин отправил в Москву из Иломны 32 лошади, чтобы, по его словам, вывезти оттуда «что есть полутче для сохранения

здесь»[256]. 22 августа обоз с имуществом графа отбыл из Москвы в Иломну. Сохранилась опись этого имущества: «сундук серебро столовое из горки», «сундук с образами из церкви», «сундук серебро с горки», «ящик с шубами», «сундук серебро столовое», «сундук от Дарьи Яковлевны», «ящик с образами и графский ларец», «графский железный сундук», «шкапик с медалями», «сундук княгинин», «ящик из буфету с мелким серебром» и еще один «сундук от Дарьи Яковлевны». Общий вес отправленных вещей составлял свыше 180 пуд., т. е. почти 3 тонны[257].

К началу сентября перечисленное имущество уже находилось в Иломне. Но тревога за оставшееся в московском доме не проходила. Жена графа 2 сентября сообщала сыну Ивану: «Мы большую часть своего имущества теряем в доме московском, не успели ничево кроме серебра перевести. Картины и библиотека, вся бронза, все осталось»[258]. 9 сентября граф уже знал об оставлении Москвы. С нескрываемой тревогой он писал А. З. Хитрово: «Несчастие, последовавшее с Москвою, надеюсь теперь и Вам уже известно. Теперь оттуда ни сюда к нам, ни к Вам не будет уже почты. Не знаю, останемся ли мы здесь спокойны, но сомневаюсь по принятым от правительства мерам. Что со всеми нами последует — одному богу известно. Лучшие вещи из московского дому сюда перевезены, но не знаю, что здесь с оными последует, а особливо тогда, ежели нужно мне будет здешнее место оставить»[259].

К середине сентября в Иломне уже стало известно о случившемся в доме на Разгуляе. Во всяком случае, 16 сентября Е. А. Мусина-Пушкина сообщала сыну Ивану: «Мы из дому московскова получили только серебро и вещи 4 сундука... протчее все погибло...»[260] 19 октября, уже после того как французы покинули город, Мусин-Пушкин посылал своего доверенного человека в Москву, чтобы он, «не мешкая, донес мне об обстоятельствах, в каких он Москву и дом мой найдет», и писал управляющему Шепягину: «Бумаги, какие тобою сбережены от злодейского расхищения, привези сюда. Крайне досадно мне, что ты не предпринял мер для сбережения книг и бумаг моих. Ежели Ивану Петрову оные были неизвестные, то тебе стыдно не знать, что для меня было нужно и чем я всегда дорожил»[261].

10 ноября, зная, очевидно, о подробностях гибели своей коллекции и состоянии, в каком находилось мо-

Ноября 10 дня: 1812. Иломна

Тимофей Шепягинъ.

Непонятно мнѣ твое поведенія и странно
потому, что я отъ тебя того неожидалъ.
1) Непринялъ ты ни малѣйшаго участія
в отправлении ко мнѣ не токмо имуще-
ства, ниже бумагъ моихъ и книгъ.
2) вовремя пожара и грабежа неумелъ
ничего нужнаго мнѣ сохранить, а паче
всего книгъ и бумагъ моихъ, кои тебѣ
больше всякаго должны быть извѣстны.
3.) по сіе время хотя давно уже уѣхали
въ Москву почта, неимѣю я отъ тебя
ни малѣйшаго донесенія, кото-
рое мнѣ пообстоятельствамъ нужно.
4) Послалъ ты съ пьяницею Поваромъ
Маркеломъ, таковымъ каковъ самъ
письма, которые хотя и доставлены

Начало письма А. И. Мусина-Пушкина к управляющему его московским домом Тимофею Шепягину от 10 ноября 1812 г. из Иломны с выговором за недостаточно энергичные действия по спасению библиотеки и рукописного собрания в 1812 г.
Публикуется впервые

сковское хозяйство, граф вновь повторил свое неудовольство управляющим: «Тимофей Шепягин! Непонятно мне твое поведение и странно потому, что я от тебя того не ожидал: 1) не принял ты ни малейшего участия в отправлении ко мне не токмо имущества, ниже бумаг моих и книг; 2) во время пожара и грабежа не умел ничего нужного мне сохранить, а паче всего книг и бумаг моих, кои тебе больше всякого должны быть известны... 5) с какого резону и по какому позволению распоряжался ты моим домом и отдал погреб в наймы, разве для того, чтоб пьяницы и грабители в доме моем имели пристанище. Чтобы того же дня, как сие полу-

чишь, высланы были все не принадлежащие мне люди и сволочи»[262].

Приведенные свидетельства говорят о том, что Мусин-Пушкин, предвидя войну с Наполеоном, и в мыслях не мог допустить, что французы, пусть ненадолго, обоснуются в Москве. Не случайно семья графа покинула летом 1812 г. столицу, исходя из личных обстоятельств и планов. В настоящее время трудно сказать, были ли перенесены и замурованы «в подвальные кладовые» картины, библиотека и рукописная коллекция графа, как вспоминала позже княгиня Мещерская[263]. Скорее всего, нет, ибо, как мы знаем теперь, только 22 августа было принято решение о вывозе из Москвы имущества графа, которое управляющему Шепягину представлялось наиболее ценным. Возможно, только тогда по распоряжению Шепягина библиотека и коллекция действительно были перенесены в подвальные кладовые в надежде если не на их сохранение, то на скорый вывоз.

Пожар и грабеж не пощадили дома на Разгуляе, хотя Е. А. Мусина-Пушкина и после этого какое-то время надеялась на лучший исход. «Попытайтесь воздействовать на совесть людей,— писала она сыну Александру,— и разобрать развалины дома... я надеюсь, что можно найти остатки библиотеки моего мужа, как и другие предметы». Как свидетельствует черновик прошения, поданного Шепягиным в московскую полицию, дом «и в нем домовая церковь, в коей, а равно и в доме, всякое господское имущество, кладовая и подвал с виноградными винами разграблены...»[264]. Правда, упрек графа своему управляющему Шепягину в том, что он не принял надлежащих мер к сохранению дома и имущества, очевидно, не во всем был справедлив. Кое-что Шепягину удалось спасти. Об этом говорят два сохранившихся документа. Первый — «Опись крепостям, записям с дел за скрепою, копиям и прочим документам, привезенным из московского дома», которая составлена в декабре 1813 г. Опись включает 278 номеров имущественно-хозяйственных документов родового архива Мусиных-Пушкиных[265]. Второй — «Русских книг собрание, привезенных после грабительства из Москвы». Перечень этих книг, составленный Е. А. Мусиной-Пушкиной, содержит 66 номеров. Большинство приведенных названий трудно поддается идентификации, но ясно, что все они были печатные и сохранили

следы пожара и грабежа. В их числе «Древняя Российская вивлиофика» Н. И. Новикова, «Устав священнослужения», второй том «без начала» одного из изданий «Тысячи и одной ночи», «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова и т. д.[266]

Весьма вероятно, что указанный перечень включил не все сохранившиеся книги графа. На эту мысль наталкивает письмо московского купца В. Губкина к Мусину-Пушкину от апреля 1814 г. В нем Губкин писал: «Угодно было Вашему сиятельству собственность свою, состоявшую из книг, вверить для продажи оной мне, что исполнилось...» Что это были за книги, сказать в настоящее время невозможно. Из дальнейшего следует, что Губкин продал книги московскому купцу О. Свешникову[267]. Сохранился фрагмент документа, озаглавленного «Опись книгам» (печатным), с указанием их количества и цены, который, возможно, имеет отношение к этому факту[268]. Необходимо также учесть, что какая-то часть книг и рукописей коллекции находилась в Иломне и должна была сохраниться.

Коллекцию Мусина-Пушкина правомерно рассматривать не как личное достояние увлеченного библиофила. Это было национальное сокровище, что хорошо понимали уже современники графа. Важно подчеркнуть, что коллекция стала основой многих ученых упражнений кружка.

[1] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793. Т. 1. С. 28, 29.

[2] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. 1. С. 130, 131. Г. Н. Моисеева приписывает Мусину-Пушкину так называемый «План предполагавшегося издания русской истории» (вслед за его изданием в «Чтениях ОИДР» (1847. № 2. С. 30—32)). В этом сочинении, относящемся к началу XIX в., неизвестный автор говорил о том, что он, стремясь обогатить источниковую базу по отечественной истории, собирал «все древние наши летописи и все русские сочинения», на их основе задумав составить «Таблицы российской хронологии». Однако можно с уверенностью сказать, что «План» принадлежит не Мусину-Пушкину. Во-первых, его автор сетует на встретившиеся ему препятствия в получении доступа к материалам Оружейной палаты, МАКИД, Синодальной библиотеки, монастырских библиотек. Как увидим ниже, граф не имел никаких оснований сетовать на этот счет, поскольку именно он имел к документам названных хранилищ широкий доступ. Во-вторых, автор «Плана» обращался к Александру I, прося его «подкрепить дух мой в изъясненных мною намерениях», в том числе «весьма незначущим при начале от казны иждивением». Совершенно очевидно, что общественное и материальное положение Мусина-Пушкина исключало

необходимость подобной просьбы. Ср.: *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 23.

[3] [*Калайдович К. Ф.*] Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 21/22. С. 76—91.

[4] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Ед. Хр. 768. Л. 25 об.

[5] Там же. Л. 26 об.

[6] Русская старина. 1904. Кн. 9. С. 645, 646.

[7] Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 21/22. С. 99, 100.

[8] Цит. по: *Лепехин М. П.* Об одном неосуществленном замысле Тимофея Мальгина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1980 год. Л., 1984. С. 54, 55.

[9] ОР ГПБ. Погод. 2009/2. Л. 366.

[10] Правила на составление повеленного временного ополчения для изгнания врагов из Отечества // Вестник Европы. 1813. Ч. 72. № 21/22. С. 138—140.

[11] Ослушание Петербургского ополчения // Там же. С. 142—144.

[12] *Мусин-Пушкин А. А.* Речь Флавиана, патриарха Антиохийского, к греческому императору Феодосию просительная о помиловании города Антиохии. М., 1813. В предисловии помещена биография А. А. Мусина-Пушкина, написанная Д. Н. Бантыш-Каменским.

[13] *Калайдович К. Ф.* Записки для биографии... С. 90, 91; *Он же.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. II. С. 19, 20.

[14] *Мусин-Пушкин А. А.* Указ. соч. С. II, III.

[15] Цит. по: *Старчевский А.* Н. М. Карамзин. СПб., 1849. С. 197.

[16] Еще в начале XX в. в «Борисоглебском архиве» Мусиных-Пушкиных хранилось «рукописное жизнеописание гр[афа] А[лексея] И[вановича] с собственноручными поправками» (ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 25. Л. 1). К сожалению, наши разыскания этого «жизнеописания» не принесли положительных результатов.

[17] *Забелин И. Е.* Письма и записки от разных лиц к гр. Д. И. Хвостову // Библиографические записки. 1859. Т. 2. С. 238.

[18] ГБЛ. Ф. 203. Д. 239.

[19] ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363, 363 об.

[20] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 192.

[21] *Калайдович К. Ф.* Записки для биографии... С. 85; *Он же.* Биографические сведения... С. 45.

[22] *Болтин И. Н.* Критические примечания... Т. 1. С. 251, 252.

[23] Духовная великаго князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1792. С. II.

[24] *Кимура С., Накамура Е.* Изучение древнерусской литературы в Японии // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 585.

[25] Цит. по: *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 95. В работах Г. Н. Моисеевой имеется предположение о якобы широком знакомстве Добровского с коллекцией Мусина-Пушкина, в том числе уже в 1792 г. со «Словом о полку Игореве». На недоказанность такого предположения нами уже обращалось внимание (см.: *Козлов В. П.* Некоторые вопросы истории древнерусской поэмы в XVIII в. // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 175). В дополнение к ранее высказанным соображениям отметим, что все так называемые «выписки Добровского» о коллекции Мусина-Пушкина,

приведенные Г. Н. Моисеевой, относятся к XIX в. и имеют своим источником «Примечания» к «Истории государства Российского» Карамзина. В переписке Добровского с Ф. Дурихом (1792—1794 гг.), его выписках и других материалах в подавляющем большинстве случаев упоминаются рукописи, присланные в Синод по указу 1791 г. Высказанное Г. Н. Моисеевой соображение о «честолюбивом» коллекционере Мусине-Пушкине, познакомившем иностранца со своим собранием, плохо стыкуется со стремлением графа к обеспечению в деле открытия и издания древнерусских памятников личного и национального приоритета. Совсем недавно Г. Н. Моисеева выдвинула дополнительные аргументы в пользу своего предположения о знакомстве Добровского уже в 1792 г. со «Словом о полку Игореве» (см.: *Моисеева Г. Н.* Чешский славист Йозеф Добровский и «Слово о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 98—105). Она провела текстологическое сопоставление отрывка поэмы, посланного Добровским в 1812 г. С. Бандтке, с соответствующими местами первого издания и екатерининской копии памятника. Совпадение орфографических норм этого отрывка то с екатерининской копией, то с первым изданием «Слова» Г. Н. Моисеева объясняет только тем, что Добровский привел его по собственной копии, изготовленной в 1792 г. Между тем, такие совпадения (так же как и расхождения) можно объяснить самыми различными причинами. Например, собственным осмыслением Добровским текста памятника, ставшего известным ему по первому изданию. Даже из примеров, приведенных Г. Н. Моисеевой, видно, что Добровский в своей выписке исключал знак твердости после согласных, безусловно имевшийся в рукописи поэмы, что подрывает значение его отрывка.

[26] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 25. Л. 1.

[27] ГБЛ. Ф. 211. Карт. 3619. Д. 111. П. 1. Л. 59 об.

[28] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 11.

[29] *Козлов В. П.* К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки ОР ГБЛ. М., 1980. Вып. 41. С. 4—29.

[30] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984. С. 90—93.

[31] *Филипповский Г. Ю.* Дневник Арсения Верещагина: (К истории рукописи «Слова о полку Игореве») // Вестник МГУ. Филология. 1973. № 1. С. 84.

[32] *Караваева Е. М.* Хронограф Спасо-Ярославского монастыря в описи 1788 года // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 82—83.

[33] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 84—97.

[34] *Титов А. А.* Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда // Чтения ОИДР. М., 1882. Кн. 1. Отд. V. С. 63. Как записал в 1790 г. в своем дневнике Арсений Верещагин, «старопечатных и письменных книг, хранимых по описи, имеющейся в [Ростовской] консистории, 1549; из них похищено неизвестными воровскими людьми в прошлом году 13 декабря 45 книг, о чем и дело есть в консистории» (Цит. по: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 21.

[35] ЦГАДА. Ф. 11. Д. 114 доп. Л. 225—226. Эти копии в настоящее время известны (см.: ГБЛ. Ф. 256. Д. 407). Подробнее см.: *Козлов В. П.* К истории комплектования Румянцевского собрания... С. 26—27 и примеч. 255.

[36] *Корсаков А.* Из бумаг протоиерея Петра Алексеева // Русский архив. 1882. № 2. С. 83.

[37] Там же.
[38] Опыт трудов Вольного Российского собрания при имп. Московском университете. М., 1774. Ч. 1. С. 17—66; 1775. Ч. 2. С. 1—81.
[39] *Корсаков А.* Указ. соч. С. 82.
[40] Там же. С. 86—87.
[41] ГПБ. Ф. 542. Д. 261. П. 10.
[42] [*Дубровский П. П.*] План путешествия по России для собирания древностей // Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 3. С. 609, 610. Этот план мы приписываем Дубровскому условно, поскольку прямых доказательств того, что он разработан им, у нас нет (исключая указание на авторство Дубровского — публикатора плана).
[43] Там же. С. 610—612.
[44] Там же.
[45] Подробно об этом «учено-археологическом путешествии» рассказал Ф. Я. Прийма. См.: *Прийма Ф. Я.* Указ. соч. С. 75—77; см. также: *Формозов А. А.* Страницы истории русской археологии. М., 1986. С. 124, 125.
[46] ГБЛ. Ф. 211. Карт. 3623. Д.2/2. Л. 5 об.
[47] Там же. Л. 4.
[48] Там же. Л. 6.
[49] *Поленов Д. В.* Описание Бороздинского собрания рисунков к его археологическому путешествию по России с гг. Ермолаевым и Ивановым в 1809—1810 гг. // Труды I Археологического съезда в Москве в 1869 г. М., 1871. С. 62—74.
[50] ГБЛ. Ф. 211. Карт. 3623. Д. 2/2. Л. 24 об.
[51] Цит. по: *Тимофеев Л. В.* В кругу друзей и муз. Дом А. Н. Оленина. Л., 1983. С. 74.
[52] ГБЛ. Ф. 211. Карт. 3623. Д. 2/2. Л. 3 об.
[53] Там же. Л. 25.
[54] ГПБ. Ф. 542. Д. 261. П. 10.
[55] Там же. П. 13. Приложение.
[56] *Прийма Ф. Я.* Указ. соч. С. 79—80.
[57] ГБЛ. Ф. 211. Карт. 3619. Д. 111/1. Л. 59 об.
[58] *Прийма Ф. Я.* Указ. соч. С. 78.
[59] *Калайдович К. Ф.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1812. С. 73, 74.
[60] Записки и труды ОИДР. М., 1815. Ч. I. С. L — LI.
[61] [*Голиков И. И.*] Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. М., 1788. Ч. 1. С. XI—XIII.
[62] *Евгений Болховитинов.* Словарь русских светских писателей соотечественников и чужестранцев, писавших о России. М., 1845. Т. 1. С. 317. О том, что данные словаря Евгения Болховитинова первичны в сравнении с работой Калайдовича о Мусине-Пушкине, свидетельствует рукопись словаря, переданная в 1813 г. в ОИДР.
[63] *Евгений Болховитинов.* Словарь... С. 317, 318.
[64] *Калайдович К. Ф.* Записки для биографии... С. 78.
[65] Цит. по: *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 415—416.
[66] Ср.: *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 6, 7.
[67] ГПБ. Ф. 542. Д. 514. Частично опубл.: *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1900. Кн. 14. С. 392.
[68] ЦГАДА. Ф. 1239. Д. 53098.

[69] *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1774. Т. 3. С. 163 и др. Эта копия в настоящее время известна (см.: ОР ГПБ. Эрмитаж. собр. № 405).

[70] ОР ГПБ. F.IV.651/3. Л. 272.

[71] ЦГАДА. Ф. 1239. Д. 53098. Л. 7.

[72] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 12. В 1799 г. по распоряжению Павла I в императорском Кабинете было проведено выявление материалов Крекшина. Надворный советник Л. Зверев сообщал, что обнаружено только одно сочинение Крекшина — «1742 года июня 22-го касательные деяния государя императора Петра Первого и о происходивших в царствование его величества с турками, шведами войны и о прочем» (ЦГАДА. Ф. 1239. Д. 52732. Л. 3). Можно высказать предположение, что именно названное сочинение и было получено Екатериной II от Мусина-Пушкина.

[73] *Дмитриев Л. А.* История открытия... С. 416.

[74] Некоторые подробности о ходе работ Н. М. Карамзина по составлению «Российской истории» // Русская старина. 1900. № 4. С. 138.

[75] *Безсонов П.* Константин Федорович Калайдович: Материалы для жизнеописания // Чтения ОИДР. М., 1862. Кн. 3. Отд. 1. С. 40, 41.

[76] *Щербатов М. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 21, 22.

[77] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1843. Т. 9. Примеч. 354.

[78] Русский архив. 1889. № 5. С. 31, 32.

[79] *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. 2-е изд. М., 1985. С. 67.

[80] *Барсуков Н.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 313.

[81] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 78. Д. 750. Л. 62—62 об.

[82] Там же. Оп. 72. Д. 280. Л. 58 об.

[83] Там же. Ф. 797. Оп. 1. Д. 1522. Л. 14, 14 об.

[84] Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей. СПб., 1906. Т. 11. С. 4.

[85] *Альшиц Д. Н.* Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв.: Описание. М., 1968.

[86] Сочинения имп. Екатерины II... Т. 11. С. 463; [*Григорович Н. И.*] Из бумаг митрополита Новгородского и Санкт-Петербургского Гавриила // Русский архив. 1869. № 10. С. 1624.

[87] Подробнее см.: *Муравьева Л. Л.* Рукописи сочинения по истории России профессоров Московского университета А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева // Археографический ежегодник за 1982 год. М., 1983. С. 121—133.

[88] Там же.

[89] ЦГАДА. Ф. 17. Д. 209.

[90] Там же. Ф. 1239. Д. 52960.

[91] Подробнее см.: *Альшиц Д. Н.* Указ. соч.

[92] *Поленов Д.* О летописях, изданных от Синода. СПб., 1864. С. 1—3; Сочинения имп. Екатерины II... Т. 11. С. 648. Г. Н. Моисеева называет этот указ указом «о назначении Мусина-Пушкина обер-прокурором Синода», в то время как последнее произошло несколько ранее — 26 июля того же года. Ср.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 101; *Благовидов В. Ф.* Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань, 1899. С. 272.

[93] Сочинения имп. Екатерины II... Т. 11. С. 648, 649.

[94] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 72. Д. 280. Л. 1—9.
[95] *Поленов Д.* О летописях, изданных от Синода. С. 32—33.
[96] Там же.
[97] *Дубровский П. П.* Указ. соч. С. 591.
[98] *Поленов Д.* О летописях, изданных от Синода... С. 1—3.
[99] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 72. Д. 280; Оп. 78. Д. 750.
[100] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10.
[101] *Березин-Ширяев Я. Н.* П. Дуров // Библиограф. 1887. № 1. С. 5, 6. О принадлежности тетрадей Сулакадзеву свидетельствует своеобразный «экслибрис» на корешках переплетов многих рукописей его коллекции — «Ма[нускрипт] бу[мажный]».
[102] Подробнее см.: *Сперанский М. Н.* Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев) // Проблемы источниковедения. М., 1956. Вып. 5. С. 62—74; *Смирнов И. П.* О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 200—219.
[103] *Клепиков С. А.* Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959. С. 70. № 751—754.
[104] Соответствует бумаге производства 1798—1800 гг. (Там же. С. 59. № 497).
[105] Соответствует бумаге производства 1791—1807 гг. (Там же. С. 70. № 751).
[106] Там же. С. 52. № 337.
[107] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 45. Л. 1—5; Д. 46. Л. 1—29.
[108] В реестре рукописей Воскресенского Новоиерусалимского монастыря она была описана следующим образом: «№ 15. Книга Кормчая, писанная на коже в Святой горе, в обители Хиландарской, покрыта таусинным бархатом, в полдесть» (ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 29).
[109] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10303. Л. 1—12 об.
[110] *Дмитриев Л. А.* История открытия... С. 426—429.
[111] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10300. Л. 13—14 об. Это был реестр не изъятых, как можно подумать из рассказа Г. Н. Моисеевой, а именно временно взятых на основании указа 1791 г. рукописей из числа присланных в Синод. Однако показательно, что реестр имеет пометы: «–», «+», «NB». Они стоят напротив названий тех рукописей, которые не имели номеров по каталогам хранилищ до их поступления в Синод.

Не является ли это косвенным указанием на то, что Мусин-Пушкин изымал такие рукописи? Пометы можно рассматривать и как результат сверки графом изъятых им рукописей с позднейшим запросом Синода об их возвращении. Ср.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 102, 103.
[112] Известно, что одна из этих рукописей, хронограф с № 55 — из Синодальной библиотеки (ГИМ, Синод. № 486). См. также: *Тихомиров М. Н.* Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 63, 64.
[113] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 111, 111 об.
[114] *Лаврентьев А. В.* Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 323—334.
[115] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 96—97.
[116] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаментных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1911. С. 242.

[117] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 81.

[118] Там же.

[119] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 72. Д. 280. Л. 72, 72 об.

[120] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 160.

[121] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 45. Л. 1.

[122] *Лихачев Д. С.* Археографический комментарий // Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 354; *Дмитриев Л. А.* История открытия... С. 416, 417.

[123] *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 98.

[124] *Болтин И. Н.* Ответ генерал-майора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Российской истории. СПб., 1789. С. 126.

[125] *Болтин И. Н.* Критические примечания... Т. 1. С. 242, 243, 251.

[126] *Бакмейстер И. Г.* Опыт о Библиотеке и Кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской императорской Академии наук... на российский язык переведенной Васильем Костыговым. СПб., 1779. С. 80, 81.

[127] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина... С. 18.

[128] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 103, 103 об.

[129] Там же. Л. 150.

[130] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 78. Д. 750. Л. 62, 62 об..

[131] Записки и труды ОИДР. М., 1815. Ч. I. С. CXLXXIX.

[132] *Кузьмин А. Г.* Рязанское летописание. М., 1965. С. 48.

[133] Там же. С. 49.

[134] Записки и труды ОИДР. Ч. 1. С. CXXIX. Восемь тетрадей «Рязанских достопамятностей» поступили в 1838 г. и в Археографическую комиссию. См.: ЖМНП. 1838. № 8. С. 360.

[135] *Зимин А. А.* Из истории архивного дела в России // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 96, 97.

[136] *Дмитриев Л. А.* История открытия... С. 426.

[137] *Козлов В. П.* Новые материалы о рукописях... С. 92—93.

[138] О копиях хронографа см.: *Козлов В. П.* Об одном хронографе из собрания А. И. Мусина-Пушкина // Летописи и хроники, 1984 г. М., 1984. С. 113, 114.

[139] Выписку из ростовской степенной книги см.: ГБЛ. Ф. 229 (М., 3204). Л. 208—210 об. («Из хранящейся в казенном дому архиерейской Ростовской библиотеке Степенной письменной книги о учиненном российскими архиереями царю Иоанну Васильевичу на четвертый брак разрешения выписано»).

[140] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10303. Л. 13—14.

[141] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева... С. 38. Г. Н. Моисеева пишет, что из этого же монастыря Мусиным-Пушкиным была изъята пергаменная рукопись 1414 г. с «Житием Владимира I», (ныне известна лишь ее копия начала XIX в.). Однако это явное недоразумение, поскольку воскресенская рукопись этого произведения хорошо известна. Ср.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 103; *Щепкина М. В., Протасьева Т. Н.* Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958. С. 24. Подробное описание утраченной пергаменной рукописи с «житием» см.: *Оленин А. Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. СПб., 1806. С. 39—40.

[142] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 28—31 об.

[143] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 78. Д. 750. Л. 63, 63 об.

[144] *Куприянов И.* Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857. С. IX.

[145] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 75—98.

[146] *Корсаков А.* Указ. соч. С. 83, 84.

[147] *Уо Д. К.* К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 184—203; 1977. Т. 32. С. 133—164.

[148] ЦГИА СССР. Ф. 797. Оп. 1. Д. 1522. Л. 14, 14 об.

[149] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 311, 312.

[150] Там же. С. 312.

[151] *Козлова Н. А., Козлов В. П.* Архивные разыскания Н. М. Карамзина // Советские архивы. 1977. № 3. С. 63—67.

[152] Там же.

[153] Выписка из протоколов заседаний Археографической комиссии // ЖМНП. 1838. № 10. С. 158—163.

[154] Отчет имп. Публичной библиотеки за 1867 год. СПб., 1868. С. 56—109.

[155] Там же за 1878 год. СПб., 1879. С. 9—19.

[156] ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 156. Л. 4 об.—5.

[157] ГПБ. F. IV.298.

[158] ЖМНП. 1838. № 10. С. 161.

[159] Там же. С. 162. Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина, № 15.

[159a] Там же. № 18.

[160] ГПБ. Q. I.612.

[161] ЖМНП. 1838. № 5. С. 284, 285.

[162] Там же. № 12. С. 577.

[163] Там же. С. 577—579.

[164] О Чертковской библиотеке в 1866 г. // Русский архив. 1867. № 2. Стб. 314—319.

[165] Они указаны в работе Г. Н. Моисеевой (см.: *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина... С. 19—21). Следует отметить ряд неточностей, допущенных Г. Н. Моисеевой. Во-первых, у нее перепутан порядок перечисления рукописей по описи Чертковской библиотеки (№ 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 названы соответственно 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, а № 13, 14, 15, 16—15, 12, 14, 16). Во-вторых, Г. Н. Моисеева не указывает, что среди переданных в Чертковскую библиотеку рукописей под № 5 значилась «Барона Фоншредера царское сокровище». В-третьих, она пишет, что рукопись под № 3 «Летопись Симона-попа, бывшего на Флорентийском соборе» не сохранилась, хотя известна (ГИМ. Ф. 445. Д. 173). В-четвертых, рукопись под № 9 «Хронограф и в нем русская летопись до 1680 г.» (далее Г. Н. Моисеева опускает, что эта рукопись в описи Чертковского собрания значилась в двух частях) она связывает с рукописью ГИМ, Чертк. № 170, тогда как на самом деле это так называемый «Русский временник» (ГИМ. Чертк. № 115а, 115б). Как установила Г. Н. Моисеева, еще одна рукопись из собрания Мусина-Пушкина оказалась в Чертковской библиотеке вне тех 16, которые были переданы в 1866 г. Это «Риторика» (Там же. № 382). Напомним, что в 1838 г. В. А. Мусин-Пушкин предложил Археографической комиссии 26 рукописей. В это число, возможно, входила и «Риторика». Следовательно, по меньшей мере еще о девяти рукописях из коллекции нам в настоящее время ничего не известно.

[166] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 3. Примеч. 360; Т. 11. При-

меч. 153 («Она теперь у меня»,— пишет здесь Карамзин, имея в виду «Летопись князя Кривоборского»).

[167] ГПБ. F. IV.335.

[168] Там же. F. II.118.

[169] *Тихомиров М. Н.* Указ. соч. С. 22. В сдаточной описи в Чертковскую библиотеку она значилась как «Повести времен и лет до царя Алексея Михайловича». Как установила Г. Н. Моисеева, в ней в сравнении с щербатовской копией утрачена часть текста (см.: *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Мусина-Пушкина... С. 20). Эта утрата, как представляется нам, произошла после 1838 г., так как в описании этой летописи при ее передаче в Археографическую комиссию значилось еще 355 листов. О еще одной возможной рукописи из коллекции Мусина-Пушкина, дошедшей до нас через Карамзина, см. сноску 183.

[170] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 72. Д. 440.

[171] Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1904. Т. 1. С. VII—VIII.

[172] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 16.

[173] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 69.

[174] *Евгений Булгар.* Историческое розыскание о времени крещения Российской великой княгини Ольги/СПб., 1792. С. I, II.

[175] *Мусин-Пушкин А. И.* Письмо от преосвященного Станислава Сестренцевича (ныне митрополита римских церквей в России), архиепископа Могилевского, к преосвященному Евгению, архиепископу Булгарскому и ответ сего святителя о том, что древние сарматы говорили языком славянским // Вестник Европы. 1805. № 9. С. 1—21.

[176] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 17.

[177] Там же. С. 16.

[178] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 1. Примеч. 214, 216, 221, 236; Т. 3. Примеч. 153.

[179] ЦГАДА. Ф. 1239. Д. 53099. Здесь находится копия указа Екатерины II управляющему императорским Кабинетом С. Ф. Стрекалову, в котором сказано: «Степан Федорович! За купленные нами после генерал-майора Болтина разные его сочинения, *в приложенном реестре значущие* (курсив мой.— *В. К.*), повелеваем заплатить жене его вдове Ирине Болтиной десять тысяч рублей». К сожалению, подлинник указа, при котором мог находиться реестр болтинского архива и собрания, чрезвычайно важный для представления о творческом наследии ученого и о том, что поступило к Мусину-Пушкину, нами не обнаружен.

[180] Друг просвещения. 1805. Ч. 3. С. 66, 67; Ср.: *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 17, 18.

[181] *Болтин И. Н.* Критические примечания на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794. С. 11.

[182] *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 44, 45.

[183] Там же. С. 37, 38, 47. Любопытно, что к одной из рукописей, переданных вдовой Н. М. Карамзина в 1838 г. в Археографическую комиссию, было присоединено (л. 98—121) «Послание сорбонских богословов о примирении церкви великия России с церковию Римскою и ответ русских архиереев» (ЖМНП. 1838. № 10. С. 162). Не восходит ли это «Послание» вместе со всей рукописью к коллекции Болтина? В настоящее время рукопись известна: ОР ГПБ. F. IV.334.

[184] Впрочем, в начале XIX в. какие-то материалы Болтина оказались у П. П. Свиньина (об этом см. третью главу настоящей книги).

[185] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 192; *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 18, 45—46. Сведения о елагинском архиве в словаре восходят к свидетельству Мусина-Пушкина, поскольку именно он был рекомендован Н. Н. Бантыш-Каменским в качестве биографа Елагина (ГПБ. Погод. 2009/2. Л. 388). Первое завещание Елагина было конфирмировано в 1787 г., второе, дополнительное,— 4 декабря 1791 г. (ЦГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 58202). Наряду с Мусиным-Пушкиным в числе душеприказчиков Елагина были Болтин, кн. Н. В. Репнин, М. Ф. Кашталинский.

[186] *Елагин И.* Указ. соч. Т. 1. С. 101.

[187] Там же. С. XXIV.

[188] ОР ГПБ. F. IV.34/1. Л. 320, 323, 328, 330.

[189] Там же. F. IV.34/4. Л. 517.

[190] Там же. F. IV.34/6. Л. 402.

[191] *Елагин И.* Указ. соч. С. 220; ОР ГПБ. F. IV.34/5. Л. 167; F. IV.34/6. Л. 663, 763; F. IV.651/5. Л. 182.

[192] Сборник РИО. СПб., 1894. Т. 23. С. 589.

[193] Новые материалы для истории масонства // Русский архив. 1864. Т. 1. С. 98.

[194] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1869. Т. 2. С. 263.

[195] Там же. СПб., 1876. Т. 6. С. 106.

[196] ЦГАДА. Ф. 181. Д. 225/395.

[197] *Алексеев М. П.* Из истории русских рукописных собраний // Неизданные письма иностранных писателей XVIII—XIX вв. М.; Л., 1960. С. 50; Сочинения Державина... Т. 6. С. 663—664.

[198] Сочинения Державина... Т. 6. С. 184.

[199] Цит. по: Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 61.

[200] *Барсов А. А.* Российская грамматика. М., 1981.

[201] Друг просвещения. 1806. Ч. 4. С. 142.

[202] Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности имп. Академии наук. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 1. С. 116.

[203] *Барсов А. А.* Свод бытий российских: (Из рукописей покойного г. профессора Антона Алексеевича Барсова; выписано с точным наблюдением его орфографии) // Московский журнал. 1792. Ч. 7. С. 344—357.

[204] *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского... С. 95.

[205] В марте 1812 г. сын Мусина-Пушкина Владимир записал в своем дневнике о знакомстве с этим сочинением. См.: ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 43.

[206] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—2.

[207] *Каразин В. Н.* Каталог рукописей профессора Ф. Г. Баузе // Чтения ОИДР. 1862. Кн. 2. С. 45—79; *Моисеева Г. Н.* О некоторых перспективах изучения описания «Собрания российских древностей» Ф. Г. Баузе // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983. С. 17—24; *Ундольский В.* Павел Григорьевич Демидов и его славяно-русская библиотека // Чтения ОИДР. М., 1846. Кн. 2. С. 1—29.

[208] *Козлов В. П.* О рукописях П. Я. Актова // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1982. Л., 1984. С. 123, 134.

[209] Записки и труды ОИДР. М., 1815. Ч. 1. С. LXI, LXI—LXIII.

[210] ГБЛ. Ф. 233. Карт. 13. Д. 37.

[211] *Востоков А. Х.* Описание рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842.

[212] Малоосновательным выглядит заключение Г. Н. Моисеевой о числе рукописей собрания Мусина-Пушкина со ссылкой на неясную фразу в одном из писем Й. Добровского, который вне связи с собранием графа упоминал «летописей — 1725, в кожаных переплетах 213 in folio». Ср.: *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского... С. 96; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 102.

[213] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 98. Примеч. 56.

[214] *Козлов В. П.* Об одном хронографе из собрания А. И. Мусина-Пушкина... С. 119, 120.

[215] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 98. Примеч. 56.

[216] Там же. С. 100.

[217] Цит. по: *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского... С. 96.

[218] Записки и труды ОИДР. М., 1815. Ч. 1. С. CLXII.

[219] Как известно, работа К. Ф. Калайдовича и П. М. Строева над описанием библиотеки Ф. А. Толстого началась в 1818 г., т. е. в год выхода первых восьми томов «Истории» Н. М. Карамзина. Весьма показательно, что в этих томах своего труда Карамзин в ссылках на собрание Толстого не приводит номеров рукописей, что вполне естественно. Зато с девятого тома, увидевшего свет в 1821 г., историограф уже указывает номера рукописей по еще даже неопубликованному «Обстоятельному описанию» этой библиотеки. См., напр.: *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 9. Примеч. 526, 648 и др.

[220] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1888. Т. 1. С. 159.

[221] *Дмитриев Л. А.* История открытия... С. 418, 419.

[222] Там же. С. 417.

[223] Там же. С. 411, 412.

[224] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 36.

[225] *Козлов В. П.* Об одном хронографе... С. 115—118.

[226] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 67—98. Здесь же и наиболее полная библиография вопроса.

[227] *Дмитриев Л. А.* К вопросу об открытии рукописи «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1981. № 3. С. 70—72.

[228] *Козлов В. П.* Об одном хронографе... С. 117.

[229] *Дмитриев Л. А.* К вопросу об открытии... С. 70—72. Правда, ниже Л. А. Дмитриев не отрицает полностью возможности нахождения в хронографе Спасо-Ярославского монастыря «Слова о полку Игореве», полагая, что В. Крашенинников мог просто не оценить поэму, с чем нельзя не согласиться.

[230] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф... С. 75, 79, 83.

[231] Любопытно, что это указание появилось в самый последний момент набора текста. См.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 359.

[232] *Лукьянов В. В.* Первый владелец рукописи «Слова о полку Игореве» Иоиль Быковский // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 42.

[233] *Барсов Е. В.* «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., 1887. Т. 1. С. 59—62. Правда, Барсов склонен был не отрицать и версию Н. А. Полевого о приобретении сборника со «Словом» из Псковского Пантелеймонова монастыря.

[234] *Полевой Н.* Любопытные замечания к «Слову о полку Игореве» // Сын отечества. 1839, Т. 8. С. 17. Очевидно, к свидетельству

Селивановского могли восходить и слова Евгения Болховитинова о том, что «Мусин-Пушкин нашел эту поэму при одном старинном белорусского письма хронографе, по уверению его, якобы в конце XIV или начале XV века, а по уверению других очевидцев, не старее XVI века» (*Болховитинов Евгений.* О песнопевце Игореве // Сын отечества. 1821. Ч. LXXII. С. 34—37). Евгений Болховитинов и Селивановский находились долгие годы в тесных дружеских контактах.

[235] Мы получили возможность ознакомиться с интересным дипломным сочинением студентки Ярославского государственного университета (см.: *Синицына Е. В.* Описи рукописных собраний ярославских монастырских библиотек XVII — начала XX веков как исторический источник. Ярославль, 1986), которая, впрочем, придерживается традиционной версии о поступлении сборника со «Словом» из Спасо-Ярославского монастыря.

[236] ОР ГПБ. F. 651/3. С. 206, 207.

[237] Там же. F. 651/4. С. 151.

[238] Там же. F. 34/5. С. 435—437.

[239] *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 27—29.

[240] ОР ГПБ. F. IV.34/3. С. 319.

[241] *Моисеева Г. Н.* О времени ознакомления И. П. Елагина с рукописью «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 170—173.

[242] *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке «Слова о полку Игореве» // Альманах библиофила. М., 1986. Вып. 21. С. 66—68.

[243] ОР ГПБ. F. IV.651/2. Л. 10 об.

[244] Цит. по: *Берков П. Н.* Заметки к истории изучения «Слова о полку Игореве» // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 135, 136.

[245] Г. Н. Моисеева (см.: *Моисеева Г. Н.* О времени ознакомления И. П. Елагина... С. 172), а вслед за ней и В. А. Кучкин (см.: *Кучкин В. А.* Ранние упоминания о Мусин-Пушкинском списке... С. 65, 66) не соглашаются с нами в раскрытии сокращения «Кн. хр.» черневого елагинского списка «Опыта» (списка А). Они полагают, что ее надо читать не «Кн[иго]хр[анительница], а «Кн[ига] Хр[онограф]». Такое прочтение было бы более предпочтительным, если бы не два обстоятельства. В «Опыте» Елагин неоднократно называет собрание Мусина-Пушкина «книгохранительницей». Но самое главное в списке Б «Опыта» именно Елагин на боковом поле рукописи раскрывает свою аббревиатуру: «древнея... рукопись книгохранительн[ицы] г-на Пушкина». В данном случае мы, конечно же, должны больше доверять самому Елагину, нежели собственным заключениям.

[246] Мысль о книгохранилище отечественном // Русский вестник. 1808. Ч. 2. № 4. С. 51—56.

[247] Корифей или ключ литературы. СПб., 1802. Ч. 1. С. 230.

[248] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 512. Л. 3; *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 48.

[249] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина... Кн. 7. С. 313.

[250] *Берков П. Н.* Заметки к истории изучения... С. 133.

[251] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 681. Л. 8.

[252] Там же. Л. 19.

[253] Там же. Л. 25.

[254] Там же. Л. 28.

[255] Там же. Л. 40—41.

[256] Там же. Л. 52.
[257] Там же. Д. 705. Л. 2.
[258] Там же. Л. 16 об.
[259] Там же. Л. 55.
[260] Там же. Л. 20.
[261] Там же. Д. 10472. Л. 2 об.
[262] Там же. Л. 1, 1 об.
[263] Следует заметить, что воспоминания С. В. Мещерской, касающиеся коллекции, имеют ряд фактических неточностей. Она, например, сообщила, что «Слово» и «часть Несторовой летописи» (?!) сохранились у Н. М. Карамзина (вспомним обвинения против Карамзина со стороны Н. А. Енгалычева), что не находит абсолютно никаких подтверждений.
[264] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 540. Л. 65.
[265] Там же. Д. 766.
[266] Там же. Д. 681. Л. 43—46.
[267] Там же. Д. 768. Л. 2.
[268] Там же. Л. 53, 53 об.

Глава третья

«Услужить Отечеству» изданием

Сотрудники Мусина-Пушкина на примере реализации указа 1791 г. могли воочию убедиться в богатстве материалов по русской истории, остававшихся неизвестными широкой общественности в России и за рубежом. Между тем к этому времени в России работа по изданию источников разворачивалась крайне медленно. По распоряжению Екатерины II в 1778 г. рукописи, присланные в Синод, «для пользы общей» было решено скопировать и затем «приступить к печатанию оных таким образом, чтобы самые нужные из них были напечатаны прежде, а потом были бы изданы и прочие». Осуществление такой работы было поручено Синодом справщику Московской синодальной типографии А. Пельскому и секретарю Московской духовной консистории М. Ильинскому под общей редакцией митрополита Платона[1].

В течение последующих 13 лет им удалось подготовить к печати ранее не издававшиеся материалы, в том числе Синодальный список Новгородской первой летописи, Устюжский летописный свод, Типографскую летопись, «Русский временник» и др.[2] (В начале XIX в. по распоряжению Синода большая часть этих источников без каких-либо исправлений была вновь переиздана.) После прекращения издательской деятельности Н. И. Новикова Петербургской Академией наук в течение 1791—1801 гг. издавалось «Продолжение Древней Российской Вивлиофики», материалы для которого готовились в МАКИД. Только в начале XIX в. начинается медленный подъем работы по публикованию источников, который был связан прежде всего с организацией ОИДР, Комиссии печатания государственных грамот и договоров, а также оживление издательских планов обеих академий, становление журнальной археографии в частной периодике.

В этих условиях кружок Мусина-Пушкина в течение более десятилетия оказался одним из лидеров в работе

по изданию источников и исторических сочинений. После назначения графа обер-прокурором Синода и директором Корпуса чужестранных единоверцев кружок получил в свое распоряжение и полиграфическую базу — типографии Синода и Корпуса, где был напечатан ряд трудов сотрудников Мусина-Пушкина.

В 1792 г. кружок выступил с программой публикации источников. В этом году в предисловии к изданию Правды Русской говорилось: «Читатель может судить, количия сокровища откроются для нашей истории, когда все оные книги, доныне уже собранные и впредь ожидаемые, будут любителями российского слова разсмотрены. Касательно до нас, мы не оставим, поелику способности наши и время дозволят, прилагать труды к трудам в разсматривании оных книг, извлекая из-под спуда кроющиися в них и свету неизвестные древности нашей отрывки, дабы тем споспешествовать по мере наших сил высочайшей ее императорского величества воле услужить Отечеству и удовлетворить желанию любителей российского слова»[3]. В 1793 г. Мусин-Пушкин подтвердил планы кружка. «По разным случаям и охоте моей,— писал он,— собрал я не малое количество древних летописей, записок и монет. Из оных в свободное время, выбрав достопамятнейшие, имею намерение издавать их с замечаниями»[4].

Приведенные свидетельства драгоценны для нас как первые после Новикова планы введения источников в общественный оборот с помощью их публикации. Они находились в общем русле патриотических устремлений кружка, ставшего первооткрывателем целого ряда уникальных источников и с их помощью надеявшегося рассказать современникам о национальных обычаях, культуре русского народа, его богатой истории и самобытных чертах национального характера. Необходимо подчеркнуть, что патриотический пафос этих планов нашел свое отражение и в стремлении кружка к обеспечению национального приоритета в издании источников.

Любопытное свидетельство на этот счет оставил сам Мусин-Пушкин. В 1811 г., передавая в Публичную библиотеку Лаврентьевскую летопись, граф писал: «Опасаясь, чтобы находившийся у меня список впоследствии времени не имел равного жребия с так именуемым Кенигсбергским, который даже и *издан иностранцем* (курсив мой.— *В. К.*), я приемлю дерзновение поднести

свой список государю императору»[5]. Видимо, поэтому впоследствии, например, к изданию «Слова о полку Игореве» были привлечены два соотечественника графа — сотрудники МАКИД Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский — и не случайно остался в стороне их коллега И.-Г. Стриттер. Кружок, иначе говоря, следовал традиции М. В. Ломоносова, который, характеризуя в 1764 г. положение дел в академической библиотеке, писал, имея в виду А.-Л. Шлецера, что «допущен в оную человек совсем новой, иностранной, который не дал на себя ни порук, ниже какого обязательства, чтоб ничего не выносить и не издавать где инде...»[6]

Издание Правды Русской, увидевшее свет в апреле 1792 г., явилось первой публикацией кружка. О ходе работы над Правдой Русской сохранилось свидетельство И. П. Елагина. Елагин сообщал, что на этапе, предшествовавшем ее «изданию в печать», он вместе с «любителями отечественной истории» участвовал в «собраниях», в которых происходили «первые замечания и сношения летописцев и слов объяснения» памятника. В кружке названных любителей, писал далее Елагин, «един по отменному знанию русской истории к изданию упрошен был и един трудился» И. Н. Болтин. Его авторитет, по словам Елагина, был настолько велик, что «естьли бы кто хотел из нас в чести сей ему поспорить, погрешил бы противу чести»[7]. Опираясь на это свидетельство Елагина, исследователи основную работу по подготовке публикации Правды Русской неизменно связывают с именем Болтина. Известным в настоящее время источникам это заключение не противоречит.

Более того, нам представляется, что появившееся в предисловии к публикации местоимение «мы» носило демонстративный характер, являлось своего рода намеком на множество «любителей», загоревшихся патриотическим желанием издавать древности, в отличие от Петербургской Академии наук, где этим делом заниматься было некому, или Российской Академии, так и не смогшей в конце XVIII в. реализовать первоначальные замыслы, связанные с публикацией источников. Само же предисловие явно принадлежит перу Болтина. Так, во всяком случае, заставляет думать одно из его мест, перекликающееся с частью «Примечаний» Болтина к исторической драме Екатерины II «Подражание Шакеспиру», увидевшей свет в июне 1792 г.

Примечания к «Подражанию Шакеспиру»

Примечания следующия делал я для собственного моего удовольствия, привыкнув от юности, читая всякую книгу, замечать и выписывать достойные примечания места...[8]

Предисловие к Правде Русской

...при истолковании смысла законов... ничего не писали мы по догадке, но основываясь на выписках, учиненных нами через многие лета в отечественной истории упражняясь, из древних летописей, грамот и других сочинений, в которых разбросанные черты собирая, совокупляли, соображали и с помощью историй и отрывков от древних законов...[9]

Научное и общественно-политическое значение издания Правды Русской было всесторонне показано С. Н. Валком[10]. Эта публикация представляла собой первую серьезную попытку охарактеризовать с помощью обширных комментариев общественно-политический строй Древней Руси, рассказать об институтах, социальном составе, обычаях, нормах жизни древнерусского общества. Она была подготовлена в русле борьбы с теми иностранными «историописателями», которые видели в Древней Руси варварскую страну, выдвигали тезис о заимствовании древнерусского законодательства у других европейских народов. В глазах кружка издание было призвано представить документальные доказательства высокого уровня развития древнерусского общества, его тождества с древнегерманским и древнеримским, показать русский народ исконно свободным, добровольно избравшим «естественное и удобнейшее» монархическое правление, основанное на «коренных законах».

Вместе с тем в археографическом отношении эта публикация, пожалуй, является наиболее спорной среди всех изданий, подготовленных кружком. Издание Правды Русской, как свидетельствует предисловие, своим появлением было обязано указу 1791 г. В предисловии содержался панегирик этому указу. «Итак,— отмечалось здесь,— первоначальная, или паче единственная причина открытия и издания оных законов есть высочайшее оной повеление, без которого все те собранные книги остались бы навсегда погребены в пыли и забвении»[11]. Далее сообщалось, что среди рукописей, присланных по указу 1791 г., издателями были выявлены «в шести разных книгах законы Ярославовы и Влади-

мировы, в один состав соединенные, кои дабы увидеть разность между списками, сводили мы один с другим, а равно и с изданными уже в свет, и нашли один из оных списков, на паргамине писанный, весьма древним почерком, всех прочих полнее, который ныне и издается»[12].

Сомнение в достоверности этого свидетельства возникло спустя почти два десятилетия после издания Правды Русской. Первоначально поводом для него послужило приобретение Мусиным-Пушкиным в январе 1812 г. пергаменного списка Правды Русской, ныне известного как Пушкинского. Рукопись, содержавшая и другие интересные источники, была передана ее новым владельцем незадолго до начала войны с Наполеоном председателю ОИДР П. П. Бекетову. У последнего она и сохранилась от гибели в московском пожаре[13]. В 1813 г. К. Ф. Калайдович, готовя публикацию пергаменного Синодального списка Правды Русской, получил от Бекетова в свое распоряжение и пушкинский список. Его он и счел тем пергаменным списком, о котором говорилось в предисловии к изданию 1792 г. Однако, сравнив тексты издания 1792 г. и Пушкинского списка, ученый обнаружил существенные различия между ними и в конце концов был вынужден заключить, что «издатели имели основанием не сей (Пушкинский.— *В. К.*), но другой список и даже не неизвестно (так!— *В. К.*), почему не приводили из первого вариантов, хотя оный, как известно, в 1792 г. находился в руках графа Мусина-Пушкина»[14].

Калайдовичу, таким образом, не было известно, что Пушкинский список был приобретен графом только в 1812 г. Об этом не знал и С. Н. Валк. Впервые на это обратил внимание А. И. Аксенов, обнаруживший письмо графа к А. Н. Оленину, в котором сообщалось о приобретении[15]. Зато это было хорошо известно, очевидно, Н. М. Карамзину.

Карамзин, имевший в своем распоряжении Пушкинский, Горюшкинский, Карамзинский и пергаменный Синодальный списки Правды Русской, определенно указал, что в основу издания 1792 г. был положен не пергаменный Пушкинский список, а пергаменный Синодальный. Поэтому, сравнивая текст последнего с текстом издания 1792 г. и обнаружив расхождения, историограф дал простор своему критическому раздражению, заключив в конце концов, что в издании 1792 г. «нахо-

дятся неисправности, большею частью умышленные, то есть мнимые поправки»[16]. Таким образом, если Калайдович в конце концов не исключал, что издание 1792 г. воспроизводит неизвестный пергаменный список, то Карамзин определенно указал на издание 1792 г. как на сознательно «исправленное» воспроизведение пергаменного Синодального списка.

Точка зрения Карамзина в той или иной степени была признана в позднейшей историографии. Она получила дальнейшее развитие в исследовании С. Н. Валка, который попытался показать, что издание 1792 г. представляло собой образец «очищенного», или «исправленного» издания. Правда, в отличие от Карамзина в основе этой публикации С. Н. Валк видел не пергаменный Синодальный, а бумажный Воскресенский список Правды Русской[17].

Выводы С. Н. Валка встретили, однако, решительные возражения А. Л. Никитина, который вслед за осторожной оговоркой Калайдовича полагал, что издание 1792 г. точно воспроизводит не дошедший до нас пергаменный список Правды Русской[18]. В ответ на статью А. Л. Никитина С. Н. Валк привел дополнительные соображения в подтверждение своей гипотезы[19]. В свою очередь, точки зрения и С. Н. Валка и А. Л. Никитина оспаривает Г. Н. Моисеева. Она обратила внимание на то, что Елагин, рассказывая о подготовке издания 1792 г., упоминал Устав великого князя Владимира Святославича о церковных судах, который он предлагал своим друзьям включить в публикацию. Этот устав, пишет Г. Н. Моисеева, находится в конце пергаменного сборника XIV в. с Пушкинским списком Правды Русской. Следовательно, полагает она, именно по этому списку и был напечатан с существенными поправками текст Правды Русской. Г. Н. Моисеева, таким образом, не отрицает, что издание 1792 г. является «очищенным», но в отличие от С. Н. Валка в основе его видит не Воскресенский, а пергаменный Пушкинский список, поскольку ей осталась неизвестной статья А. И. Аксенова, из которой следовало, что последний список граф приобрел только в 1812 г.[20]

С. Н. Валк, А. Л. Никитин и Г. Н. Моисеева исходили из текстологического анализа публикации 1792 г., но такой текстологический анализ может быть эффективным только после установления всех или большей части списков, которые могли быть в распоряжении из-

дателей до апреля 1792 г. В самом деле, есть все основания предполагать, что издание 1792 г. могло быть «очищенным» изданием или буквально воспроизводило какой-то один, ныне неизвестный список, но вряд ли можно сомневаться в том, что издатели «для отвода глаз» сообщили о шести имевшихся в их распоряжении списках Правды Русской. Что же это за списки?

Ключом для их распознавания являются реестры рукописей, присланных в Синод по указу 1791 г., о которых мы говорили во второй главе.

В нашем распоряжении имеется, по всей видимости, большая часть реестров рукописей, оказавшихся в распоряжении Мусина-Пушкина. Еще С. Н. Валк по одному из таких реестров установил, что среди этих рукописей был Воскресенский список Правды Русской, позже вновь обнаруженный уже П. М. Строевым[21]. По реестрам без труда выявляются и еще три списка Правды Русской, ставшие известными кружку. Все они были присланы из Синодальной библиотеки и значились как: «№ 82. Кормчая харатейная, на верхней доске подпись: Правила Софейския старыя», «№ 403. Книга, глаголемая Мерило Праведное», «№ 404. Другая такая же»[22]. Кроме того, в собрании Мусина-Пушкина, как мы помним, находилась «Летопись Засецкого», перешедшая затем к Карамзину и ныне известная как Карамзинский список Софийской летописи. Она также включает в свой состав список Правды Русской.

Время поступления в собрание Мусина-Пушкина «Летописи Засецкого» неизвестно, а что касается синодальных списков, то в соответствующем реестре имеется отметка об их получении Синодом только в сентябре—октябре 1792 г.[23] Однако из рапорта секретаря Московской Синодальной конторы М. Ильинского, датированного 12 сентября 1792 г., следует, что синодальные рукописи были лично отобраны Мусиным-Пушкиным «в бытность свою здесь в Москве», т. е. до сентября 1792 г.[24] Более того, знакомство с Правдой Русской по одному из списков Мерила Праведного Мусин-Пушкин показал еще в 1790 г., когда в толковании слова «задница» как «стяжание» или «наследство» сослался на свою выписку «из старинной книги, именуемой Мерило Праведное или собрание древних законов»[25].

Таким образом, предположительно можно говорить о пяти известных в настоящее время списках Правды Русской, которые могли быть в распоряжении издате-

лей при подготовке издания 1792 г. Все они являются списками Пространной редакции памятника. Один из этих списков — из Синодальной Кормчей XIII в.— пергаменный. Нам ничего не известно о шестом списке. Он мог быть включен в какой-то не дошедший реестр, мог значиться в числе глухо описанных рукописей известных реестров. Во всяком случае, такой список — из неизвестной нам летописи — был в распоряжении издателей. Об этом сохранилось свидетельство Елагина в его «Опыте», которое, к сожалению, осталось незамеченным исследователями. Рассказывая о своих источниках, в том числе о летописи «попа Иоанна», Елагин продолжал: «Сей Иоанн, священник Новгородский и паче безъимянная, весьма древнейшая по почерку и языку летопись, доставили нам точный список с сего неоцененного древности русской остатка, который в 1792 году издан тиснением от г. Болтина с надлежащим невразумительного слога объяснением» [26].

Г. Н. Моисеева и М. М. Крбец со ссылкой на свидетельство Й. Добровского говорят о наличии в собрании Мусина-Пушкина списка Правды Русской в рукописи 1414 г. [27] Однако в данном случае мы встречаемся с очевидным недоразумением. Рукопись 1414 г.— это известный мусин-пушкинский сборник с Похвалой великому князю Владимиру. Сохранилась копия части этого сборника [28]. Правды Русской там нет и не было. Сборник был использован еще Карамзиным [29], который не мог бы не отметить наличия в нем Правды Русской. В письме же Добровского, по всей видимости, речь идет о Синодальном списке Правды Русской из пергаменной Кормчей. Кажется Добровский, видевшийся с Мусиным-Пушкиным в 1792 г., определенно указывал, что издание 1792 г. подготовлено по древнему списку. Он, в частности, писал: «Грамоту Судебную издал недавно в третий раз обер-прокурор Синода граф Мусин-Пушкин, который осмотрел каталоги всех монастырей и приказал привезти в Петербург древнейшие рукописи, которые я видел. Однако в них содержится много русских слов, например „голова“, я это сам видел в рукописи, вместо „глава“. Я пошлю тебе это издание...» [30]. В другом письме (1795 г.) Добровский замечал: «„Правда Русская“, „голова“, „борода“ и кое-что в рукописи XIII века было мною увидено у почтенного издателя» [31].

Приведенные Добровским чтения встречаются и в пергаменном Синодальном и в пергаменном Пушкин-

ском списках Правды Русской. Кажется, мы вправе в данном случае отдать предпочтение Синодальному списку, имеющему дату, в отличие от Мусин-Пушкинского, не датированного. Но и здесь это остается только предположением, поскольку позже даже Калайдович датировал Мусин-Пушкинский список концом XIII в., хотя он относится к середине XIV в. Во всяком случае, все это говорит лишь о том, что Добровский в лучшем случае видел какую-то рукопись с Правдой Русской в числе тех материалов, которые были присланы в Синод по указу 1791.

В предисловии к публикации 1792 г. определенно указывалось, что все шесть списков были обнаружены издателями среди рукописей, присланных в Синод по указу 1791 г. Однако в распоряжении кружка уже в это время должен был находиться еще один список Правды Русской, не имеющий какой-либо связи с указом 1791 г. Речь идет об одном из татищевских списков Правды Русской, представляющем ее Краткую редакцию. Во второй главе мы приводили свидетельство о поступлении в собрание Мусина-Пушкина из крекшинского или болтинского собрания по меньшей мере «летописей» с примечаниями В. Н. Татищева. В том, что среди них мог находиться и Татищевский список Правды Русской, убеждает следующий факт.

В 1824 г. в журнале «Сын Отечества» было помещено известие о том, что П. П. Свиньин получил «от одной почтенной особы многие рукописи знаменитого русского историка Болтина, в том числе список Правды Русской с переводом на новый российский язык»[32]. Этот список был передан на рассмотрение барону Г. А. Розенкампфу, который сравнил его со всеми известными к этому времени публикациями Правды Русской (исключая издание В. В. Крестинина) и пришел к заключению, что болтинский список «наиболее сходен с напечатанным в 1-ой части вышеупомянутого Продолжения Российской Вивлиофики, с тою только разницею, что в нем, как и в некоторых других, есть весьма важный пропуск 32-й статьи, найденной в Ростовской летописи; против издания же 1815 года Московского общества истории и древностей и других не достает в списке 20-ти статей, из коих некоторые, например 2-я и 3-я о вирах, составляя главное основание теории уголовного права того времени, существенно необходимы для целости сего памятника. Прочие статьи или разби-

ты или перемешаны, как то часто встречается и в других списках, не говоря уже, что самая надпись: „писа грамоту, рекше тако, по сей грамоте ходите“, якобы, та самая грамота или закон, данный новгородцам от в. к. Ярослава Владимировича в 1017 году, подлежит сомнению...» [33].

Касаясь перевода, приложенного к списку, Розенкампф замечал, что он сделан «не с большим тщанием, равномерно прибавленные к нему объяснения или толкования весьма неудовлетворительны. Все это заимствовано, кажется, из болтинского издания, которое есть, впрочем, один из первоначальных трудов по сей части, а может быть ... рукопись есть и самый список первого опыта сего любителя и испытателя российской древности» [34].

Отзыв Розенкампфа дает ряд важных указаний для представления о не дошедшем до нас «болтинском списке» Правды Русской и ее переводе. Прежде всего, Розанкампф засвидетельствовал, что в списке отсутствовали те 20 статей памятника, которые входили в состав пергаменного Синодального списка, опубликованного в 1815 г. в «Русских достопамятностях» ОИДР. Следовательно, в руках Розенкампфа находился Краткий список Правды Русской. Этот список, как замечал Розенкампф, «наиболее сходен» с публикацией в «Продолжении Древней Российской Вивлиофики», в основе которой лежал текст памятника, подготовленный Татищевым. Однако Розенкампф указал, что в «болтинском списке» отсутствует статья, внесенная Татищевым из Ростовской летописи, что ведет нас к Татищевскому II списку Правды Русской, ныне в подлиннике не сохранившемуся [35]. В этой связи обращает на себя внимание сохранившийся у Карамзина список татищевской Правды Русской [36], обладающий всеми признаками, отмеченными Розенкампфом. Он относится к концу XVIII — началу XIX в. и мог быть копией оригинального татищевского текста, хранившегося в собрании Мусина-Пушкина.

Нашему последнему заключению на первый взгляд противоречат слова Розенкампфа о переводе текста Правды Русской. Однако на самом деле Розенкампф, сравнивая этот перевод с переводом 1792 г., явно подразумевал, что они не совпадают друг с другом. Розенкампф говорит, что последний, «кажется», заимствован из перевода 1792 г., а возможно, является «списком

первого опыта (курсив мой.— *В. К.*)» перевода Болтина. Это дает нам основание заключить, что перед Розенкампфом был всего-навсего татищевский перевод, который он счел за первый опыт болтинского перевода.

Можно ли каким-то образом проверить наше предположение о конкретных списках, находившихся в распоряжении издателей в 1792 г.? Ряд косвенных данных об этих списках имеется в самой публикации 1792 г. Речь идет о восьми текстуальных примечаниях, сделанных издателями. Первое примечание относится к статье «О поклаже». В издании 1792 г. одно из мест этой статьи передано следующим образом: «занежъ ему было годѣ, ялъ и хранилъ». Примечание к этому месту гласит: «В другом списке: занеже ему богодѣялъ и хранилъ» [37]. Первое чтение совпадает с Воскресенским списком, а второе — с Бальзеровским списком [38].

Другое примечание касается формулы «а овесъ сыпати на ротъ» статьи «О накладехъ». Касаясь этой формулы, издатели заметили: «Сыпати — в других списках сути, что тож значит» [39]. Первый вариант точно так же читается в Воскресенском списке. Второе чтение характерно для Карамзинского (т. е. из «Летописи Засецкого»), Бальзеровского списков Правды Русской, а также пергаменного Синодального списка (Синодальный I список) [40].

Следующее примечание характеризует список, положенный в основу издания. Оно отмечает, что в нем в статье «А железного платити 40 кунъ, а мѣчнику 5 кунъ...» далее читалось «детьскии», в то время как в других местах этого же списка — «детескъ» [41]. Чтение «детьскии» встречается в Синодальном списке Правды Русской из Мерила Праведного № 524 (Синодальный III список), Карамзинском, Бальзеровском, Воскресенском списках. Ни в одном из этих же списков, как, впрочем, и во всех ныне известных, чтения «детескъ» вообще не обнаруживается [42].

Касаясь статьи «О задницѣ сиречь о сстаткѣхъ», издатели отметили, что «во всех списках слово *задница* поставлено вместо *сстаток,* а сие только в одном; но то и другое есть одно и тож, сиречь наследие, наследственное имение» [43]. Если исходить из нашего предположения о списках, имевшихся в распоряжении издателей, получается следующая картина: заголовок «О задницѣ» имеется в пергаменном Синодальном, двух синодаль-

ных из Мерил Праведных, Карамзинском списках и в публикации Правды Русской Крестинина. Второй вариант заголовка имеется в Воскресенском и Бальзеровском списках [44].

Еще одно примечание было сделано издателями к выражению «кому пособятъ» статьи «О судебныхъ и о ротныхъ оуроцехъ». Это примечание отмечало, что «в других списках» вместо «пособятъ» читалось «помогутъ» [45]. Первое чтение в выделенных нами списках отсутствует, оно вообще имеется только в одном из ныне известных [46]. Второе чтение имеется в Бальзеровском, I Синодальном, Крестининском и Карамзинском списках [47].

Глава «О холопстве» издания 1792 г. содержала особую статью. Относительно этой статьи издатели сделали следующее примечание: «Сия статья только в одном списке находится, и следует непосредственно под 13-ю статьею последния главы Владимировых законов, а в прочих во всех нет, и для того мы и не причислили ее к главе, а поставили особно» [48]. Эта статья также имелась в ряде выделенных нами списков: Карамзинском (чтение в нем полностью совпадает с текстом, опубликованным в издании 1792 г.), Бальзеровском и Воскресенском [49].

Седьмое примечание относилось к слову «метальникъ» главы «О вирахъ». Оно отмечало, что «по другим спискам» читалось «метельникъ» [50]. Первое чтение имеется в списках Синодальном из Мерила Праведного № 525 (Синодальный II список), Карамзинском, Бальзеровском и Воскресенском, второе — в пергаменном Синодальном I, Синодальном III списках [51].

Восьмое примечание касалось выражения «Иже закупень уведетъ... то господинъ в немъ, но иже и где лезутъ» статьи «О холопе», отмечая, что «в других списках» вместо «лезутъ» читалось «налезутъ» [52]. Последнее чтение обнаруживается во всех выделенных нами списках, исключая Воскресенский, где читается «лезутъ» [53].

Анализ текстуальных примечаний издания Правды Русской 1792 г. позволяет с полной уверенностью заключить, что в распоряжении кружка, как указывал еще С. Н. Валк, находился Воскресенский список. Отталкиваясь от этого, а также учитывая шестое текстуальное примечание, мы должны исключить из числа возможных списков, имевшихся у издателей, списки

Карамзинский и Бальзеровский, поскольку особая статья главы о холопстве, по их свидетельству, содержалась только в одном списке. В то же время анализ текстуальных примечаний не противоречит соображениям о наличии у издателей трех синодальных списков Правды Русской, в том числе пергаменного. Таким образом, текстуальные примечания позволяют нам из пяти первоначально выделенных списков Пространной редакции Правды Русской оставить четыре — три синодальных и Воскресенский. Два остальных списка, имевшиеся в распоряжении издателей (в том числе в летописи), ныне не известны. Именно в них читалось «занеже ему богодѣялъ и хранилъ», «сути», «детескъ» наряду с «детьскии», «пособятъ».

Ниже мы вернемся к текстологическому анализу публикации 1792 г. с целью выяснения основного использованного при ее подготовке списка.

Ряд спорных сюжетов имеется и в отношении другой публикации кружка, увидевшей свет в том же 1792 г.,— Книги Большому Чертежу. В литературе до сих пор не существует единого мнения относительно лица, осуществившего подготовку этого издания. Начиная с Д. И. Языкова, долгое время существовало представление о том, что им был Болтин. В своих заключениях Языков исходил из анализа «слога и правописания» предисловия к публикации [54]. К. Н. Сербина, отмечая, что книга напечатана в типографии Горного училища, подведомственного Мусину-Пушкину, основным издателем называет графа [55]. А. Т. Николаева, ничего не говоря о возможном имени публикатора, тем не менее решительно отрицает какую-либо причастность к подготовке этой книги Болтина, указывая ее отличие в «типе издания, археографических принципах» от других публикаций кружка [56]. Д. Н. Шанский основным издателем книги называет Мусина-Пушкина, полагая, что и Болтин «несомненно» был причастен к ее публикации [57]. Точку зрения Д. Н. Шанского разделяет Г. Н. Моисеева [58].

Как видим, расхождения в определении имени основного публикатора, несущественные для представления об изданиях кружка вообще и важные для понимания принципов работы с источниками его конкретных сотрудников, исходят из достаточно общих соображений о слоге, правописании, типе издания и т. д. Между тем в предисловии к публикации содержится ряд важных,

хотя и косвенных, указаний на имя основного издателя книги.

Прежде всего, обращает на себя внимание подчеркнутое автором предисловия желание поставить свою публикацию в один ряд с трудами тех «ученых особ», которые «чрез издание с своими объяснениями разных исторических древностей стараются оказать древней отечественной истории услугу...» [59]. При подготовке своей книги, сообщал далее неизвестный автор, он «имел помощию одной любопытной особы, пекущейся о собрании древних редкостей» и сообщившей ему «два еще подобных древних списка» Книги Большому Чертежу [60]. В 1792 г. подобная характеристика «любопытной особы» могла быть дана только Мусину-Пушкину, уже известному своим интересом к древностям.

В его распоряжении ко времени выхода публикации находились по меньшей мере три рукописи Книги Большому Чертежу, присланные во исполнение указа 1791 г. в Синод. Первая была отправлена в октябре 1791 г. из Воскресенского Новоиерусалимского монастыря и в соответствующем реестре значилась: «№ 55. Описание городов и рек российских. Скорописная в четверть» [61]. Ныне эта рукопись неизвестна.

Второй рукописью предположительно можно считать присланную в ноябре 1791 г. из Вологодской епархии. В соответствующем реестре она значилась: «5. Книга Малая Космография на 130 листах, содержит показания: (1-е) городов Российского государства с разстоянием их; (2-е) дорог с некоторыми приметами и (3-е) рек с сообщением их между собою» [62].

В 1797 г. эта рукопись в числе других была ошибочно возвращена в Московскую типографскую контору [63]. Далее ее следы теряются.

Третья рукопись была прислана из Сийского монастыря: «№ 46. Четвертная. Скаски об Александре Великом. В них часть 1-я. О рождении и делах Александра Македонского и о смерти его, а о России в ней следует: 1-е Большой Чертеж, что зделан всему Московскому государству, городам, полям, рекам и всяким полевым имянным урочищам, в том Чертеже мера верстам и милям и конскою езде, сколько ехать днем станичною ездою на день написано и мера верстам положена; 2-е. Роспись рек Донца и рекам и колодезям, впадающим в реку Донец с крымской до ногайской стороны и в татарских на Донце перевозах и перелазах, чрез ко-

торые приходят татарове в Русь. Также о реках Терке, Ялке, Днепре, Оке, Волге, Двине, Онеге и о протчих поморских реках»[64].

Автор предисловия, останавливаясь на значении публикуемого источника, в числе прочего отмечал, что он поможет прояснить ряд важных историко-географических сюжетов. Во-первых, пишет он, «при помощи сея книги, о чем не умедлю я показать, окажется в своем настоящем месте сие, по мнению всех, погибшее Тмутараканское княжество»[65]. Местоположение Тмутараканского княжества — один из злободневных сюжетов историко-географических исследований XVIII в. Наряду с Мусиным-Пушкиным много внимания этому сюжету уделял Болтин. В «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова Болтин выдвинул новую гипотезу о местонахождении Тмутараканского княжества в «восточных пределах Малороссии». «Соображение подобных произшествий заставило меня искать Тмутаракани в тамошних местах, и нечаянной случай удовлетворил моему желанию; нашел я опустелое городище, от Опоши верстах в 10 на берегу реки Ворсклы, которого местоположение всем историческим произшествиям Тмутаракани, в летописях упоминаемым, совершенно соответствует. Описание сего городища, весьма любопытства достойное, предложу я в другом сочинении, которое уже окончено и скоро издано будет в свет...»[66] И в предисловии к Книге Большому Чертежу и в «Критических примечаниях», как видим, находится сходное обещание окончательно решить вопрос о Тмутаракани. Это ведет нас к Болтину как возможному автору предисловия.

В пользу авторства Болтина говорят и еще два, содержавшихся в предисловии замечания. В одном из них речь идет о местоположении Корсуня (Херсонеса). Автор предисловия к публикации Книги Большому Чертежу столь же категоричен в определении местонахождения этого города, как и Болтин в своем неопубликованном словаре[67].

В упомянутом словаре к «Истории» Татищева Болтин, касаясь р. Салницы, писал о ней как о впадающей «в Донец с правой стороны ниже Изюма»[68]. В предисловии к публикации Книги Большому Чертежу характеристика местонахождения реки повторена почти дословно: «сия река впадает в Донец Северской с правой оного стороны ниже реки Изюма»[69].

Таким образом, совокупность приведенных выше соображений позволяет нам с большей вероятностью говорить, что Книга Большому Чертежу была подготовлена к изданию Болтиным с участием Мусина-Пушкина. Со страниц предисловия к этой публикации веет горячей заинтересованностью издателя представить в распоряжение современников достоверной материал, или, как пишет он, «дробности», которые «сколь, впрочем, ни маловажными кажутся, но суть такого рода, что много объяснят Российскую историю и дадут ей такой вид, которого б лишена она была навсегда без пособия сея книги» [70].

Болтинская публикация памятника оказалась не первым его изданием. До этого он был уже известен из «Истории» Татищева, а в 1773 г. Книга Большому Чертежу впервые увидела свет в полном виде в «Древней Российской Вивлиофике». Вслед за новиковским изданием болтинская публикация вводила в научный оборот список источника, относящийся к его основной редакции. Этот список, как и два других, использованных для «исправления» первого, в настоящее время неизвестен. Именно в этом состоит ценность издания, превратившегося в первоисточник.

Рассмотренные выше публикации кружка Мусина-Пушкина включили источники, уже издававшиеся ранее. Однако они представляли собой попытку дать современникам источниковый материал, воспроизведенный на более высоком эдиционном уровне (в том его понимании, который был присущ сотрудникам графа). Зато следующая публикация кружка — издание «Поучения» Владимира Мономаха — вводила в общественный оборот ранее неизвестный уникальный источник, сохранившейся в единственном списке в Лаврентьевской летописи.

О замысле, ходе подготовки этой публикации нам известно не больше, чем о двух предшествующих. Бесспорно одно. Мусин-Пушкин сумел оценить «Поучение», входящее в состав Лаврентьевской летописи, как вполне самостоятельный исторический источник. К. Ф. Калайдович свидетельствовал, что перевод на современный русский язык «Поучения» «сделан издателем с помощью друзей его» [71]. Можно предположить, что среди «друзей» графа был, по крайней мере, Болтин.

Свидетельства самого Мусина-Пушкина, предисло-

вие, комментарии к тексту публикации говорят о том, что, издавая «Поучение», кружок преследовал и вполне определенные политические и идеологические цели.

В предисловии к изданию, как и в предшествующих публикациях кружка, дается пространная характеристика значения вводимого в общественный оборот памятника. «Поучение», пишет здесь Мусин-Пушкин, опровергает несправедливые суждения о варварстве «праотцов наших», свидетельствует о том, что они имели законы, «нравоучение в самом совершенстве», хорошо воевали «с крайним наблюдением воинских правил», были людьми образованными, «хотя не ездили толпами в чужие краи для мнимого просвещения». Памятник, продолжал граф, показывает, что русские князья были хорошими хозяевами, он открывает многие из их «деяний», неизвестных по другим источникам [72].

И вместе с тем Мусин-Пушкин не ограничился только интерпретацией источниковой значимости «Поучения». Публикация представляла собой прямой отклик на злободневные проблемы современности. Мусин-Пушкин постарался представить памятник как произведение не церковной, а светской литературы. Это было подчеркнуто заглавием книги, где «Поучение» названо «Духовной». Позже, отстаивая перед Калайдовичем это заглавие, граф писал: «Ныне под названием Поучения разумеем то сочинение, которое читается в церквах и в монастырях при разных случаях, а Духовная есть последних дней жизни распоряжения и изъявления не от пристрастия, но от души происходящего последнего желания» [73]. Тем самым памятнику придавалось широкое общественное звучание, он был представлен не только как обычный духовный юридический документ, а как завет потомкам мудрого, повидавшего много на своем веку монарха.

Такая интерпретация открывала простор публицистичности. Для этого Мусин-Пушкин использовал комментарии к публикуемому источнику. Именно здесь впервые в отечественной археографической традиции наряду с комментариями научного появились и комментарии публицистического типа. Характеризуя их позже в письме Калайдовичу от 20 декабря 1813 г., граф писал: «Единственную имел я цель показать отцов наших почтенные обычаи и нравы (кои модным французским воспитанием исказилися); и тем опровергнуть ложное о

них понятие и злоречие, в чем ссылаюсь на примечания в Духовной Владимира помещенныя, и особливо под числами: 9, 11, 20, 31, 41, 43 и 49»[74].

Действительно, названные комментарии в публицистически заостренной форме пропагандировали древнерусский уклад жизни, каким он представлялся Мусину-Пушкину, воспевали патриархальные порядки в «домостроительстве», резко осуждали «вредную галломанию» российского дворянства, перекликаясь во многих местах с критическими выступлениями Болтина против Леклерка и Щербатова. В комментарии 9 к словам «Поучения» «При старых молчати» пропагандировалось уважение к людям, умудренным жизненным опытом[75]. Комментарий 11 к словам «и меньшим любовь имети» провозглашал «начальникам старейшим в чине быть послушну, покорну и к меньшим быть учтиву» как важнейший принцип «твердости и благосостояния государства»[76].

Комментарий 20 подчеркивал, что религиозное благочестие, отраженное в «Поучении», «и поныне не истребилось»[77]. Здесь же осуждались живущие в больших городах дворяне и купцы, «по новому образцу воспитанные», которые не уделяют должного внимания своим хозяйственным делам, «почитая такое упражнение для себя низким, вверяют свой дом и деревни в полное распоряжение управителям и дворецким, проводя время в праздности, в лености, в неге и роскоши, от чего нередко случается, что чрез несколько лет не остается уже чем управлять и распоряжать ни им самим, ни управителям их»[78].

Комментарий 41 к словам памятника «Чтите гость, аще не можете даром, бранином и питием» сообщал, что русское гостеприимство и «доныне между поселян, живущих в отдалении от столиц и от больших дорог, сохраняется»[79]. Комментарий 43 утверждал, что французское воспитание разрушает в дворянской России брачные связи, основанные на взаимной любви и покорности жены мужу. «Сколько появилось от того разводов,— сетовал автор комментария,— коих прежде было не слыхать, сколько несчастных детей, сколько поводов к соблазну, к вящщему нравов развращению, ко взаимному греху и погибели души и тела»[80].

Комментарий 49 осуждал увлечение русского дворянства воспитанием детей на французский манер, том числе обучение французскому языку. «Сего не до-

вольно,— пишет Мусин-Пушкин,— будучи утверждены во мнении от учителей, что все французское хорошо и все русское дурно, при всяком случае не оставляют изъявлять своего к первому уважения, а к последнему презрения, не выключая из того и веры...» [81] Этот комментарий созвучен с рассуждениями на аналогичную тему Болтина. «С тех пор как юношество стали мы посылать в чужие краи,— писал он,— и воспитание их вверять чужестранцам, нравы наши совсем переменилися; с мнимым просвещением насадились в сердцах наших новые предубеждения, новые страсти, слабости, прихоти, кои предкам нашим были неизвестны; погасла в нас любовь к отечеству, истребилася привязанность к отеческой вере, обычаям и проч.; и так мы старое позабыли, а нового не переняли, и став непохожими на себя, не сделалися тем, чем быть желали» [82].

Таким образом, комментарии в публикации «Поучения» Владимира Мономаха вышли за рамки пояснения текста источника. Они представляли собой живой отклик на проблемы современной общественной жизни России. Текст «Поучения» был использован Мусиным-Пушкиным как отправная точка для осуждения дворянского космополитизма, показа «коренных», исконно свойственных национальному характеру обычаев и образа мыслей. Они были решительно противопоставлены современному укладу жизни, главным недостатком которого провозглашалось преклонение перед «модным французским воспитанием».

В последнем случае выражалось беспокойство тем «воспитанием», которое за несколько лет до выхода в свет публикации заявило о себе Французской революцией. В этих условиях пропагандой национальных «обычаев и нравов», отразившихся в «Поучении», кружок Мусина-Пушкина стремился поставить барьер идеям Французской революции. Несомненно, осуждая преклонение перед «французским воспитанием», национальный нигилизм высшего дворянства, праздность жителей «больших городов», граф имел в виду и каких-то конкретных лиц столичного света. Позже он с гордостью вспоминал: «Я первый написал сие смело и тогда, как другие не смели того и думать, а у двора многие, как то Б[ецкий], Ш[увалов] и граф С[троганов], публично говорили, что я иду против Петра и Екатерины: вот как велико было ослепление» [83].

Примечательно, что предложенный Мусиным-Пушки-

ным характер и тип публицистических комментариев несколько позднее мы в изобилии встречаем в публикациях «Русского вестника» С. Н. Глинки. По своему стилю, идейной направленности, публицистичности имеющиеся здесь комментарии к различным источникам настолько близки к рассмотренным, что дают основание высказать предположение о возможной причастности к их составлению Мусина-Пушкина. Цель таких комментариев одна: интерпретировать в определенном направлении части текста, выражения и отдельные слова источников, сделать их не столько понятными для современного читателя, сколько созвучными животрепещущим проблемам общественной жизни.

Например, фраза в публикации «Богословия» Симеона Полоцкого об истинном христианине, который «не ища себе иного закона и превратного сомнения», прокомментирована следующим образом: «От нарушения сего правила проистекли все пагубные толки лжеумствователей осьмнадцатого столетия. Они хотели *иного закона* и подвергали все *превратному сомнению* для того, чтобы явно предаваться страстям своим, оправдываясь тем, что им не нравится закон отцов их»[84]. В публикации «Поучения» Симеона Полоцкого фраза источника «Аще умное недоумение о учении направити, тогда и сокровенная многия в разум исправити», сопровождалась таким комментарием: «Главное свойство умного недоумения состоит в том, чтобы знать, что ум человеческий ограничен... Все великие люди держались *умного недоумения*, и если бы Вольтер и ревнительные его сему последовали, то в сочинениях их не было бы столько *недоумения безрассудного*»[85].

В том же духе выдержаны и многие другие комментарии в публикациях источников в этом журнале. Так, к словам «нам во всем их (начальников.— *В. К.*) слушати» крестоцеловальной записи русских дворян князю Ф. И. Мстиславскому сделан комментарий, перекликающийся с комментарием 11 к «Поучению» Владимира Мономаха: «Как примечательно сие выражение! Грамота говорит, что избранные начальники в том целовали крест, что русские во всем их будут слушать. Какое различие в делах наших предков и тех народов, которые во имя равенства и вольности, истребляли миллионы людей»[86]. Здесь же, например, к выражению «господа» дано обширное рассуждение, призванное показать, что «предки наши и в самые смутные времена соблюдали

вежливость, хотя в иностранных книгах и в наших ежемесячных изданиях пишут и уверяют, будто бы со времени только Петра Первого появилась вежливость в России»[87].

Ряд последующих публикаций кружка представлял собой издание трудов его членов, а также «Лексикона» В. Н. Татищева. Первостепенное научное значение среди них, несомненно, принадлежит «Критическим примечаниям» Болтина на «Историю» Щербатова. Это был самый крупный из ныне известных трудов русского историка, рукопись которого хранилась в собрании Мусина-Пушкина. «Критические примечания» Болтина подробно исследованы в нашей литературе. В гораздо меньшей степени известны обстоятельства их издания, принципы публикации, возможность и характер вмешательства в текст Болтина Мусина-Пушкина как издателя. Несомненно, что сам замысел их и последующая публикация находились в русле того недовольства трудом Щербатова, которое не раз высказывала Екатерина II. В 1791 г. она, например, писала Сенаку де Мельяну: «История князя Щербатова и скучна и тяжеловата, голова его не была способна к этой работе». Тогда же она, как свидетельствует А. В. Храповицкий, порицала и удивлялась «малому соображению» в истории Щербатова[88].

Публикация «Критических примечаний» — единственная за прошедшие с тех пор почти 200 лет — в настоящее время является первоисточником из-за утраты рукописи вместе с коллекцией Мусина-Пушкина. Труд Болтина явился итогом историко-лингвистических, историко-географических и собственно исторических разысканий автора в течение многих лет его жизни. Вместе с тем та единственная в своем роде в русской историографии форма, которую избрал Болтин для своего исторического повествования, оказалась далеко не случайной.

Критическое отношение к труду Щербатова было характерно и для членов кружка. Еще при жизни Болтин вступил с автором «Истории Российской» в полемику, которая вскоре захватила обоих ученых и стала наиболее заметным явлением в истории русской исторической науки конца XVIII в. Антищербатовскими выпадами наполнен и «Опыт» Елагина. Сам Мусин-Пушкин не раз позже спорил с выводами Щербатова по частным вопросам. Можно сказать, что кружок предпринял

организованную атаку на труд Щербатова, в которой публикация «Критических примечаний» Болтина заняла центральное место. Они писались как систематический и последовательный разбор многотомной «Истории Российской» Щербатова, указывая на многочисленные ошибки и неточности, имевшиеся в этом труде, содержали размышления Болтина о русской истории, способах, методах ее написания.

В отличие от «Критических примечаний» публикация кружком «Лексикона» Татищева отразила давний интерес и пиетет, который питали сотрудники Мусина-Пушкина к трудам и идеям своего выдающегося предшественника. Издание «Лексикона» вводило в общественный оборот ранее неизвестный труд Татищева, незаконченный своего рода энциклопедический словарь историко-географического, экономико-статистического и политического характера. По мнению А. И. Андреева [89], основная работа над подготовкой «Лексикона» к печати была проведена П. А. Соймоновым, получившим в 1786 г. труд Татищева из числа тех рукописей, которые были присланы в императорский Кабинет из МАКИД. Однако список «Лексикона» сохранившийся в «Портфелях Миллера» и, по всей видимости, восходящий к рукописи, взятой Соймоновым, имеет отличия от публикации «Лексикона» 1793 г.[90] Это заставляет нас вспомнить, что в собрании Болтина, по его собственному свидетельству, находился еще один список «Лексикона», а Бантыш-Каменский в своем обзоре собрания Мусина-Пушкина отмечал наличие в нем автографа татищевского «Словаря географического и политического». По всей видимости, именно он и был опубликован Мусиным-Пушкиным [91]. Тем самым и эта публикация в настоящее время является первоисточником.

* * *

Издание «Слова о полку Игореве» оказалось вершиной публикаторской деятельности кружка Мусина-Пушкина. Уникальность утраченного в 1812 г. памятника породила уже у современников пристальный интерес ко всем обстоятельствам, связанным с подготовкой его к печати. Ныне библиография трудов об этом насчитывает не один десяток названий. Это облегчает нашу задачу, позволяя оставить в стороне уже тщательно изучен-

ИРОИЧЕСКАЯ ПѢСНЬ

О

ПОХОДѢ НА ПОЛОВЦОВЪ

УДѢЛЬНАГО КНЯЗЯ НОВАГОРОДА-СѢВЕРСКАГО

ИГОРЯ СВЯТОСЛАВИЧА,

писанная

СТАРИННЫМЪ РУССКИМЪ ЯЗЫКОМЪ

ВЪ ИСХОДѢ XII СТОЛѢТІЯ

съ переложенiемъ на употребляемое нынѣ нарѣчiе.

Мусинъ Пушкинъ

МОСКВА
Въ Сенатской Типографіи,
1800.

Титульный лист первого издания «Слова о полку Игореве»

ные сюжеты (например, процесс печатания памятника, принципы воспроизведения его текста). Вместе с тем некоторые вопросы остались вне внимания исследователей, решение других носит гипотетический характер, что требует дополнительных разысканий.

Подготовка издания «Слова о полку Игореве» находилась в общем русле программных устремлений кружка в части введения источников в общественный оборот путем их публикации. Однако со времени открытия поэмы до ее первого издания прошло около 10 лет — срок немалый, если учесть, что другие издания кружка выходили в свет более оперативно, спустя один — четыре года после находки источника. Правда, фактически введение поэмы в общественный оборот произошло намного раньше: почти сразу после ее поступления в собрание Мусина-Пушкина она была использована И. П. Елаги-

ным в его «Опыте повествования о России», затем получили известность по меньшей мере три ее перевода, для Екатерины II была изготовлена копия подлинного текста и его новый перевод, М. М. Херасков и Н. М. Карамзин поместили о ней первые печатные сообщения.

Исследователи дают различные объяснения причин задержки издания «Слова», в частности полагая, что граф, получив поэму от Иоиля Быковского, дожидался смерти престарелого архимандрита, обуреваемый стремлением к приоритету в находке уникального памятника[92]. В настоящее время в нашем распоряжении имеется значительный комплекс источников, в том числе и ранее неизвестных, чтобы подробнее представить работу кружка со «Словом».

Наиболее ранний этап работы кружка со «Словом» отразился в «Опыте» Елагина, который в 1788—1790 гг. в одну из неопубликованных частей своего труда включил цитату из древнерусской поэмы с ее пространной характеристикой. Елагинская цитата из «Слова» говорит о том, что члены кружка Мусина-Пушкина по достоинству оценили поэму если не как исторический источник, то как древнерусское литературное произведение. Елагин подчеркнул «несумненную» древность памятника, уже находившегося в «книгохранилище» Мусина-Пушкина, поставил «Слово» в общий контекст развития древнерусской культуры, представил сам факт ее создания и существования как опровержение несправедливых суждений о низком культурном уровне развития древнерусского общества. Он попытался придать памятнику патриотическое звучание, а также определить его жанр. Напомним, что авторы первых заметок о «Слове» в XVIII в. видели в памятнике преимущественно поэтическое произведение в духе поэм Оссиана, «ироическую песнь». Елагин предложил иное определение жанра памятника как исторического похвального слова с присущими ему «риторскими красотами». Несомненно, что такое определение было навеяно первыми попытками Российской академии стимулировать развитие жанра похвальных слов национальным героям прошлого.

Елагин оказался нерешительным в определении того, какому «Игорю» посвящено упоминаемое им «похвальное слово». В черновом списке А он определяет его правильно: «Святославичу, внуку Олгову» (в первом издании «Слова» и екатерининской копии — «Ольгову»; для

всего «Опыта» характерно «Олгову»), затем в промежуточном списке Б исправляет «Святославичу» на «Олговичу», и это чтение закрепляется в списке В. Соответственно в «Опыте» Елагин нерешительно и датировал поэму: в списках А и Б дата не указана, а в списке В поставлена неверная дата — начало XII в.

Можно только предположить причину этой неуверенности Елагина. В своем предварительном сообщении [93] мы высказали соображение о том, что исправление «Святославича» на «Олговича» могло быть сделано Елагиным под влиянием пятой части «Записок касательно российской истории» Екатерины II, содержавшей известный «Родословник». К такому заключению подтолкнули сохранившиеся источники. Так статс-секретарь императрицы А. В. Храповицкий 4 мая 1793 г. записал в своем дневнике: «Вошел я с почтой после Пушкина Алеши. Сказывали, что Елагин дивится, откуда собран Родословник древних князей российских, и многое у себя в Истории поправил» [94]. Сама Екатерина II в письме к французскому писателю Ф. М. Гримму от 28 июня — 5 августа 1793 г., характеризуя «Родословник», сообщала: «О, как прекрасна эта номенклатура! Это поистине работа ленивого ума, у которого нет идеи. Г. Елагин, который изложил русскую историю в стиле декламаторском, потому что он красноречив и скучен, теперь переправляет свою историю по нашей генеалогии» [95].

Между тем «Родословник», по которому, как нам казалось, мог сверять свой труд Елагин, содержал немало ошибок, неясностей и противоречий. Так, в одном месте у Святослава Ольговича названо пять сыновей, в другом — три. Игорь Святославич показан в «Родословнике» как княживший с 1147 г. в Рязани и Тмутаракани, и в то же время указан год его рождения — 1151 [96]. То же и с Игорем Ольговичем. Он показан как княживший в Киеве с «1146 по 1146 (так.— *В. К.*)», как постригшийся в монастырь в 1147 г., как убитый в Киеве в 1149 г. и в то же время как княживший в Новгороде-Северском «от 1152 по (так.— *В. К.*)» [97]. Исходя из этого, мы предположили, что именно противоречия сочинения Екатерины II в датах княжения Игоря Святославича (до его рождения в 1151 г.) и княжения Игоря Ольговича в 1152 г. (после его смерти в 1149 г.) и могли подтолкнуть автора «Опыта» на исправление «Святославича» на «Олговича».

В отличие от нашей версии Г. Н. Моисеева выдвинула иную. По ее мнению, нерешительность Елагина в определении отчества Игоря произошла от знакомства с трудом Татищева, где рассказывалось о князе Игоре Ольговиче. «Ошибиться в отчестве князя Игоря,— пишет она,— было тем легче, что оба Игоря — князья Новгорода-Северского, «Ольговичи», т. е. потомки черниговского князя Олега Святославича»[98]. Поскольку во второй главе мы пришли к выводу о том, что елагинская цитата из «Слова» появилась в «Опыте» в 1788—1790 гг., т. е. до выхода в свет «Родословника» Екатерины II, а последний не мог быть известен кружку до издания, остается полагать, что исправления Елагиным отчества Игоря явились следствием ошибок в его генеалогических расчетах, в том числе, возможно, и под воздействием Татищева.

Интерпретация Елагиным памятника как «похвального слова» не Игорю Святославичу, а Игорю Ольговичу и отсюда ее неуверенная датировка свидетельствуют, сколь трудным вначале был процесс познавания древнерусской поэмы. К этому следует добавить, что даже такой знаток, как Болтин, поход Игоря Святославича 1185 г. датировал 1186 г. в соответствии с существовавшей традицией.

Генеалогические комментарии, очевидно, представляли особую трудность. Не случайно даже в предисловии к публикации «Поучения» Владимира Мономаха Мусин-Пушкин свидетельствовал, что при чтении летотописей «встречались на многих местах затруднения от единоимянных князей, а тем паче от перемещения их на уделы. Ибо почти невозможно было по краткости вещания летописателей узнавать, к которому лицу какое отнести деяние»[99].

Елагинская цитата из «Слова» довольно точно передавала соответствующий текст памятника. Отличия сводятся к следующему: отсутствует частица «же» после «почнемъ», вместо «своего» поставлено «своим». Есть расхождения и в правописании.

Эти расхождения существуют и в цитате из «Слова» у Елагина по всем трем спискам, являясь результатом не сознательной правки автора «Опыта», а следствием отступлений переписчика рукописи Б от своего оригинала А и писца рукописи В от своего оригинала Б. Правку Елагиным цитаты из «Слова» в списке В (в словах «Владимера» и «крепостію» он исправляет соответствен-

но «е» на «і» и «е» на «ѣ», а «сердца» пишет с «д») вряд ли можно рассматривать как стремление точнее передать правописание «Слова». Она, скорее всего, связана с намерением Елагина приблизить правописание писца к тому, которое казалось правильным ему в соответствии с языковыми нормами XVIII в. Подобная правка видна по всей рукописи. Соответственно можно объяснить и отличия елагинской цитаты из «Слова» по списку А от первого издания и екатерининской копии поэмы. В цитате мы читаем «старого» вместо «стараго», «нынѣшнего» вместо «нынѣшняго», «крепостію» вместо «крѣпостію», «поѡстри» вместо «поостри».

Примечание к упоминанию поэмы, особенно в редакции списка Б, где, помимо указания на древность рукописи, Елагин, возможно, хотел написать «ско[рописная]», дает основание для положительного заключения о знакомстве автора «Опыта» с подлинным списком «Слова». Правда остается непонятным, почему он был нерешителен относительно определения героя, которому посвящена поэма,— ведь в ее рукописи прямо говорилось об Игоре Святославиче. Это можно объяснить, как считает В. А. Кучкин, например, тем, что остался непонятным заголовок поэмы, где Игорь Святославич мог трактоваться как «Игорь, сын Игоря, внук Олега». На основании имеющихся фактов мы не можем твердо сказать по подлиннику или по списку, со слов Мусина-Пушкина, других лиц или по памяти приведена Елагиным цитата из «Слова». Ясно только, что ее текст по списку А является наиболее близким к тому, что находилось в распоряжении автора «Опыта», и что в ряде деталей, отмеченных выше, он не совпадает с екатерининской копией и первым изданием поэмы.

Можно полагать, что к тому времени, когда цитата из «Слова» появилась в «Опыте» Елагина, текст поэмы был транскрибирован, разбит на слова, прочитан и даже, возможно, с помощью того же Болтина частично или полностью «переложен» на современный русский язык. В письме к Калайдовичу Мусин-Пушкин сообщал: «Во время службы моей в С. Петербурге несколько лет занимался я разбором и преложением оныя Песни на нынешний язык, которая в подлиннике хотя довольно ясным характером была писана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописания, ни строчных знаков, ни разделения слов...» [100]

Тогда же кружок мог приступить и к комментированию памятника. В этом отношении весьма примечателен тот факт, что в «Опыте» Елагина в описании похода 1185 г., относящемся ко времени после июля 1791 г., хотя и не использовано «Слово о полку Игореве», но имеются пространные разыскания (не вписывающиеся в общую манеру работы автора) о р. Суугли (Суурли), Осколе, Лукоморье, Тмутаракани, в которых мы вправе предположительно видеть отголосок первых попыток кружка комментировать поэму [101]. Елагин, как и известные в настоящее время переводы «Слова» XVIII в., правильно датирует поход 1185 г. Таким же отголоском мог быть и комментарий к слову «метальник» («метельник») издания Правды Русской 1792 г.

Как известно, екатерининская копия и первое издание «Слова», а также публикация «Поучения» Владимира Мономаха неверно передавали чтение слова «кмети», превратив его в выражение «къ мети», т. е. «к цели». В публикации Правды Русской 1792 г. «метальник» производился «от слова *мета*, каковые на бирках подрезывал» «приемщик собираемой виры», для учета получаемых денег [102]. Таким образом, «мета» как «цель» екатерининских бумаг и первого издания «Слова» могла быть этимологически неверно возведена к «мете» как «зарубке», «отметке», «черте» уже в начале 1792 г., когда кружок активно работал над подготовкой публикации Правды Русской. Эта этимология казалась настолько очевидной сотрудникам Мусина-Пушкина, что они отказались от комментирования «меты» в процессе подготовки издания древнерусской поэмы.

Однако полностью вопросы на первом этапе подготовки памятника к изданию не были решены. В частности, оставались проблемы текстологии. Выше на примере подготовки кружком публикаций Правды Русской и Книги Большому Чертежу мы могли убедиться, что сотрудники Мусина-Пушкина для «полноты и исправности» публикуемого текста источника стремились использовать все известные его списки. Поэтому кружок должен был возлагать в решении задач текстологии «Слова» большие надежды на указ 1791 г., надеясь с его помощью найти другие списки поэмы. Как известно, указ не оправдал этих надежд.

Слово о полку Игоревѣ
Игоря сына Святъславля
внука Ольгова.

Не лѣпо ли ны бяшетъ братіе, начати
старыми словесы трудныхъ повѣстій
о полку Игоревѣ, Игоря Святъславича!
Начатиже ся тъ пѣсни по былинамъ
сего времени, а не по замышленію Бо-
яню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хо-
тяше пѣснѣ творити, то расте-
кашется мыслію по древу, сѣрымъ
волкомъ по земли, шизымъ орломъ
подъ облакы. Помняшетъ бо рѣчь
первыхъ временъ усобицѣ. Тогда
пущашетъ 10ть соколовъ на стадо
лебедей. Который дотечаше та
преди пѣснѣ пояше, старому Яро-
славу, храброму Мстиславу, иже
зарѣза Редедю предъ полкы Косож-
скыми, красному Романови Святъ-
славличю. Боянъ же братіе не 10ть
соколовъ на стадо лебедей пущаше,
нъ своя вѣщіа пръсты на живая
струны въскладаше; они же сами
Княземъ славу рокотаху. По-
чнемъ же братіе повѣсть сію отъ
стараго Владимера до нынѣшняго
Игоря. Иже истягну умъ крѣпостію
своею, и поостри сердца своего

Текст «Слова о полку Игореве» из екатерининских бумаг

Нам представляется, что только после этого было решено готовить публикацию поэмы в том виде, в каком она сохранилась, по списку, оказавшемуся в собрании графа. Результаты работы кружка на этом этапе нашли свое отражение в так называемых екатерининских бумагах по «Слову». В литературе екатерининские бумаги традиционно датировались 1794—1795 гг. Однако в последнее время Г. Н. Моисеева выступила с их передатировкой, полагая, что они подготовлены в начале 1792 г.

В качестве оснований передатировки Г. Н. Моисеева выдвинула несколько аргументов. Она обращает внимание на то, что в комментариях екатерининских бумаг по «Слову» имеются ссылки на «Родословник» Екатерины II. Г. Н. Моисеева полагает, что комментаторы использовали еще не изданный труд императрицы. В этой связи она привлекла письмо Мусина-Пушкина к управляющему императорским Кабинетом В. С. Попову от 6 сентября 1795 г., при котором граф возвращал полученные от Попова какие-то рукописи Екатерины II и сообщал: «Я занимался в прошедшие дни чтением оных с крайним прилежанием и, к удивлению моему, нашел здесь многое, чего ни у Татищева, ни в других летописях, ни в самих Записках нет. Родословие князей удельных выведено с такою точностью, что лучше желать невозможно. Велик поистинне труд и для истории отечественной много поведает свету.

Я, посредством сих таблиц, нашел совершенную развязку в разных предметах, доселе неизвестных, и о коих тщетно искал объяснения в других летописях, которые и покажу Вам, если угодно, как скоро перепишут» [103].

В этих бумагах Г. Н. Моисеева видит рукопись первой части «Родословника» Екатерины II, оказавшуюся якобы у Мусина-Пушкина уже в начале 1792 г.[104] Однако это не доказано. В письме говорится, что в бумагах «родословие князей удельных выведено с такою точностью, что лучше желать невозможно», далее упоминается, что это были «таблицы», что в них внесены «в некоторых местах, хотя кратко, исторические деяния», которые «послужат писателям истории руководством к точнейшему истинн исторических открытию». Попов в приписке к этому сообщал, что речь идет о «Хронологическом списке, над которым изволили трудиться ее императорское величество».

Что же за труд императрицы возвращал в 1795 г. Мусин-Пушкин? Это действительно был труд по генеалогии, являвшийся продолжением «Родословника», его вторая часть. Он был опубликован под названием «Выпись хронологическая» без указания места и года издания, а также автора, но, естественно, после 6 сентября 1795 г.[105] «Выпись хронологическая» была составлена по иному принципу, нежели первая часть «Родословника». Она представляла собой таблицы с росписями удельных княжений. Ими в определенном отношении было пользоваться легче, нежели первой частью «Родословника», поскольку они содержали параллельные данные о княжениях в уделах.

Из упомянутого письма Мусина-Пушкина видно, что граф получил «известные бумаги» незадолго до их возвращения Попову («Я,— пишет он,— занимался в *прошедшие дни* (курсив мой.— *В. К.*) чтением оных с крайним прилежанием...») и именно в эти дни с удивлением «нашел здесь многое, чего ни у Татищева, ни в других летописях, ни в самих Записках нет». Возникает вопрос: зачем же было удивляться Мусину-Пушкину первой части «Родословника», если к этому времени он уже был издан и, кроме того, согласно Г. Н. Моисеевой, должен был быть известен графу уже в начале 1792 г.?

Г. Н. Моисеева противоречит самой себе, говоря о том, что комментарии к екатерининским бумагам по «Слову» были подготовлены с использованием первой части рукописи «Родословника» еще в начале 1792 г. Она не учитывает, что, согласно приведенной ею же записи из дневника Храповицкого, Екатерина II еще в марте 1792 г. только работала над первой частью «Родословника». 25 марта 1792 г. Храповицкий записал в своем дневнике: «При разборе внутренней почты мне сказывали, что упражняются теперь в составлении Родословной российских великих князей и что это поверка истории и хронологии»[106]. Следовательно, к этому времени не была готова не только вторая, но даже и первая часть «Родословника».

Таким образом, поскольку Г. Н. Моисеевой не доказано, что уже в начале 1792 г. в распоряжении комментаторов «Слова» находился рукописный «Родословник» Екатерины II (еще не существовавший в это время), ее доказательства датировки екатерининских

бумаг началом 1792 г. на основании «Родословника» не имеют под собой оснований.

Вторым аргументом передатировки екатерининских бумаг началом 1792 г. у Г. Н. Моисеевой выступает соображение о том, что в них отсутствуют ссылки на издание Правды Русской 1792 г. в толкованиях слов «ногата» и «резана», тогда как в первом издании древнерусской поэмы такие ссылки имеются. А раз так, полагает Г. Н. Моисеева, то комментарии в екатерининских бумагах были подготовлены до апреля 1792 г., т. е. до публикации Правды Русской [107].

На это можно заметить следующее. Готовили публикацию Правды Русской в 1792 г. все те же Болтин, Елагин и Мусин-Пушкин. Если бы они сочли необходимым прокомментировать именно в 1792 г. слова «ногата» и «резана» древнерусской поэмы, то для них это не представило бы какого-либо труда, поскольку в их распоряжении находилась рукопись публикации Правды Русской со всеми комментариями. К этому надо добавить, что в екатерининских бумагах не прокомментированы не только «ногата» и «резана», затем объясненные в первом издании «Слова». В первой публикации поэмы имеются, например, объяснения слов «дружина», «Велес», «Буй Тур» «стружие» и др., отсутствующие в екатерининских бумагах по «Слову». Совершенно очевидно, что в данном случае мы сталкиваемся с разными принципами комментирования в екатерининских бумагах и в первом издании. Таким образом, и это соображение Г. Н. Моисеевой никак нельзя признать за доказательство датировки екатерининских бумаг началом 1792 г.

Третьим аргументом передатировки екатерининских бумаг у Г. Н. Моисеевой выступает соображение о том, что в них нет ссылки на вышедшее в 1794 г. исследование Мусина-Пушкина о Тмутараканском княжестве, тогда как в первом издании такая ссылка в примечании о Тмутаракани имеется. Следовательно, заключает она, екатерининские бумаги подготовлены до 1794 г. Но это соображение также не выдерживает критики. В самом деле, как показала сама же Г. Н. Моисеева, при подготовке екатерининских бумаг по «Слову» были использованы «Записки касательно Российской истории», в том числе опубликованные части, однако в екатерининских бумагах ссылок на них мы не встречаем. В екатерининских бумагах по «Слову» имеются только точ-

ные ссылки на «Историю» Татищева, но они всего лишь «проскочили» из рассмотренного в первой главе словаря Болтина. Очевидно, как и в случае с «ногатой» и «резаной», перед нами еще один принцип комментирования — без точного указания на источник комментариев. К этому следует добавить, что комментарий о Тмутаракани в екатерининских бумагах и примечание о ней в первом издании текстуально близки друг другу.

Наоборот, свидетельства, хотя и не прямые, говорят за то, что екатерининские бумаги не могли быть подготовлены ранее 1794 г. (разумеется, речь идет о полностью подготовленных бумагах, как они нам известны; исключать возможность подготовки части комментариев уже в 1792 г. у нас нет оснований).

Еще Л. А. Дмитриев предположил, что в комментариях к екатерининским бумагам использован «Словарь» Российской академии, в том числе его шестая часть, увидевшая свет только в 1794 г.[108] Ниже мы остановимся на еще одном источнике комментариев в екатерининских бумагах — словаре Болтина к «Истории» Татищева, оказавшемся в собрании Мусина-Пушкина после ноября 1792 г. И это говорит о том, что комментарии по «Слову» в том виде, в каком они существуют в бумагах Екатерины II, не могли быть составлены ранее ноября 1792 г.

Время окончательной доработки екатерининских бумаг и представления их императрице можно уточнить. Выше речь шла о письме Мусина-Пушкина к Попову. Высоко оценивая «Выпись хронологическую» Екатерины II, граф сообщал, что с помощью этого труда он «нашел совершенную развязку в разных предметах, доселе неизвестных и о коих тщетно искал объяснения в других летописях, которые и покажу Вам, если угодно, как скоро перепишут»[109]. Поскольку мы не знаем ни одного сочинения Мусина-Пушкина, в работе над которым ему могла бы потребоваться в это время «Выпись хронологическая», кроме комментирования «Слова», можно заключить, что именно о подготовке бумаг по «Слову» для Екатерины II и идет речь в письме графа. Ниже мы попытаемся показать, что ряд комментариев в екатерининских бумагах восходит именно к «Выписи хронологической», а не к первой части «Родословника».

Екатерининские бумаги представляют собой, по существу, уже подготовленную публикацию со всеми те-

ми элементами археографического оформления, которые были уже выработаны кружком в других изданиях: текст памятника и его перевод, предисловие и комментарии по содержанию. Это может служить косвенным подтверждением того, что Мусин-Пушкин уже в 1795 г. намеревался выпустить публикацию в свет.

Текстология копий древнерусского текста «Слова» и сохранившихся списков его переводов XVIII в. подробно рассмотрена в исследованиях Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева, поэтому на этих вопросах мы не будем специально останавливаться, охарактеризовав убедительные выводы этих ученых.

Согласно Д. С. Лихачеву, с оригинального древнерусского текста Мусиным-Пушкиным была изготовлена копия, легшая в основу екатерининского списка (Е). Эта же копия, поправленная по подлинной рукописи «Слова», послужила основой для первого, не дошедшего до нас перевода поэмы (Т), других копий перевода, одна из которых использована при подготовке первого издания [110]. По Л. А. Дмитриеву, первоначальный перевод «Слова» получил известное распространение в XVIII в. в списках. На его основе был сделан новый перевод, который лег в основу не дошедшего перевода Т (протографа ныне известных списков переводов Б, В, Г) и перевода в бумагах А. Ф. Малиновского (М). Первоначальный перевод Мусина-Пушкина с определенной переработкой был использован при подготовке перевода поэмы для Екатерины II (Е). В основу перевода первого издания «Слова» (П) был взят перевод М, существенно поправленный в смысловом и стилистическом отношении. Л. А. Дмитриев отмечает тесную связь предисловия к Т с предисловием к М и последнего с предисловием к П и одновременно указывает на обособленность предисловия к Е. Что же касается примечаний, то, по Дмитриеву, их основой в М и П являются примечания в Е, которые ничем не связаны с примечаниями к Т [111].

Поскольку выводы Д. С. Лихачева и Л. А. Дмитриева не вызывают никаких сомнений, мы остановимся на ряде других вопросов, связанных с работой по подготовке древнерусской поэмы к изданию. Прежде всего, рассмотрим вопрос о комментариях в Е. По своему типу они отчетливо делятся на историко-генеалогические (1—6, 15—20, 22, 23, 26, 30—38, 40—47), понятийные (без номеров, отмеченные особыми значками и простав-

ленные в скобках в тексте перевода), собственно исторические (2, 7, 9, 13, 14, 21, 24, 28, 49), историко-географические (8, 10, 11, 27, 29, 48). Во многих случаях, особенно когда в комментариях шла речь об исторических лицах, содержание комментариев перерастало их имевшийся тип за счет введения дополнительных, подчас очень подробных сведений о жизни и деятельности того или иного исторического лица (см., например, комментарий 11). Характер всех комментариев определялся стремлением издателей сделать памятник понятнее читателям, а их количество, полнота — имевшимися в распоряжении источниками и справочными пособиями.

Что же это были за источники и справочные пособия? В комментариях в переводе Е имеются прямые ссылки на «Историю» Татищева (7, 19, 23, 25, 29, 44, 48 и др.), «летописи» (1, 12, 17, 18, 36, 40, 41, 43, 48), «ландкарты» (12), «Родословник» Екатерины II (19, 20, 33, 34, 35, 36, 40, 41, 42, 43), «таблицы родословные» (32). Однако полностью доверять этим ссылкам нельзя. Во-первых, совершенно очевидно, что в ссылках на источники комментариев автор не придерживался принципа обязательности, т. е. эти ссылки в определенной мере случайны, подчас общи. Иногда, используя даже «Родословник» Екатерины II, отсылки на который носят наиболее систематический характер (что вполне объяснимо, учитывая, кто стоял за этим трудом), автор комментариев не делает на него отсылок (например, в примечании 37, где текст точно воспроизводит особенности соответствующих текстов первой части «Родословника»[112]). Во-вторых, ссылки на «летописи» и особенно на «летопись» мы вправе не всегда понимать в прямом смысле. В историографии XVIII в. и даже позже этим понятием часто обозначался труд В. Н. Татищева. Комментарий 44 подтверждает, что его автор следовал традиции своего времени, ссылаясь на «Татищева летопись».

Наиболее очевидный источник комментариев в Е — уже упоминавшийся печатный текст первой части «Родословника». Это был первый в России систематический труд по генеалогии Рюриковичей. Его выход в свет в 1793 г. произвел сильное впечатление на современников. Выше мы уже приводили на этот счет свидетельства очевидцев, в том числе и самой императрицы.

Трудно сказать, насколько был самостоятелен этот труд. Важно отметить, что в глазах современников он

рисовался ценным справочным пособием. Комментарии в Е следуют за «Родословником», повторяя его многочисленные ошибки[113]. Вместе с тем автор комментариев отчетливо видел многочисленные противоречия описательной и табличной части «Родословника». Видимо, он их выверял по «Выписи хронологической», а иногда и прямо пользовался ею, даже не обращаясь к «Родословнику». Так, в примечании 32 автор сообщает данные о князьях Глебах, живших в XII в., и их сыновьях[114]. Ссылаясь на «таблицы родословные», он утверждает, что в XII в. было четыре Глеба. В «Выписи хронологической» их указано действительно четыре, тогда как в «Родословнике» — шесть. Сведения об одном из них, Глебе Владимировиче, в комментарии восходят не к «Родословнику», а к «Выписи хронологической»: именно здесь сказано, что тот с 1135 г. по 1156 г. княжил в Переяславле на Клешкине (Клещине) озере[115].

До недавнего времени оставался неизвестным еще один важный источник ряда комментариев в Е. Речь идет о словаре Болтина к «Истории» Татищева, оказавшемся в распоряжении Мусина-Пушкина. Его подробную характеристику мы дали выше. При сопоставлении комментариев в Е, касающихся топонимов, с соответствующими дефинициями словаря обнаруживаются любопытные совпадения, не оставляющие сомнений в том, что автор комментариев использовал болтинский труд. Приведем все случаи таких совпадений.

Комментарий 8 в Е [116]	*Словарь Болтина*
Ворскла, Хороль, Сула, Суугли суть рѣки, пограничныя къ Половцамъ, которые близь ихъ кочевали. На берегахъ Ворсклы бывали многія сраженія у Руских с Половцами.	*Ворскла* — река. Долгое время была границею от Половцов и на берегах ея многия сражения между руских и половцов происходили[117].
На Хороли съѣсъжжались Россіане нерѣдко для договоров с Половцами.	*Хороль* — р[ека]. Граничила Половецкие Кочевья от жилищ руских. На сей реке бывали съезды[118] с половцами для договоров. Они, часто нападая, громили селения, по сей реке находящиеся, кои, наконец, все истребили[119].
По Сулѣ великій Владиміръ построилъ многіе города и населилъ ихъ Славянами, Кривичами, Чудью и Вятичами, дабы Печенѣгам, приходящимъ часто въ предѣлы Кіевскіе, положить преграду. Суугли есть та самая рѣка, которую Святославъ Ольговичь и Владиміръ Игоревичь, перешедъ, одержали	*Сула* — р[ека]. По реке сей Владимир 1-й города построил и поселил их Славянами, кривичами, Чудью и вятичами, дабы печенегам, часто впадающим в

въ первый разъ надъ Половцами верхъ.

пределы Киевского Княжения, положить препону [120].

Суугли — р[ека] в половецких кочевьях. Войски руские шли от Донца к реке Осколу, от Оскола к реке Салнице, от Сальницы шли всю ночь и на утрие около обеда пришли к реке Суугли, где встретили их половцы за рекою. [Татищев]. III.262. При сей реке имели руские князья несчасливое сражение с половцы, все князья, бывшие и со всем войском или побиты, или в плен взяты, а спаслись только из всего войска 215 человек: сие было в 1185 году. Сколько войска руского было, неизвестно, но в плен только взято 5000 человек [121].

Как видим, комментарий в Е представляет собой объединение четырех статей словаря Болтина. За счет обобщения сходного начала каждой из болтинских дефиниций он приобрел более сокращенный вид. Отличия заключаются в естественном сокращении текста болтинского труда о битве с половцами в 1185 г. и в ошибочно введенном в текст по созвучию названий рек упоминания о победе русских войск 30 июля 1184 г. на реке Угли (Ореле).

Комментарий 10 в Е	*Словарь Болтина*
Шеломая была пограничная волость руская къ Половцамъ [122].	*Шеломыя* — с[ело] переяславския области близ Олты. [Татищев]. III.120 [123].

Комментарий 10 в Е, несмотря на исключение указания на Льту (Ольту, Альту), в своей основе также восходит к соответствующему месту словаря Болтина. Вместе с тем в нем можно видеть и следы воздействия «Истории» Татищева, который писал: «В то же время половцы, пришед в область Переяславскую, воевали около Носова и до Олты июля 23 и взяли 800 человек в плен около сел княжни Мстиславлей, Котельницы и Шеломыя» [124]. Воздействие Татищева выразилось в замене болтинской дефиниции топонима как села на волость, выступившую синонимом татищевской «области».

Комментарий 29 в Е	*Словарь Болтина*
Шарукань городъ Половецкій был близъ рѣки Донца: онъ въ 1111-м году сдался безъ сопро-	*Шуракань* — городок на Донце половецкой. [Татищев]. II.207 [126].

тивленія войскамъ великаго Князя Святополка. Тат[ищев]. Ис-т[ория], кн. 2, стр. 207 [125].

Комментарий 29 в Е также представляет собой комбинацию из словаря Болтина и текста Татищева, указанного Болтиным. Со словарем его сближает четкость начальной части дефиниции топонима как половецкого города на р. Донце. Последующая часть комментария — пересказ соответствующего места Татищева («ввечеру же пришли ко граду Шураканю») и примечания 351 к нему: «Сии грады, видимо, что по Донцу, где многие древние городища находятся, как в Большом Чертеже показано; имена же городов по тогдашним владельцам, а не существенные, положены» [127]. Очевидно, что именно словарь Болтина оказал воздействие на автора комментария 29 в Е в самом объяснении «Шаруканя» поэмы как топонима, а не имени собственного (что было исправлено, как увидим ниже, уже в первом издании «Слова»).

Комментарий 49 в Е [128]

Боричевъ. Урочище въ самомъ городѣ Кіевѣ, которое не индѣ быть, по описанію лѣтописей, является, какъ на горѣ къ Подолу, на самомъ томъ мѣсте, или близъ онаго, гдѣ нынѣ церковь апост. Андрѣя первозванного находится. Сіе место въ первобытности было внѣ града, и тутъ Владиміромъ поставленъ былъ на холмѣ идолъ Перуна, яко на мѣстѣ возвышеннѣйшемъ и красивѣйшемъ прочіихъ; а при томъ что и площадь между кумира и города довольная была для умѣщенія народа стекающагося на торжественныя жертвоприношенія. На сей же площади былъ Дворецъ великокняжескій, называемый теремнымъ, въ которомъ Ярополкъ убитъ отъ брата своего Владиміра. На самомъ томъ холмѣ, гдѣ стоялъ Перуновъ Кумиръ, поставлена, по крещеніи Владиміровомъ, церковь С. Василія. Подъ самою сею горою имѣлъ прежде Днѣпръ теченіе; но по времени занесло пескомъ и сдѣлалась довольнаго пространства площадь, на которой нынѣ находится

Словарь Болтина

Боричев. Урочище в самом городе Киеве, которое не инде быть по описанию летописей, является как на горе [129] к Подолу, на самом том [130] месте или близ оного, где ныне церковь ап[остола] Андрея Первозванного находится. Сие место в первобытности было вне града и тут Владимиром поставлен был на холме идол Перуна [131], яко на месте возвышеннейшем и красивейшем всех прочих, а притом, что и площадь между кумира и города довольная была для умещения народа, стекающегося на торжественные жертвоприношения. На сей же площади был дворец великокняжеский, называемый Теремным [132], в котором Ярополк убит от брата своего Владимира. На самом том холме, где стоял Перунов кумир, поставлена по крещении Владимиром церковь св[ятого] Василия. Под самою сею горою имел прежде Днепр течение, но по времени занесло песком и сделалась довольного пространства площадь, на которой ныне нахо-

предмѣстіе, названное Подолъ, по причинѣ нискаго ея положенія. Что мѣсто, гдѣ нынѣ подолъ, было покрыто водою, и что Боричевъ подлинно надъ нимъ обретался, свидѣтельствуютъ то нижеписанныя слова изъ Нестора: «Древляне, прибывъ къ Кіеву, пристали подъ Боричевымъ; тогда бо Днѣпръ теченіе имѣлъ подлѣ горы Кіевскія, а на Подолія не было жилища, но на горѣ. [Татищев], кн[ига] II-я, стр. 36.	дится предместие, названное Подол, по причине низкого ее положения. Что место, где ныне Подол, было покрыто водою и что Боричев подлинно над ним обретался, свидетельствует то нижеписанные слова из Нестора: «древляне, прибыв к Киеву, пристали под Боричевым, тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевския, а на Подолии не было жилища, но на горе». [Татищев), II,36[133].

Комментарий 49 в Е представляет собой наиболее яркое заимствование из словаря Болтина. Несмотря на то что в нем содержится отсылка к Татищеву, его текст далек от татищевского, являясь оригинальным авторским текстом Болтина. У Татищева было сказано: «Оные прибыв к Киеву, пристали под Боричевым; тогда бо Днепр течение имел подле горы Киевская, а на Подолии не было жилища, но на горе. Град же Киев был, где ныне двор демественников за церковию Святыя Богородицы: бе бо ту терем каменный»[134].

Таким образом, можно твердо говорить о том, что словарь Болтина стал одним из пособий в комментировании «Слова» уже на этапе подготовки екатерининских бумаг. Текстуальные совпадения рассмотренных комментариев в Е с соответствующими местами труда Болтина свидетельствуют, что первые восходили именно к тексту подлинной рукописи словаря ученого и не могли быть непосредственно написаны им как комментатором «Слова», ибо трудно представить, чтобы они в таком случае остались без изменений. Так, текст о Боричеве в «Критических примечаниях» Болтина на «Историю» Щербатова хотя и близок к тексту словаря, но представляет собой уже его существенную переработку[135]. А это, в свою очередь, можно рассматривать как один из аргументов в пользу датировки екатерининских бумаг временем после ноября 1792 г., когда болтинский словарь оказался у Мусина-Пушкина. Для характеристики методики комментирования «Слова» важно отметить и другое. Ссылки на Татищева в комментариях 29, 49, перекочевав из словаря Болтина, явились формальностью; комментатор следовал в этих случаях за Болтиным, а не за Татищевым.

В качестве еще одного пособия при подготовке примечаний и перевода «Слова» в Е Л. А. Дмитриев пред-

положительно называет «Словарь» Российской академии, обращая внимание на близость или совпадение толкований слов «лепо», «мета», «трудный», «тулы», «туга», «сулицы» с их толкованиями в «Словаре» Российской академии[136]. К примерам Л. А. Дмитриева можно добавить еще два: в Е слово «кожухами» переведено, как и в «Словаре» Российской академии, «шубами» и перевод в Е слова «старыми» («давними») близок к одному из значений этого слова в «Словаре» («старобытный, старинный, древле, в старину бывший; в сем смысле противуполагается слову нынешний»). Восемь совпадений переводов слов в Е с их толкованиями в «Словаре» Российской академии говорят о том, что последний действительно был использован при подготовке Е.

Однако важно отметить не только совпадения, но и расхождения в толкованиях одних и тех же слов в Е и в академическом словаре. Перевод в Е слова «кожухами» («шубами») дан в скобках непосредственно в тексте, так же как и «крепостію» («твердостію»), «стязи» («знамена»), «яруги» («опасные места»), «дивъ» («филин»), «япончицами» («плащами»), «узорочья» («уборы»), «вечи» («съезды»), «въ крамолахъ» («въ ссорахъ»), «дски безъ кнеса» («столы не убраны»). Эти переводы не находят аналогий в академическом словаре. Более того, «крамолы» «Словарь» переводит иначе, чем в Е: «волнение, возмущение народное, мятеж», а близкое по созвучию к «яругамъ» слово «яръ» толкует как «глубокое, обрывистое в реке место». Приведем еще несколько примеров несовпадений.

Древнерусский текст «Слова»	*Перевод в Е*	*Толкование в «Словаре» Российской академии*
словесы	слогомъ	словесно — на словах, а не письменно
ратаевъ	земледельцы	воины, солдаты
былинамъ	самыхъ деяний	былина — травка, в поле растущая
вѣщий	стихотворецъ	указывающий, предсказывающий, прорицающий
творити	воспеть	делать, исполнять
усобицъ	сражение	взаимная вражда, несогласие, раздор

Конечно, в приведенных примерах отступления автора перевода Е от дефиниций «Словаря» Российской

академии можно объяснить тем, что он мог следовать смысловому строю памятника, давая ему собственную интерпретацию. Но, думается, дело заключалось не только в этом. «Словотолкование» являлось важнейшим направлением деятельности Российской академии, членами которой были Болтин, Елагин, Мусин-Пушкин. Из них в Академии большим авторитетом как знаток языка пользовался Болтин, хотя далеко не все предложения ученого в части подготовки академического словаря были здесь приняты. Результатом лингвистических упражнений Болтина стал упомянутый нами во второй главе «Толковый славяно-российский словарь» на букву А и материалы «для продолжения сего великого и трудного сочинения», оказавшиеся в собрании Мусина-Пушкина. Знания Болтина-лингвиста могли быть использованы уже на самой начальной стадии работы кружка со «Словом». В частности, если исходить из того, что примечание к слову «метальникъ» Правды Русской было сделано Болтиным, можно полагать, что и прочтение «къ мети» «Слова о полку Игореве» являлось прочтением Болтина.

К числу толкований, которые могли восходить к Болтину, были навеяны его размышлениями, можно предположительно отнести и объяснение во всех первых переводах «Слова» (включая и издание 1800 г.) слова «Карна» («карна») как имени половецкого «князя» или «предводителя». В «Критических примечаниях» на «Историю» Щербатова Болтин поместил следующее рассуждение: «Явственно, что наше слово «*кара*» и глагол «*караю*» происходит от первого венгерского слова («утрата», «вред», «труд», «беспокойство», «язва».— *В. К.*), а потому, вероятно, что и чин Кар, ежели подлинно то чин... имеет коренем своим оное же слово, хотя смысл ево, может быть, был и отличен от нынешних знаменований»[137]. Но если такое заключение мы вправе высказать только как предположение, то использование болтинского «Толкового словаря» Мусиным-Пушкиным впоследствии, когда граф стал его владельцем, кажется вполне естественным. Веским аргументом в пользу этого является привлечение графом при комментировании поэмы историко-географического словаря Болтина.

Впрочем, использование «Толкового словаря» Болтина, если оно имело место, должно было быть в высшей степени критическим. Об этом говорит следующее. В «Критических примечаниях» Болтина на «Историю»

Щербатова имеется объяснение слова «полк». «Необходимо прежде сказать,— писал Болтин,— что слово полк значило тогда не то, что ныне под ним разумеем, но целый корпус, целое войско, под начальством единого состоящее»[138]. Комментаторы поэмы в XVIII в. не пошли по пути столь, казалось бы, естественного объяснения этого слова, трактуя его как «сражение», а в первом издании — как «поход».

Высказывая по существующей традиции предположение о причастности Болтина к «переложению» «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве» и даже к подготовке текстов названных публикаций, мы хотим подчеркнуть, что в этих вопросах не следует преуменьшать роль самого Мусина-Пушкина. Является бесспорным тот факт, что в лингвистических упражнениях Российской академии графу отводилась далеко не последняя роль. Среди членов Академии он вместе с Болтиным пользовался высоким авторитетом. И. И. Лепехин в 1790 г. в своей речи по случаю завершения третьей части «Словаря» отметил Мусина-Пушкина, который «рассуждениями своими споспешествовал к общему труду и сообщил изъяснения на некоторые древние слова»[139]. Среди «изъяснений» графа — слова «думный дьяк», «думный дворянин», «задница», «воскресение», «молиць», «сажень» и др.[140] Помимо фактов, связанных с его участием в подготовке «Словаря» Российской академии, напомним, что граф подготовил «Книгу с словоударениях». Ее, как писал он в 1802 г. Д. И. Хвостову, «взял на рассмотрение покойный митрополит новгородский (Гавриил.— *В. К.*) и, не возвратя оной, скончался»[141].

Как писал Мусин-Пушкин Калайдовичу, ему несколько лет пришлось заниматься не только «разбором», но и «преложением оныя Песни на нынешний язык». Примеры с использованием «Родословника» Екатерины II и словаря Болтина для «Истории» Татищева делают вполне вероятной эту версию. После смерти своих наиболее квалифицированных сотрудников — Болтина и Елагина — Мусин-Пушкин должен был надеяться только на себя. Впрочем, как полагает Ф. Я. Прийма, в период между 1793—1797 гг. к работе по подготовке публикации мог оказаться причастным отставной дипломат, переводчик Я. И. Булгаков. В письме к сыну А. Я. Булгакову, относящемуся, правда, к 1806 г., отец, направляя ему первое издание поэ-

мы, сообщал, что «мы ее (ибо и я мешался) переводили; но половины слов и выражений сами не понимали» [142].

Нам представляется, что дальнейшая работа Мусина-Пушкина над подготовкой издания «Слова» оказалась тесно связанной с личной судьбой графа. А она, по всей видимости, после смерти Екатерины II оказалась не блестящей. В 1797 г. Мусин-Пушкин оставил все занимаемые им посты, лишившись полиграфической базы. С 1795 г. и вплоть до 1799 г., когда в Москве была напечатана без каких-либо изменений публикация Правды Русской 1792 г., граф ничего не издавал. Уход от активной деятельности мог оказать влияние на решение вопроса с изданием «Слова». Еще в 1796 г. были упразднены частные и ряд ведомственных типографий. Уйдя в отставку, граф лишил себя возможности пользоваться услугами типографий Синода, Академии художеств и Корпуса чужестранных единоверцев, что могло затруднить задуманное издание.

К этому надо добавить, что Мусин-Пушкин, по его собственному свидетельству, «не быв переложением моим доволен, выдать оную (Песнь.— *В. К.*) в печать не решился» [143]. Наконец, Мусин-Пушкин явно не спешил с публикацией, стремясь к обеспечению личного приоритета в деле введения поэмы в общественный оборот. Иначе невозможно объяснить тот факт, что о находке «Слова» граф вплоть до его издания официально не уведомил даже Российскую академию, активным сотрудником которой он являлся в первой половине 90-х годов XVIII в. Между тем ясно, каким важным подспорьем могла быть поэма в составлении академического словаря. Ведь еще в 1783 г. Академия «для достижения сего намерения (подготовки «Словаря».— *В. К.*), при малых пособиях, каковые отыскать можно в печатных и письменных сего рода собраниях, почла за лучшее средство дополнить оные словами, выбираемыми из всех книг церковных и светских сочинений, разных летописей, законов, как древних, так и новейших, записок путешественников...» [144]. Вспомним, как позже Мусин-Пушкин болезненно прореагировал на предложение английского посла Дугласа продать Лаврентьевскую летопись.

Следующий этап подготовки издания «Слова» оказался связанным с переездом Мусина-Пушкина в 1798 г. [145] из Петербурга в Москву. Граф сообщал Ка-

лайдовичу, что после переезда «увидел я у А. Ф. Малиновского, к удивлению моему, перевод мой очень в неисправной переписке, и, по убедительному совету его и друга моего Н. Н. Бантыш-Каменского, решился обще с ними сверить преложение с подлинником и, исправя с общего совета, что следовало, отдать в печать»[146]. Анализ всех известных источников о подготовке публикации поэмы на завершающем этапе не раз предпринимался в нашей литературе, поэтому мы не будем на этом останавливаться[147]. Приведем только ряд новых данных, связанных с использованием на завершающем этапе работы упоминавшегося выше словаря Болтина к «Истории» Татищева.

Прежде всего любопытна судьба тех комментариев в Е, которые, как мы уже установили, восходили к труду Болтина, В П комментария 8 к тексту поэмы нет. Зато в предисловии при упоминании р. Суугли (Суурли) сделано примечание, почти дословно повторяющее текст о ней в словаре Болтина (только после слова «река» включено «сия» и изменен порядок слов в конце на: «где и встретились с половцами») вплоть до отсылки на Татищева[148]. Однако текст примечания в П далек от татищевского, где всего лишь сказано, что Игорь Святославич «перешел Донец, пошел к реке Осколу и тут ожидал брата Всеволода 2 дня, который шел из Курска другим путем, и, совокупясь, пришли к реке Салнице, тут пристали к ним скоуеды... Тако согласясь, пошли к ним чрез всю ночь и наутрие в пяток около обеда увидели половцев в собрании, которые, убирая станы свои, отступили назад далее, а русские стояли за рекою Суугли...»[149].

Комментарий 10 в Е, превратившись в примечание 11 в М, отразил дефиницию в редакции Малиновского: «Русское селение на границах к половцам лежащее»[150]. Однако в П это примечание в характеристике топонима еще больше, чем в Е, приблизилось к дефиниции словаря Болтина: «Русское село в области Переяславской на границе к половцам лежащее, близ реки Ольты. Татищ[ев]. Часть III, стр. 120»[151], отразив повторное знакомство с трудом Болтина уже непосредственно в процессе подготовки П.

Комментарий 29 в Е претерпел в М и П существенное изменение. Уже в 1794 г. в исследовании о Тмутараканском княжестве Мусин-Пушкин писал: «Шуракань — город половецкий на Донце, вероятно, что на-

звание свое имеет так же, как и Сугров, от имени князя их Шуракана, о котором в летописях упоминается под летом 1107. В 1111 году князья русские, воюя с половцами, взяли окуп с сего города. Татищевой истории кн. 2, стр. 207»[152]. Поэтому примечание в П, освобождаясь от воздействия комментария в Е и словаря Болтина, приобрело иной вид, предложив довольно смелую и верную интерпретацию текста Татищева: «...о Шуракане в летописях под 1107 годом упоминается, что по имени сего князя назван был половецкий на реке Донце город, с которого в 1111 году русские взяли окуп. Татищ[ев], част[ъ] II, стран[ица] 204»[153].

Комментарий 49 в Е был несколько переработан Малиновским, что нашло отражение в М. В П текст был еще раз отредактирован, причем с повторным обращением к Е или к рукописи словаря Болтина (об этом свидетельствует появившаяся в П ссылка на Татищева, отсутствовавшая в М)[154].

Таким образом, примечания в П отразили повторное знакомство издателей с трудом Болтина, уже непосредственно на этапе подготовки публикации к выходу в свет. Тогда же по словарю Болтина было подготовлено и еще несколько примечаний. Одно из них касалось упоминания в «Слове» города Плесньска (Пленска), который определялся со ссылкой на Татищева как «город Галичского княжества, смежный с Владимиром на Волыне.— Татищ[ев]. Часть III, стр. 287 и 288»[155]. Однако на указанных страницах у Татищева о городе говорилось следующее: «Роман ... поехал наперед ко Пленску, велел оный войску захватить» и «Романовы посланные, пришед к Пленску, требовали оной...»[156] Зато текст примечания почти дословно повторил соответствующее место словаря Болтина: «*Пленск* — город Галицкого княжения, смежный Владимирскому. [Татищев]. [Часть]III, [стр.]288»[157]. Издатели, как видим, лишь изменили редакцию, добавив ссылку на еще одну страницу Татищева, где упоминался город.

Еще одно примечание в П — о р. Немиге — также представляет собой сокращенный вариант болтинского словаря о р. Немоне.

Первое издание «Слова»	*Словарь Болтина*
Немига, что ныне *Немень*, между Минска и Полоцка.— Татищ[ев]. II част[ь], 119 стр.[158]	*Немонь* — река в полоцкой области, между Минска и Полоцка; в 1066 году на сей реке было сражение между полоцкого князя

Всеслава Брячиславича и между Изяслава, Святослава и Всеволода Ярославичев, на котором последние победу одержали. [Татищев]. [Часть] II. [стр.] 119 [159].

Это примечание также только формально связано с Татищевым, на указанных страницах труда которого р. Немига всего лишь упоминается.

Наконец, еще одно примечание в П — о р. Стугне — также может восходить к словарю Болтина. О ней Болтин сообщал ряд данных, в том числе и о том, что «на сей реке под Триполем Ростислав к[нязь] Переяславский бежал от половцов, преследующих российское побежденное войско, утонув в 1093 г.» [160] Примечание в П, как и в словаре Болтина, не содержит ссылки на Татищева, оно представляет собой несколько видоизмененную редакцию болтинского определения, дополненную генеалогической справкой: «Юный князь Ростислав, сын великого князя Всеволода I и великия княгини Анны, дочери половецкого князя, утонул на реке Стугне 1093 года, когда там разбиты были российские войска от половцев» [161].

Любопытна судьба и еще одного примечания в П — к выражению «изъ луку моря». В нем объяснялось, что «лука» значит «кривизна, излучина» [162]. Переводы «Слова» XVIII в. толковали это выражение как «из дна моря», «залив морской» [163]. В 1792 г., описывая поход Игоря Святославича 1185 г., Елагин упомянул «лукоморье», объяснив его как «край моря и, конечно, Азовского, ибо Дон в него впадает. Вся страна между Донца и Дона и к самому заливу сему кочевьем половцев и других таких кочевых народов была наполнена». Рассказ Елагина о событиях 1185 г., по всей видимости, заинтересовал Мусина-Пушкина в процессе подготовки к изданию «Слова о полку Игореве». Об этом говорит карандашный маргиналий напротив текста «Опыта» о возвращении Игоря Святославича из плена: «до сих пор выписать» [164]. В одном из комментариев к изданию «Поучения» Владимира Мономаха слово «лука» объяснялось, как и в П, как «кривизна, извилина, излучина» и даже отмечалось, что «оттуда произошли речения Лукоморие, Лукоречие, прямая лука, кривая лука» [165].

Словарь Болтина содержал топоним «Лукоморие». В нем было приведено одно из мест Татищева. Упоми-

ная половцев «Лукоморских», он писал, что они, «видимо, меж Дона и Днепра, подле Черного моря жили. Лукоморие бо и Поморие одино есть, как другое Лукоморие на Севере именует [примечание] № 319», а в указанном примечании писал: «Лукоморие есть у русских древнее имя, значит, приморское место, как здесь именует самоядов меж Печоры и Оби... також на Белом море лопари Лукоморские у Колы на западной стороне и еще при Черном море, где половцы жили Лукоморские»[166]. Болтин в словаре, старательно записав соображения Татищева, тем не менее выразил свое несогласие с ним: «Т[атищев] думает, что Лукоморие и Поморие есть одно, но мне видится, есть разность. Поморие есть всякой[167] берег морской, а Лукоморие — тот берег, которой окружает залив морской, то есть имеющий фигуру дуги или лука, а потому и Лукоморием назван, сиречь морской берег, фигуру лука представляющий»[168]. Можно предположить, что болтинский словарь был использован при объяснении слова «лука» в издании «Поучения» Владимира Мономаха, откуда это толкование внесено в П.

Очевидно, в комментировании поэмы на заключительном этапе издателями руководило и стремление дать определенные ответы на остро дискутировавшиеся в то время исторические и лингвистические проблемы. Об этом говорит появившееся впервые в П примечание к выражению «не кресити». «Ясное здесь знаменование глагола *крешу*,— говорится в примечании,— доказывает, что слово *Воскресение* точно от того происходит»[169]. Это был откровенный отклик на вспыхнувший в январе 1792 г. в Российской Академии спор между Т. С. Мальгиным и Болтиным о производстве слов «воскрешать» и «воскресить». По мнению Болтина, корнем слова «воскресить» является «крес» — «жизнь, бытие, или явь, явленность, зримо», тогда как Мальгин толковал «крес» как «огонь» и только иносказательно — как «воссияние, восстановление из мертвых»[170]. Мусин-Пушкин, таким образом, ставил точку в давнем споре, поддерживая авторитет Болтина, а возможно, используя и «Толковый словарь» ученого.

* * *

Уже современникам было очевидно, сколь велико оказалось культурное, источниковое, политическое значение подготовленных кружком Мусина-Пушкина пуб-

ликаций. Но, пожалуй, не меньший интерес представляет сам тип рассмотренных выше изданий. Характеризуя этот тип, мы остановимся прежде всего на таком важнейшем его показателе, как принципы воспроизведения кружком текстов исторических источников. Этот вопрос — один из наиболее принципиально важных и спорных по причине сложности его рассмотрения из-за отсутствия необходимого круга источников для освещения. По существу, чтобы сделать какое-либо заключение на этот счет, мы должны опираться только на издание «Поучения» Владимира Мономаха. Сохранившаяся рукопись этого памятника дала возможность Д. С. Лихачеву провести тщательное текстологическое сопоставление и охарактеризовать принципы передачи текста в этой публикации кружка.

Но, прежде чем остановиться на выводах Д. С. Лихачева, вспомним, что конец XVIII — начало XIX в.— время выработки и становления единых норм русского литературного языка, включая алфавитную, орфографическую и синтаксическую системы [171]. Однако эти процессы протекали не безболезненно. Русский язык стал своеобразным «полем сражения», и все, что было связано с ним, «представлялось исполненным значения — здесь не было внешнего или незначительного» [172].

Хорошо известные споры между «шишковистами» и «карамзинистами» по вопросам языка были лишь надводной частью того огромного айсберга, который символизировал разные подходы к истории и проблемам упорядоченности современного русского языка. Естественно, что при такой ситуации тексты документов далекого и недавнего прошлого неизбежно должны были быть вовлечены в это «сражение». В системах их графики, орфографии, пунктуации одни пытались найти некие традиции, требующие поддержки, другие стремились к решительной ломке языковых норм прошлого, внесению в тексты новых, подчас сугубо индивидуальных, языковых норм.

Текст источника в результате представлялся не только как «свидетельство» о прошлом. В глазах публикаторов он становился и живым отголоском исчезнувших или несправедливо забытых языковых норм и полигоном для языковых новаций. Иначе говоря, вопрос о принципах воспроизведения текста источника приобре-

тал значение не только самостоятельной археографической проблемы. И «буквальное» или «дипломатическое» издание, и издание «критическое» неизбежно рассматривались через призму споров вокруг исторических основ, современного состояния и будущего развития русского языка. Понятие «точность воспроизведения текста» источника в силу этого становилось не только понятием археографическим, оно приобретало более широкий, общекультурный смысл.

Уже в выборе графики воспроизведения текста источника мы видим в исследуемый период стремление издателей к идеологической, культурной или научной определенности своих публикаций. В этой связи отметим важную особенность двух публикаций кружка — Правды Русской и «Поучения» Владимира Мономаха, напечатанных церковнославянским шрифтом. Подобное явление уникально для светской археографической практики не только предшествующего, но и последующего времени.

Еще с петровского времени характер текста (гражданский или религиозный) определял тип графики (гражданский шрифт или церковный шрифт). Это положение оставалось в силе и в конце XVIII — начале XIX в. Даже в 1830 г. Синод «нашел неприличным» употребление «в романе или других светских книгах церковной печати, существующей для одних богословских и духовного содержания книг» [173]. Естественно, что существовал и обратный запрет: публикация религиозных сочинений гражданской печатью.

Указанное обстоятельство не могло не отразиться на выборе графики при публикации источников. Поэтому попытки использования церковнославянского шрифта для передачи языковых, палеографических особенностей источников при их публикации (что в практическом отношении было наиболее реально и экономично, учитывая большую распространенность такого шрифта в исследуемое время) неизменно должны были встречать запрет или требовали санкции духовного ведомства. Отголосок такого запрета мы видим в оленинско-ермолаевском проекте издания летописей, в котором авторы не без сожаления были вынуждены отказаться в своем «буквальном» издании от церковнославянского шрифта, говоря, что «церковная печать запрещена в светских типографиях» [174].

Две названные публикации кружка явились исключением из существующего порядка. Выбор для них шрифта, несомненно, объясняется стремлением издателей использовать возможности церковнославянского шрифта Синодальной типографии для придания хотя бы внешнего впечатления древности текстов того и другого памятника. Но сама такая возможность была обусловлена только положением Мусина-Пушкина как обер-прокурора Синода. Она, например, уже исключалась после отставки графа при подготовке к изданию «Слова о полку Игореве», набранного гражданским шрифтом.

В еще большей степени на точность воспроизведения текстов источников оказала воздействие орфографическая ситуация в русском языке конца XVIII — начала XIX в. Как и графика, орфография в исследуемое время подчинялась богословско-догматическим и светским целям, в результате чего практически по всем вопросам орфографии существовали параллельные и дублетные формы, выбор которых «становился актом сознательного авторского самоопределения» [175]. Неустойчивость, разнообразие орфографических норм русского языка исследуемого периода нашли свое отражение, например, в спорах по вопросам простановки прописных и строчных букв: «ю» или «у» после «ч», «ш», «щ»; «ы» или «и» после «к»; употребления «ѣ» вместо «е» и т. д. Аналогичная ситуация существовала и в синтаксической системе. В исследуемый период наблюдается усложнение пунктуационной системы за счет введения двоеточий, точек с запятыми, многоточий, тире и т. д. Одновременно в пунктуационной системе ярко начинают проявляться индивидуальные черты авторского «слога» [176].

Рассмотренные особенности воспроизведения текстов источников особенно ярко можно проследить в «Примечаниях» к «Истории государства Российского» Карамзина [177]. Покажем это на нескольких примерах публикаций историографом источников, находившихся в его непосредственном распоряжении и опубликованных, по его заверению, «слово в слово». Так, в издании Устава князя Ярослава о порядке надздора за благоустройством новгородских улиц (II, 108 *) Карамзин рас-

---

* Здесь и далее в скобках указываются номера тома и примечания «Истории» Карамзина.

ставляет по собственному усмотрению знаки препинания, исключает вышедшие из употребления буквы, широко вводит прописные буквы (в словах «Осмениномъ», «Прусы», «Тигожанамъ», «Нередицинамъ» и т. д.), раскрывает без оговорок сокращенные написания слов, буквенные обозначения чисел передает цифирью. Без оговорок модернизируется правописание («черезъ» вместо «чересъ», «другими» вместо «другыми», «немецкого» вместо «немечкого»), исправляются описки или даются просто ошибочные чтения («Веральдова» вместо «Геральдова», «Осмениномъ» вместо «Осменикомъ», «Нередицинамъ» вместо «Нередицанамъ»). В публикации имеются два неоговоренных пропуска («а Цюдинцеве улице» и «прочь»)[178].

Эти же и ряд других особенностей воспроизведения текстов источников можно обнаружить при анализе изданных Карамзиным Устава князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных (I, 506) и Уставной грамоты новгородского князя Святослава церкви святой Софии (II, 267)[179]. Здесь можно встретить пропуск слова, никак не отмеченный («отъдания» — в Уставной грамоте князя Святослава), оговоренные в скобках и неоговоренные исправления, а также, возможно, просто неверные прочтения «(«свободамъ» вместо «слободамъ», «зелиинчство» вместо «зелии ничьство», «еретичьством» вместо «еретичьство», «не лзе» вместо «нелзе», «се же» вместо «Еже», «ис весы» вместо «извесы» — в Уставе князя Владимира, «даний» вместо «днии» — в Уставной грамоте князя Святослава), добавления предлогов «изъ» и «въ» в пятой и седьмой статьях Уставной грамоты князя Святослава, последовательное исключение знаков твердости и мягкости после согласных в середине слов (о словах «зърел», «възметь», «сорочька» Уставной грамоты князя Святослава и «восприяль», «първаго», «разверзъше, «въступатися» Устава князя Владимира), систематическое введение окончания «ий», замену предлога «ис» на «из» и «ю» на «у» после шипящих («чюдному», «режють»), замену «и» на «ы» в конце слов после шипящих, введение знака отвердения согласных в конце слов. В других случаях историограф заменял окончания «аго» на «ого», исключал знаки мягкости в конце слов после согласных «(«темъ» вместо «темь», «сняютъ» вместо «сняють»), смело заменял по смылу окончания, модернизировал правописание («Андрей», «Мономахъ», «русский»,

«Тверь», «завтра», «берегъ», «себя», «ярлыкъ» вместо «Ондрей», «Мономаш», «русстей», «Тферь», «завтрея», «брегъ», «собя», «ерлыкъ» и т. д.), даже вводил вместо слов, вышедших из употребления, их более понятные в исследуемый период синонимы (например, «клятва» вместо «правда»). Карамзин систематически стремился к раздельному написанию частиц типа «се», «же», «бо» и др.

Все это говорит о том, что для Карамзина публикация источников «слово в слово» не исключала отступлений от правописания подлинников, пропусков текстов, смысловых добавлений, оговоренных и неоговоренных исправлений.

Историограф стремился приблизить правописание публикуемых источников к современному, внести в тексты ту орфографическую упорядоченность, которая казалась ему правильной. Одни такие изменения соответствовали орфографическим нормам, существовавшим в исследуемый период, другие, например раздельное написание частиц, отразили индивидуальность правописания Карамзина. Вместе с тем историограф в своих публикациях далеко не последователен в стремлении к орфографической упорядоченности. В текстах, помещенных в «Примечаниях», мы встречаемся со случаями сохранения орфографических норм подлинников и даже их нарочитой архаизацией. Оправдывая и такой подход, историограф писал, что «в слоге нашем закоренела пестрота, освященная древностью, так что мы и ныне в одной книге, на одной странице пишем, злато и золото, гладь и голод, младость и молодость, пию и пью» (V, 240).

В подавляющем большинстве случаев публикации с сохранением орфографических норм подлинников были осуществлены историографом по копиям, предоставленным современниками,— здесь Карамзин вольно или невольно следовал за их принципами воспроизведения текста источников. Не случайно приближение к древнему правописанию мы видим в его публикациях грамоты князя Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю (II, 256) и «Сказания» Кирилла Туровского о монашеском чине (II, 256): копия первой была сообщена ему Евгением Болховитиновым, а второго — Калайдовичем.

Публикация источников в «Примечаниях» к «Истории» Карамзина в целом все же основывалась на орфо-

графических нормах конца XVIII — начала XIX в., скорректированных индивидуальными орфографическими представлениями самого Карамзина. Эти индивидуальные черты Карамзина как публикатора проявились и в его стремлении упорядочить тексты источников особой, в значительной степени присущей только ему, пунктуационной системой. Она в «Примечаниях» оказалась менее богатой, чем в основном тексте «Истории». В ней, например, отсутствовали тире, многоточия (исключая случаи, когда историограф указывал на пропуски в текстах источников). Однако с помощью курсивных выделений, запятых, точки с запятой, двоеточия, вопросительного и восклицательного знаков историограф придавал публикуемым текстам источников эмоциональную окраску, экспрессию, особый ритмико-интонационный строй.

Издавая «Поучение» Владимира Мономаха, Мусин-Пушкин заявлял, что в публикации «не только речение, но ниже буква не проронена». Однако, как отметил Д. С. Лихачев, «издатели довольно решительно приноравливали текст «Поучения» к орфографической системе церковнославянской печати второй половины XVIII в.» Д. С. Лихачев установил определенную методику передачи текста «Поучения» кружком Мусина-Пушкина, элементами которой являлись: разбивка текста на слова, раскрытие сокращенных написаний, восстановление пропущенных букв, простановка знаков препинания, «ъ» в конце слов, оканчивавшихся на согласные, замена «ю» на «у» после «ч», «ш», «щ», «ы» на «и» после «к», расстановка «ѣ» согласно орфографическим нормам XVIII в., введение диакретических знаков церковнославянского набора, замена русских форм церковнославянскими («луче» на «лучше» и др.) и т. д. Одновременно наблюдается и неустойчивость ряда исправлений текста: замена «ь» на «ъ», простановка «ѣ»; смягчение слов (печална→печальна, меншими→меньшими, толко→только, детми→детьми). Имеются несколько случаев неверного прочтения и разделения слов, исправления смыслового характера [180].

Характеризуя в целом публикацию «Поучения», Д. С. Лихачев обоснованно заключает, что принципы воспроизведения в ней текста были далеко не «дипломатическими», как можно было бы подумать на основании заверений издателей в предисловии.

Аналогичную картину мы видим и в публикации Книги Большому Чертежу. В предисловии издатель заверял, что географические названия переданы, «как я нашел в рукописи древней». Однако далее сообщалось, что он «тщился, сколько можно, исправить оные» с помощью тех двух списков источника, которые были представлены «одной любопытной особой». Издатель выражал сожаление в том, что и эти списки нередко имели «во многих местах недостатки». Поэтому он «принужденным себе нашел оставить многие имена неисправленными», поскольку многие географические названия не нашел даже в современной справочной и географической литературе и на картах. В то же время издатель заверял в тщательности, осторожности своих поправок, стремясь ими «не загладить следов древних языков, из коих, может статься, и правильно оные в старину так имяновали: в противном случае знатоки различных языков да благоволят потщиться сами оные очистить, ибо всяко ведает, что одному всего сделать невозможно»[181].

Сравнение издания Книги Большому Чертежу со списками, близкими к списку, положенному в его основу, было проведено К. Н. Сербиной, которая выявила ряд исправлений, дополнений и пояснений, сделанных без каких-либо оговорок[182].

С учетом этого вернемся вновь к изданному кружком тексту Правды Русской.

Принципы передачи текста Правды Русской были изложены сотрудниками Мусина-Пушкина в предисловии к публикации. В толковании этих принципов у исследователей до сих пор нет единого понимания из-за противоречивости на первый взгляд формулировок предисловия.

Предисловие
к Правде Русской 1792 г. издания

Текст законов точно так напечатан, как он в рукописи находится, без всякия перемены не только в словах, ниже в одной букве, равно и статьи разделены также как и там, но прибавлены токмо числа главам и статьям для удобнейшего приискания мест в случае ссылки на них[183].

Где нашлись в списке, которому мы следовали, упущения в словах, небрежением писца учиненныя, а в других списках оные слова находятся, те мы внесли в текст без всякого усумнения, находящиеся ж в других списках отмены в словах и целых речах, показали токмо в примечаниях[184].

Далее издатели сообщали, что они оставляли в точности последовательность статей основного списка, а также последовательность его «слов или речей».

Таким образом, как в «Поучении», так и в публикации Правды Русской мы встречаем заверения в точности передачи текста издаваемого списка. Однако «Поучение» у издателей находилось в единственном списке, в то время как Правда Русская — в шести. Поэтому появилась вторая формула предисловия, вносящая существенные коррективы в первую формулу, как и в издании Книги Большому Чертежу. Из нее следует, что сотрудники Мусина-Пушкина, сравнивая основной список с остальными пятью, обнаруживали в первом «упущения», т. е. пропуски слов, которые они вносили из других списков в издаваемый основной текст «без всякого усумнения», а значит, надо думать, и без оговорок. С другой стороны, заверяли издатели, «отмены в словах и целых речах», т. е. варианты чтения различных списков на уровне целых слов и выражений, а не разночтений в правописании, даны ими в примечаниях. Таких примечаний, как мы отмечали выше, было дано восемь.

Чтобы понять суть правил издания, изложенных сотрудниками Мусина-Пушкина в предисловии, есть смысл кратко охарактеризовать состояние проблем критики и текстологии источников в отечественной историографии конца XVIII — начала XIX в.

Историческая мысль того времени выдвинула ряд методических приемов, исходивших из общей посылки об источнике как продукте психической деятельности человека и потому несущем на себе отпечаток его страстей, заблуждений и суеверий. В результате источник представлялся, во-первых, как свидетельство или совокупность свидетельств о реальных и фантастических, подлинных и вымышленных событиях прошлого; а, во-вторых, как неустойчивый, подверженный в процессе многочисленных переписок сознательным и бессознательным искажениям материальный остаток прошлого. В лучшем случае такие представления не распространялись на законодательный и актовый материал и документы официального происхождения.

Эти две особенности источника, отмеченные уже А. А. Шлецером, вызывали необходимость решения двух взаимосвязанных задач: текстологической, выразившейся в идее «очищения» источника, и аналитической, при-

званной добывать из источника достоверные свидетельства о событиях прошлого.

Историографическая традиция устойчиво связывает постановку и попытку решения этих задач с трудом Шлецера, посвященным Начальной летописи, где они были изложены им в наиболее полном виде. Суть предложенной Шлецером методики критики Начальной летописи, вообще летописных и других источников, сохранившихся в списках,— в их поэтапном изучении. Первый этап (по терминологии автора — «малая критика») заключался в «восстановлении» по всем известным спискам авторского текста источника. Второй этап («грамматическое и историческое толкование») предполагал прочтение источника, обеспечивающее точное понимание того смысла, который вкладывал в него автор источника. Третий этап («критика дел») предусматривал определение достоверности свидетельств автора источника. Первые два этапа Шлецер объединил понятием «низшей критики», третий этап назвал «высшей критикой» [185].

В учении о трехэтапном критическом анализе источников Шлецер, по существу, исходил из представлений, сформулированных в западноевропейских трудах по герменевтике. С одним из таких трудов русская историческая мысль получила возможность ознакомиться в 1813 г., когда был опубликован осуществленный А. С. Лубкиным перевод книги Снелля «Начальный курс философии» [186]. В этой книге содержались многие из тех положений, которые пропагандировал и автор «Нестора». О том, что шлецеровская методика представляла собой попытку приспособить классические положения герменевтики к русским источникам и что методы герменевтики были хорошо известны русской исторической мысли конца XVIII — первой четверти XIX в., свидетельствует и малоизвестная работа Лубкина «Начертание логики».

Исходя из общей посылки о «порче» текста источника в процессе его многократных переписок, но добавляя, что она может быть сделана по политическим и идеологическим мотивам — в интересах «секты», Лубкин дал классификацию искажений текста источника. Согласно Лубкину, они могут быть сделаны сознательно, преследуя определенные цели, «по необходимости» и случайно по причине простых описок нерадивых переписчиков. В соответствии с этим Лубкин предлагал целую систему

приемов «восстановления» подлинного текста источника и «угадывания подлинных мыслей автора», т. е., как и Шлецер, говорил о первых двух этапах критики источника.

Эта система, согласно Лубкину, должна сводиться к рассмотрению источника по нескольким правилам. Во-первых, необходимо сравнить «темные места» с предыдущими и последующими и на этой основе объяснить их. Во-вторых, следует дать «свод параллельных мест, где автор говорил о том же или о подобном предмете». В-третьих, по Лубкину, важно «приноровить» неясный текст источника с теми частями текста, с которыми тот имеет «какую-либо связь или отношение». В-четвертых, предлагал он, нужно сопоставить текст источника с «другими писателями», которые «будучи с ним (автором анализируемого источника.— *В. К.*) одинакого мнения и о том же предмете писали». В-пятых, Лубкин рекомендовал использовать на первых двух этапах критики источника различные «пособия» — книги, рукописи и т. д. «преимущественно перед другими одобряемыми» [187].

Татищев, Миллер, а затем Шлецер и Лубкин те элементы «науки критики» вообще, которым раньше придавалось значение только при решении филологических задач, впервые включили в систему установления достоверных свидетельств о событиях прошлого, подчинив их задачам исторического познания. Поэтому, может быть, именно эта новизна в подходе к критическому анализу источника предопределила тот факт, что в части «низшей критики» тому же Шлецеру удалось наиболее подробно изложить и частично реализовать свои методические соображения. Он, пожалуй, впервые подробно описал списки летописей, имевшиеся в его распоряжении, с помощью палеографического анализа попытался датировать их, разделить их тексты на «сегменты», отделить позднейшие дополнения, исправить описки, искажения и дать образец «очищенного Нестора». По существу, труд Шлецера стал первой в отечественной историографии серьезной работой по текстологии Начальной летописи.

Вместе с тем шлецеровский «очищенный Нестор» представлял собой искусственный, никогда не существовавший текст Начальной летописи, результат распространенных в исследуемое время неверных представлений о текстологии источников, а также субъективных взгля-

дов самого Шлецера. Как справедливо отмечал С. Н. Валк[188], все списки Начальной летописи представлялись автору «Нестора» равнозначными с точки зрения происхождения от утраченного подлинного списка «Летописи Нестора». По Шлецеру, разница между ними заключалась лишь в степени бессознательных искажений в процессе позднейших переписок «Летописи Нестора». Тем самым фактически не учитывалась возможность сознательной целенаправленной переработки Начальной летописи на разных этапах истории ее текста, существование ее различных редакций. Точно так же позже подошел к спискам Правды Русской и Карамзин. Для него ее Краткая редакция являлась всего лишь «обезображенным» списком подлинного текста древнерусского законодательного памятника[189].

Критерием «верности» того или иного чтения «Летописи Нестора» Шлецер сделал свой разум. «Отгадывая», по его собственному признанию, подлинные чтения текста летописца Нестора, он выбирал их то из одного, то из другого списка. Субъективность такого «отгадывания» усугублялась подчас неверными представлениями автора «Нестора» о варварстве, дикости древней истории Европейского Севера, а применительно к России — и норманизмом Шлецера.

Примечательно, что попытки реализовать идеи «восстановления» подлинного текста источника, как правило, оказывались безрезультатными. Опыт работы исследователей с источниками способствовал постепенному критическому восприятию одной из главных методических установок «Нестора» и того образца текста Начальной летописи, который был предложен в нем Шлецером. Однако вплоть до начала XIX в. эти идеи имели известную популярность.

Весьма показательно, что их мы можем встретить и у Болтина. Как Шлецер и Лубкин, Болтин пишет о необходимости «разобрать, очистить, образовать» «припасы» историка. Дальнейшие рассуждения Болтина проясняют эти общие посылки. Оказывается, коль речь идет о летописях, то их надо сравнить, исправить погрешности и «привести их в тот вид, в каком от сочинителей их были изданы», т. е. Болтин имеет в виду первый этап критического анализа. Далее, пишет он, необходимо найти «смысл сказуемого», т. е. фактически он говорит о втором этапе критической работы с источником. И, наконец, следующая задача, отмечает Болтин, состо-

ит в том, чтобы отличить «лжи от истины», сведения «вероятные» от «невероятных», «достоверные» от «недостоверных», «достойное предание от недостойного» [190].

Как и Шлецер, Болтин обнаруживает оптимизм в возможности «восстановления» источника. Рассуждая о «повреждении» летописей от переписчиков, он пишет, например, что оно «не столь велико, чтоб было трудно или невозможно его исправить». Сравнив списки, говорит он, их «удобно можно исправить — в том-то и состоит первоначальный и самый важный труд, предприемлющего писать историю» [191]. Вот почему, защищая «татищевские известия», Болтин, естественно, переносил свои представления о «восстановлении» текста источника и на принципы работы с ним своего выдающегося предшественника, когда писал, что Татищев «токмо исправлял погрешности и пополнял упущения из других летописей; свои ж мнения и рассуждения писал в примечаниях, а потому и повествование его достойно есть совершенныя доверенности» [192].

Сказанное дает нам основание вслед за С. Н. Валком видеть в предисловии к публикации Правды Русской идеи «очищенного» или «восстановленного» издания памятника. Характеризуя свою публикацию, издатели отмечали, что «изданные доныне в печать Ярославовы законы под имянем Русской Правды в 1767-м и 1786 годах, должны будут уступить сим издаваемым ныне, потому: 1) что они в самом существе своем полнее, исправнее, достаточнее всех прочих не только оных тиснению преданных, но и рукописных, доныне известных» [193]. Это замечание можно отнести как на счет основного списка, так и на счет стремления издателей сделать таковой свою публикацию. Однако письмо Мусина-Пушкина к Д. И. Хвостову (1802 г.) окончательно проясняет этот вопрос в пользу второго предположения. Говоря о публикации Правды Русской, граф замечал: «Изданные доныне под сим именем в 1767 и 1786 года Ярославовы законы весьма неполны, неисправны и недостаточны; но сие издание есть самого верного списка, сличенного со многими другими рукописями, пополненного и исправленного...» [194]

В том, что издателями руководило именно стремление превратить публикацию в наиболее полную, убеждает приведенный выше пример включения в нее особой статьи о холопстве.

Говоря о тексте публикации 1792 г., С. Н. Валк выдвинул гипотезу о том, что во многих случаях он представлял собой «склейку» чтений Пространной Правды с текстом Краткой Правды. Валк привел и конкретный пример такой склейки[195]. С аргументами Валка трудно не согласиться. Нам представляется, что на этот счет имеется подтверждение в комментарии к слову «ябетник» статьи о душегубстве. Объясняя это слово, издатели писали, что его «во всех списках Правды Русской, кроме Татищева, печатанного при Академии наук, нет...»[196]. Между тем в публикации 1792 г. «ябетник» имеется, что можно рассматривать в контексте приведенного выше свидетельства как вставку из татищевского издания.

Однако С. Н. Валк полагал, что эта своеобразная компиляция осуществлялась издателями на основе Воскресенского списка Правды Русской. Наши наблюдения позволяют с сомнением отнестись к этой стороне объяснений С. Н. Валка. Сопоставление всех четырех выявленных нами списков, бывших в распоряжении издателей, с публикацией Правды Русской, говорит о том, что любой из них, включая и пергаменный Синодальный, мог быть положен в основу издания, если исходить из того, что такой список мог пополняться чтениями из других списков, в том числе Краткой Правды, а публикаторов не волновали «микроразночтения» на уровне правописания отдельных слов.

Приведем примеры сопоставления издания 1792 г. с четырьмя выделенными нами списками.

Издание 1792 г.[197]

ѡ поклажаи. Аже кто поклажаи кладетъ оу когѡ любо, тута послуха нѣть, оу когѡ тотъ товаръ лежитъ; но аще начнетъ большимъ клепати, тому идьти ротѣ, оу когѡ лежало, какѡ толькѡ еси оу меня положилъ, занежѣ ему было годѣ, ялъ и хранилъ.

Синодальный I список[198]

О поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то тоу послоуха нетоуть; нъ оже начнеть болшимъ кльпати, томоу ити ротѣ оу кого то лѣжалъ товаръ, а толко еси оу мене положилъ, зане же емоу бологодѣлъ и хоронилъ товаръ его.

Синодальный II список[199]

ѡ покладаж(и). Аже кто поклаж(ь)и кладеть оу кого любо, то ту послуха нѣтуть; но еже начнеть бѡлшимъ клепати, тому ити ротѣ оу когѡ то лежалъ товаръ: а толко еси оу мене положилъ, зане же ему въ бологодѣль и хоронилъ товаръ тогѡ.

Синодальный III список[200]

О поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, то ту послуха нѣть нѡ оже начнеть бѡлшимъ клепати, тому ити ротѣ оу когѡ то лежал товаръ: а толко еси оу мене положилъ, зане же ему въ бологодѣлъ и хоронилъ товаръ тогѡ.

Воскресенский список[201]

ѡ поклажаи. Аже кто поклажаи кладеть оу кого любо, тета послоуха нѣтъ, оу кого тотъ лежить товаръ; но ѡже начнеть болшимъ клепати, тому итьти ротѣ; оу кого лежало: како толко еси оу мене положилъ, зане же емоу былогодѣялъ и хранилъ.

Как видим, текст этой статьи в издании ближе к Воскресенскому списку. Однако в публикации есть чтение («оу когѡ тотъ товаръ лежитъ»), которое нельзя рассматривать как вставку из другого списка и в то же время как восходящее к Воскресенскому списку, где это чтение имеется в иной редакции («оу кого тотъ лежить товаръ»). В данном случае перестановку слов этой фразы можно объяснить не восхождением публикации к Воскресенскому списку (ибо по сути такая перестановка ничего не меняет), а воздействием другого — основного списка, использованного для издания.

Но, пожалуй, наиболее убедительно о том, что в основе издания 1792 г. лежал не Воскресенский, а ныне неизвестный нам список Правды Русской, говорят два случая употребления в издании 1792 г. написания числительных. Издание 1792 г., набранное церковнославянским шрифтом, в системе передачи числительных следовало за рукописью, используя, как и в ней, буквенные и словесные их обозначения. В этом легко убедиться, обнаружив своеобразную «непоследовательность» обозначения числительных в издании 1792 г., которая присуща и спискам Русской Правды. Однако весьма примечательно, что в статье «А се покони вирьни», в целом используя буквенные обозначения числи-

тельных, издание в одном месте дает иное чтение: «А кони четыре»[202]. Во всех известных списках, в том числе Воскресенском и списках Краткой Правды, читается буквенное обозначение: «А кони 4». Трудно представить, чтобы в данном случае издатели прибегли к исправлению числительного, исправлению резко выпадающему из общей системы обозначения числительных в пределах даже одной статьи. Перед нами — «проскочившее» чтение основного списка.

В другом случае мы видим «обратную» картину. В статье «О накладѣхъ» издания 1792 г. читается буквенным обозначением: «12 гривенъ»[203], в то время как в Воскресенском — «дванадесять»[204], из чего можно заключить, что перед нами чтение не Воскресенского, а иного списка, лежавшего в основе издания Русской Правды.

Два приведенных случая употребления обозначения числительных дают основание, с одной стороны, отказаться признать в качестве основного списка, легшего в основу издания 1792 г., список Синодальный I, в котором читается «а кони 4», и список Воскресенский, в котором читается «а кони 4» и «дванадесять» (вместо соответственно «а кони четыре» и «12 гривенъ»). Следовательно, учитывая указание предисловия к публикации, мы должны признать, что в числе двух неизвестных нам списков, привлеченных к изданию, мог действительно по меньшей мере один быть пергаменным, легшим в основу издания 1792 г. В этом же или другом неизвестном списке читалось слово «сути» в главе «О накладехъ», поскольку соответствующее примечание публикации говорило об этом слове как имевшемся в «других списках» (т. е. в нескольких) (один из них — пергаменный Синодальный).

И Русская Правда, и Книга Большому Чертежу издавались кружком по нескольким спискам, что давало возможность осуществлять правку текста, опираясь на обширный текстологический материал. Иначе обстояло дело с изданиями «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве», известных кружку в единственных списках. Схожесть ситуации, в которой оказался кружок при подготовке двух последних публикаций, позволила Д. С. Лихачеву и Л. А. Дмитриеву обоснованно заключить, что принципы воспроизведения текстов названных памятников должны быть идентичными. А поскольку правила издания «Поучения» легко

устанавливаются при сравнении с сохранившимся подлинным текстом памятника в Лаврентьевской летописи, их можно с полным основанием перенести и на издание «Слова о полку Игореве». Исходя из этого, а также опираясь на текст поэмы в бумагах Екатерины II, Д. С. Лихачев и Л. А. Дмитриев охарактеризовали те приемы передачи текста, которые были использованы кружком при издании «Слова о полку Игореве». Эти приемы названными учеными рассмотрены настолько подробно и убедительно, что в настоящей работе нет смысла на них останавливаться.

Перейдем теперь к характеристике состава публикаций кружка, оказавшегося на уровне лучших образцов своего времени, а в ряде случаев и превосходящего их.

Уже первая публикация — Правды Русской — выделялась среди других изданий своего времени. Помимо предисловия, в ней имелись «переложение» древнерусского памятника на современный язык, текстуальные примечания, комментарии, алфавитный терминологический указатель. Те же элементы публикации (исключая указатель) имеются в двух других изданиях кружка — «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве». В последнем случае к публикации приложены «Поколенная роспись князей Рюрикова дома» и список опечаток. С точки зрения состава публикации первое издание древнерусской поэмы оставалось долгое время образцовым.

Все предисловия в публикациях кружка Мусина-Пушкина анонимны. Предисловие к Правде Русской написано от первого лица множественного числа: «нашли мы», «касательно до нас», «мы не оставим» и т. д. Предисловие к Книге Большому Чертежу рассказывает от первого лица единственного числа: «я не упоминая», «тщился я», «сделал я» и т. д. «Предуведомление» к «Поучению» Владимира Мономаха также написано от первого лица единственного числа: «собрал я».

Совсем иначе написано предисловие к первому изданию «Слова о полку Игореве». Оно также анонимно и к тому же обезличено, не имеет местоимений «я», «мы». Зато в нем прямо сказано, что рукопись поэмы принадлежит «издателю сего» Мусину-Пушкину, который «чрез старания свои и прозьбы к знающим достаточно Российской язык доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности и ныне по убеждению приятелей решился издать оной в свет»[205]. Сле-

довательно, граф выступал не только как публикатор но и как издатель, т. е. как человек, имевший издательскую программу, вкладывавший в ее реализацию собственные средства, выступавший в качестве организатора издательского процесса, формировавший коллектив своих помощников и осуществлявший сбыт печатной продукции [206].

Предисловия в публикациях кружка Мусина-Пушкина как бы наметили и закрепили в отечественной археографии основные и обязательные элементы любого предисловия к документальному изданию. В предисловии к публикации Русской Правды упомянуты предшествующие издания памятника, исключая крестининскую публикацию 1788 г., охарактеризован сам источник, обстоятельства его создания, имевшиеся в распоряжении публикаторов списки, правила издания. Аналогичные элементы имелись в предисловиях к изданиям Книги Большому Чертежу и «Поучения» Владимира Мономаха. В последней публикации в специальном «Примечании», предшествующем тексту источника, дано краткое описание рукописи Лаврентьевской летописи.

Сохранившиеся материалы дают нам возможность представить процесс составления предисловия к первому изданию «Слова о полку Игореве». В Е предисловия как такового нет, вернее, оно находится в комментариях к переводу, что может быть объяснено, как не раз отмечалось в литературе, разновременностью поступления бумаг к императрице. Это предисловие носит красноречивый заголовок «Содержание», т. е. имеет цель кратко охарактеризовать содержание поэмы. Однако на самом деле «Содержание» стало всего лишь беглой исторической справкой о событиях, связанных с походом Игоря Святославича в 1185 г. О памятнике здесь сказано очень кратко. Автор предисловия обращал внимание читателей лишь на то, что он создан на манер «ироической поэмы», в нем «сочинитель... воспоминает по поводу сего славные дела некоторых Российских князей», т. е. придавал оценке поэмы политическую окраску с монархическим оттенком, отмечал «скорбь россиян» от поражения, отраженную в «Слове о полку Игореве», наконец, подчеркивал причину поражения как следствие междоусобий русских князей [207].

Предисловие к Т имело иной характер. Его название «Историческое содержание сей поэмы» больше соответствовало назначению предисловия. Здесь кратко сказа-

но о походе и сражении, приведено в «переложении» несколько фраз из поэмы, сделана попытка датировать памятник временем «по возвращении» Игоря Святославича из плена в Новгород-Северский. В Т исключена попытка политической трактовки «Слова о полку Игореве», присутствовавшая в Е [208].

Предисловие в М более пространно. В нем подробнее сказано о походе, сражении и его последствиях. Расширилась содержательная характеристика памятника за счет упоминания «уныния России», «жалости» великого князя Святослава Всеволодовича, плача русских жен. Автор предисловия попытался охарактеризовать художественные достоинства поэмы, видя в ней «дух Оссиана», отмечал, что Россия и в древности имела своих талантливых бардов, сожалел, что неизвестно имя автора. Наконец, впервые в М появилось сообщение о том, что «подлинная древняя по почерку рукопись» принадлежит «некоторой знатной особе» [209].

Предисловие к П в своей основе повторяло предисловие к М. Но в нем появляется несколько новых сюжетов. Здесь рассказано о работе Мусина-Пушкина в течение нескольких лет над «переложением» поэмы, содержится обращение к читателям продолжить объяснение ряда «темных мест» памятника и, самое главное, появляется подробное, ранее несвойственное русской археографической практике, описание состава рукописи, содержавшей «Слово о полку Игореве» [210]. Правда, оставалась некоторая неопределенность в ряде моментов: бегло сказано о почерке, которым написано «Слово о полку Игореве», авторе, времени создания поэмы, наконец, полностью отсутствует изложение правил передачи текста памятника (что, как могли мы убедиться выше, было нехарактерно для публикаций кружка Мусина-Пушкина). И тем не менее предисловие к П по набору элементов можно считать классическим для своего времени: за небольшим исключением (публикации В. Н. Татищева, В. В. Крестинина, С. И. Башилова, А. Л. Шлецера) ни одна предшествующая публикация не давала такого разнообразного и емкого материала о памятнике.

Одной из примечательных особенностей публикаций кружка являлось наличие в них наряду с древнерусскими текстами источников параллельных переводов их на современный русский язык. Идея «переложения» древнерусских источников в России была высказана

впервые Татищевым, который реализовал ее в своих изданиях Правды Русской и Судебника 1550 г. Кружок возродил эту идею. Такими переводами или «переложениями» снабжены подготовленные Мусиным-Пушкиным и его сотрудниками издания Правды Русской, «Поучения» Владимира Мономаха и «Слова о полку Игореве».

Параллельная публикация подлинного текста источника и его «переложения» знаменовала новые аспекты осмысления источника общественной мыслью России. Для сторонников такого издания оригинальный текст источника и его перевод выступали в неразрывном единстве с точки зрения содержания, были призваны как бы дополнить друг друга, обеспечить знакомство с источником как читателей — знатоков древнерусского языка, так и людей, просто заинтересовавшихся прошлым. «Переложения» становились своеобразным средством популяризации содержания, художественных достоинств древнерусских источников. Не случайно позже свой перевод «Слова о полку Игореве» Н. Ф. Грамматин объяснял тем, что оригинальный текст «самая большая часть читателей не в состоянии понимать» [211], а Н. Попов, публикуя перевод Летописи Саввы Есипова, замечал, что он «на обыкновенном наречии может послужить изъяснением самого подлинника, если позволят обстоятельства издать оный в таком виде, в каком содержится в рукописи» [212].

С другой стороны, популярность идеи «переложения» источника объясняется подходом к нему как «остатку» прошлого, важному своим эстетическим, художественным значением. В условиях, когда русская литература переживала сложные процессы, связанные с отмиранием классицизма, расцветом сентиментализма, зарождением романтизма, полемикой между сторонниками «старого» и «нового» слога, переводы источников становились актом самостоятельного литературного творчества, в процессе которого можно было, опираясь на художественные, языковые и другие особенности источников, сохраняя более или менее полно и точно их содержание, пропагандировать и отстаивать собственные литературные и языковые симпатии и убеждения. Переводы становились своеобразным средством в литературной борьбе. Не случайно автором одного из переводов «Слова о полку Игореве» стал лидер сторонников «старого слога» А. С. Шишков, которому противопоставили свои «пере-

ложения» Я. О. Пожарский и Н. Ф. Грамматин, сотрудники прогрессивных общественно-литературных объединений — ВОЛСНиХ и ВОЛРС.

Принципы, которыми руководствовался кружок при подготовке «переложений», в 1813 г. охарактеризовал Мусин-Пушкин. Во всех изданиях, отмечал он, «преложения с древнего слога на нынешний делал я не слово противу слова, но так, чтобы соблюдена была и точность смысла древнего и вкупе возможная ясность нынешнего...»[213] Граф, по существу, повторил указание предисловия к публикации Правды Русской, где, кроме того, особо подчеркивалось: «Толкование древних, из употребления вышедших слов делали мы с возможным вниманием и осторожностью, дабы не удалиться от подлинного их смысла, о тех же словах, кои мы по одной токмо догадке, то есть по смыслу речи толковали, в примечаниях наших не обинуясь сказали, что мнение наше о них не яко достоверное, но яко вероятное представляем»[214]. Иначе говоря, в своих переводах древнерусских источников члены кружка стремились к известной точности передачи их содержания («смысла»).

Кружок фактически явился основателем богатой традиции «переложений» «Слова о полку Игореве», в том числе и современниками открытия памятника. Помимо трех известных в настоящее время переводов этого памятника, осуществленных в XVIII в., до нас дошли еще пять прозаических «переложений»: в бумагах А. Ф. Малиновского, в первом издании, а также более поздние переводы Шишкова, Пожарского и Грамматина. Переводы кружка Мусина-Пушкина (не сохранившиеся первоначальный черновой перевод, перевод-протограф, легший в основу не дошедшего списка Т и списка М, списки перевода М, П, Е), а также три перевода XVIII в.. восходящие к Т, подробно рассмотрены Д. С. Лихачевым и Л. А. Дмитриевым.

Текстологический анализ сохранившихся переводов «Слова о полку Игореве» XVIII в. в бумагах Малиновского и в первом издании поэмы позволили исследователям нарисовать последовательный процесс «переложения» памятника, начиная от его открытия и кончая первым изданием. Согласно Л. А. Дмитриеву, перевод Е — наиболее близок к не дошедшему черновому первоначальному переводу. Вместе с тем Е оказался и наиболее близок к древнерусскому тексту, «повторяя явно

устаревшие и непонятные уже в то время слова и грамматические формы оригинала». Однако первоначальный перевод, по Дмитриеву, не сумел передать поэтическую сущность «Слова о полку Игореве» из-за введения многочисленных, подчас неуклюжих прозаизмов, громоздких синтаксических конструкций [215]. Первоначальный перевод вписывается в рамки тех методических установок, которым следовали члены кружка при переводе в 1792 г. Правды Русской и в 1793 г.— «Поучения» Владимира Мономаха.

Однако следующий перевод — Т — уже представлял собой дальнейший шаг вперед в улучшении «переложения». Его неизвестный автор стремился «очистить» древнерусский текст «от всяких пустяков, зделать приятным для чтения». По Л. А. Дмитриеву, Т более полно передает художественные стороны памятника, его поэтику. Одновременно в нем оказалось без «переложения» уже меньше слов и выражений, непонятных читателю XVIII в.[216]

Перевод в М, по Дмитриеву, еще больше, чем Т, приблизился к пониманию древнерусского текста, хотя в нем появились дополнительные слова и выражения, нарушавшие поэтическую стройность и лаконизм памятника. Сделанные в нем Малиновским исправления представляли собой дальнейшее осмысление оргиниального текста. Малиновский исправил ряд ошибочных толкований, провел стилистическую правку, более точно передал грамматические формы и т. д. «Переложение» стало еще ближе к подлинному тексту [217].

Наконец, перевод в П, по Дмитриеву, представляет собой наиболее точное и верное в сравнении с предшествующими переводами понимание древнерусского текста памятника. Большинство внесенных в него стилистических и смысловых изменений приблизили перевод к оригинальному тексту и одновременно лучше передали его художественные достоинства [218].

Сравнивая рассмотренные выше переводы, мы можем определенно заключить, что их авторы стремились по возможности точным «переложением» слов и выражений древнерусского текста «Слова о полку Игореве» сделать его доступным пониманию современного читателя. Поэтому хотя с самого начала памятник представлялся как литературное произведение, стремление передать в переводе его поэтические, художественные достоинства обнаруживается только с перевода Т. Инте-

ресно, что в Е и в Т переводчики проводили определенную стилистическую правку. В пределах каждого из этих «переложений» мы встречаем разные переводы таких не раз встречающихся в поэме слов, как «туга» и «крамола». «Туга» переводится и как «печаль, скорбь» (как и в «Словаре» Российской Академии), и как «тоска», «горести», а «крамола» то остается без перевода. то переводится как «ссора».

Установка на точность и ясность «переложения» первых переводчиков поэмы позже, как известно, встретила решительное возражение со стороны Шишкова. По его мнению, это уничтожает «красоту слога» памятника, ибо многие слова и выражения поэмы остались все равно в печатном переводе «темными», а, самое главное, «многие старинные слова и выражения, ныне мало или совсем неупотребительные, с переменою их на нынешнее наречие теряют силу свою и знаменование» [219].

По мнению Шишкова, древнерусский текст «Слова о полку Игореве» в том виде, в каком он сохранился, наполнен описками, иносказаниями, намеками, многое в нем недоступно для понимания «или по древности слога, или по неизвестности упоминаемых приключений». Поэтому точный его перевод, писал он, невозможен, в нем всегда будут «темные места», как и в оригинале. Не соглашаясь с первыми издателями поэмы в их стремлении к точности перевода, Шишков предложил иные принципы «переложения». «Сего ради,— пишет он,—разсудилось мне преложить или паче переделать оную (песнь.— *В. К.*) таким образом, чтоб, оставляя все красоты подлинника, без всякой, поколику можно, перемены слов, невразумительные места сократить или пропустить, прочие же, требующие распространения, дополнить своими приличными и на вероятных догадках основанными умствованиями» [220].

В ряде мест перевод Шишкова содержал более правильные чтения, чем перевод в первом издании поэмы. Однако важно в данном случае не это. Главное, что в целом перевод Шишкова представлял собой своеобразную стилизацию «Слова о полку Игореве» в духе его этимологических упражнений. Стремление Шишкова передать в своем переводе с консервативных языковых позиций «силу слога и красоту языка» в ущерб точному содержанию древнерусской поэмы вызвало решительные возражения со стороны Пожарского и Грамматина. Последний, касаясь шишковских принципов «переложе-

ния» поэмы, не без иронии писал, что «одни Гомеры имеют право поправлять равных себе, но переделывать Гомеров, как свет ученый стоит, никому в голову не приходило». «Переложение» Шишкова, писал далее он, «приличнее назвать переделкою, только на что похожа будет эта *творческая* переделка?»[221]. Вслед за Пожарским Грамматин свое «переложение» стремился сделать «слово в слово (разве когда не позволял сего новый русский язык, или слова от древности имели другое значение) так, чтоб оной мог заменить подлинник, от которого отделяла бы его одна грамматика»[222].

Примечания по содержанию (комментарии) — явление исключительное для предшествующего времени — в публикациях кружка Мусина-Пушкина становятся одним из важнейших элементов. По своей форме это были комментарии внутритекстовые, т. е. поясняющие источник непосредственно в тексте в скобках, подстрочные и послетекстовые, причем две последние формы преобладали.

Наиболее любопытен тип таких комментариев. В предшествующий период это были преимущественно комментарии терминологического характера, т. е. пояснявшие вышедшие из употребления слова и выражения источников. Однако уже Татищев в публикациях Правды Русской и Судебника 1550 г. придал своим комментариям историко-правовой характер. Несомненно, что под влиянием Татищева не только терминологический, но и историко-правовой характер придали комментариям и публикаторы Правды Русской в 1792 г. Готовя к изданию «Слово о полку Игореве», члены кружка Мусина-Пушкина сделали новый шаг в принципах комментирования исторических памятников. Здесь, как уже отмечалось, имелись пояснения не только терминологического, но и генеалогического, исторического, топонимического характера. Можно сказать, что такого числа и разнообразия комментариев, которые мы встречаем в процессе подготовки к изданию древнерусской поэмы (особенно в списках Е, Т, М) и в самом издании, не знала ни одна отечественная публикация предшествующего времени.

Принципы научного комментирования источников, отраженные наиболее полно в публикации «Слова о полку Игореве», были присущи и другим изданиям кружка. Однако важно отметить, что в издании «Поучения» Владимира Мономаха комментарии вышли за рам-

ки научных, приобрели и публицистическую направленность. Собственно, в этой публикации кружок выступил зачинателем ранее несвойственного отечественной археографии типа комментариев — публицистического характера.

Иначе обстоит дело с текстуальными примечаниями. В издании Правды Русской таких примечаний было дано восемь, тогда как их должно было быть много больше. В публикации «Поучения» Владимира Мономаха Мусин-Пушкин использовал более разветвленную систему текстуальных примечаний. Мы видим здесь примечания внутритекстовые (многоточия, отметившие не прочитанные издателями в трех местах части текста) и подстрочные — с указанием издательских вариантов чтений, возможных пропусков в рукописи, писцовых описок. Всего таких примечаний здесь 10. Причем одно из них особенно интересно. Еще А. Х. Востоков показал, что в мусин-пушкинском издании «Поучения» Владимира Мономаха находится пропуск, отмеченный отточием, в прочтении крещеного имени Владимира Мономаха (Василий). В текстуальном примечании граф заметил, что это имя прочитать в подлиннике невозможно, но по всем источникам следует, что должно читаться «Феодор». На этот счет Востоков писал, что причина, по которой граф не «смел разобрать здесь имени, весьма ясно написанного», заключалось в стремлении Мусина-Пушкина не противоречить Екатерине II, которая в своих «Записках касательно российской истории» назвала Владимира Мономаха Федором[223].

Публикация Книги Большому Чертежу лишена каких-либо примечаний, хотя они должны были быть, учитывая, что в распоряжении издателя находилось три списка памятника. Полностью отсутствуют текстологические пояснения и в издании «Слова о полку Игореве». Это нельзя не признать странным, тем более что граф отмечал сложность прочтения памятника.

Выработанный кружком тип публикаций исторических источников знаменовал собой более высокий в сравнении с предшествующим временем уровень археографической теории и практики, дальнейшее, более углубленное осмысление исторического источника. Кружок сделал существенный шаг в стремлении предоставить читателям своего времени разнообразный комплекс сведений о вводимых в общественный оборот памятниках отечественной истории. Не случайно археографиче-

ский опыт сотрудников Мусина-Пушкина стал предметом специального рассмотрения, творческого использования и дальнейшего развития в кругу сотрудников кружка Н. П. Румянцева.

[1] *Поленов Д.* О летописях, изданных от Синода. СПб., 1864. С. 6—33.

[2] Летописец новгородский, начинающийся от 6525/1017 году и кончающийся 6860/1352 годом. М., 1781; Летописец, содержащий в себе российскую историю от 6360/852 до 7106/1598 года, то есть по кончину царя и великого князя Феодора Ивановича. М., 1781; Летописец, содержащий российскую историю от 6714/1206 лета до 7042/1534 лета, то есть до царствования царя Иоанна Васильевича, который служит продолжением Несторову летописцу. М., 1784; Русский времянник, сиречь Летописец, содержащий российскую историю от 6370/862 лета до 7189/1681 лета, разделенный на две части. М., 1790. Ч. 1/2. В свете этого ошибочным является утверждение Г. Н. Моисеевой о том, что публикация «Русского временника» в 1790 г. была первым изданием кружка из «Собрания российских древностей» Мусина-Пушкина. См.: *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 108.

[3] Правда Руская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. Изданы любителями отечественной истории. СПб., 1792. С. II.

[4] Духовная великаго князя Владимира Мономаха детям своим, названная в летописи Суздальской Поученье. СПб., 1792. С. IV.

[5] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1900. Кн. 14. С. 391, 392.

[6] Цит. по: Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1956. Вып. 1. С. 195.

[7] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. 1. С. 446—447.

[8] [*Екатерина II*]. Подражание Шакеспиру. Историческое представление без сохранения обыкновенных феатральных правил, из жизни Рюрика. Вновь изданное с примечаниями генерал-майора Болтина. СПб., 1792. С. II.

[9] Правда Руская или законы... С. VII.

[10] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 142—149.

[11] Правда Руская или законы... С. 1.

[12] Там же.

[13] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 20.

[14] Там же. С. 28. Примеч. 1.

[15] *Аксенов А. И.* Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 232.

[16] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 2. Примеч. 65.

[17] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях... С. 142—144.

[18] *Никитин А. Л.* Болтинское издание Русской Правды // Вопросы истории. 1973. № 11. С. 54—58. А. Л. Никитин опирался также на соображения А. Т. Николаевой. См.: *Николаева А. Т.* Вопросы источниковедения и археографии в трудах И. Н. Болтина // Археографический ежегодник за 1958 год. М., 1960. С. 175—182.

[19] *Валк С. Н.* Еще о Болтинском издании Правды Русской // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 324—331.

[20] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли... С. 112, 113.

[21] Строев использовал его в публикации «Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г.» (М., 1820—1821. Ч. 1/2).

[22] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 167, 167 об.

[23] Там же. Л. 160.

[24] *Зимин А. А.* Из истории архивного дела в России // Вопросы архивоведения. 1965. № 3. С. 96, 97.

[25] *Сухомлинов М. И.* История Российской академии. СПб., 1885. Вып. 7. С. 158.

[26] *Елагин И. П.* Указ. соч. С. XXII.

[27] *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского // Славянские литературы. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 97.

[28] *Срезневский В. И.* Мусин-Пушкинский сборник 1414 г. в копии начала XIX века. СПб., 1893. В своей книге «Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли...» (с. 103, 108) Г. Н. Моисеева смешивает недошедшую пергаменную рукопись 1414 г., содержащую Похвалу великому князю Владимиру, с пергаменным юридическим сборником XIV в., включающим Пушкинский список Правды Русской, и ныне хорошо известный. Более того, обнаружив в конце юридического сборника два отрезанных листа, она предположила, что именно здесь должен был находиться текст «Похвалы Владимиру», копия которой, как указывалось выше, сохранилась. Совершенно очевидно, что первая ошибка послужила автору основанием для второго ошибочного предположения.

[29] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 1. Примеч. 110.

[30] Цит. по: *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского... С. 95.

[31] Там же. С. 96.

[32] Ответ его превосходительства барона Густава Андреевича Розенкампфа от 13 апреля 1824 г. // Сын Отечества. 1824. Ч. 18. С. 301.

[33] Там же. С. 303.

[34] Там же. С. 304, 305.

[35] *Валк С. Н.* Татищевские списки Русской Правды // Материалы по истории СССР. М., 1957. Т. 5. С. 610—621.

[36] ГПБ. F. II.118.

[37] Правда Руская или законы... С. 48.

[38] *Калачов Н. В.* Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. М., 1846. С. 93.

[39] Правда Руская или законы... С. 71.

[40] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 135.

[41] Правда Руская или законы... С. 79.

[42] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 136. См. также по указателю: Правда Русская. М.; Л., 1940. Т. 1.

[43] Правда Руская или законы... С. 85.

[44] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 103.

[45] Правда Руская или законы... С. 91.
[46] Правда Русская... С. 388.
[47] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 136.
[48] Правда Руская или законы... С. 99.
[49] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 116.
[50] Правда Руская или законы... С. 19.
[51] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 115.
[52] Правда Руская или законы... С. 65.
[53] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 89.
[54] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряду и вписанная в книгу 1627 года. СПб., 1838. С. IX.
[55] Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 37.
[56] *Николаева А. Т.* Указ. соч. С. 183—185.
[57] *Шанский Д. Н.* Из истории русской исторической мысли: И. Н. Болтин. М., 1983. С. 37, 38.
[58] *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература... С. 110.
[59] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в Разряду и вписанная в книгу 1627 года. СПб., 1792. С. I, II.
[60] Там же. С. XXII, XXIII.
[61] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 31 об.
[62] Там же. Л. 60.
[63] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 78. Д. 750. Л. 70.
[64] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 76 об.
[65] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства... СПб., 1792. С. VII, VIII.
[66] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794. С. 11.
[67] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 51 об. («Корсунь»); Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства... СПб., 1792. С. IX—XI.
[68] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 114 об. («Салница»).
[69] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства... СПб., 1792. С. XIII, XIV.
[70] Там же. С. XXI.
[71] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 29.
[72] Духовная... С. VI.
[73] ГПБ. Ф. 588. Д. 278. Л. 4.
[74] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 29.
[75] Духовная... С. 7.
[76] Там же. С. 8.
[77] Там же. С. 10.
[78] Там же. С. 11.
[79] Там же. С. 23—24.
[80] Там же. С. 25.
[81] Там же. С. 28—30.
[82] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 2. С. 253.
[83] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 29.
[84] Отрывок из рукописной Богословии Симеона Полоцкого, принадлежащей к наставлению царя Алексея Михайловича // Русский вестник. 1810. Ч. 10. № 4. С. 37, 38.
[85] Наставление Симеона Полоцкого царю Алексею Михайловичу // Русский вестник. 1810. № 5. С. 80.
[86] Отрывок из рукописи под заглавием «Грамоты от 1610 до 1613 года с присовокуплением некоторых замечаний» (Русский вестник. 1810. Ч. II. № 7. С. 21).
[87] Там же. С. 29.

[88] *Пыпин А.* Исторические труды имп. Екатерины II. // Вестник Европы. 1901. Кн. 12. С. 796.

[89] *Андреев А. И.* Труды Татищева по географии России // *Татищев В. Н.* Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 24, 25.

[90] *Татищев В. Н.* Избранные произведения. Л., 1979. С. 30.

[91] Ср.: Там же.

[92] *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX века. Л., 1980. С. 27, 28.

[93] *Козлов В. П.* «Слово о полку Игореве» в «Опыте повествования о России» И. П. Елагина // Вопросы истории. 1984. № 8. С. 30, 31.

[94] Дневник А. В. Храповицкого. М., 1901. С. 250.

[95] Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей. СПб., 1906. Т. 11. С. XXIV.

[96] Там же. СПб., 1901. Т. 10. С. 31, 47, 60, 88.

[97] Там же. С. 31, 47, 107, 135.

[98] *Моисеева Г. Н.* О времени ознакомления И. П. Елагина с рукописью «Слова о полку Игореве» // Вопросы истории. 1986. № 1. С. 170—172.

[99] Духовная... С. I—II.

[100] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 36.

[101] ОР ГПБ. F. IV.34/3. С. 325.

[102] Правда Руская или законы... С. 21.

[103] ОР ГПБ. Ф. 609. Д. 244. Письмо 3 (копия).

[104] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984. С. 107, 108.

[105] [*Екатерина II*]. Выпись хронологическая из истории русской. Б. м. Б. г.

[106] Цит. по: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»... С. 119.

[107] Там же. С. 119; *Моисеева Г. Н.* Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли... С. III.

[108] *Дмитриев Л. А.* История первого издания «Слова о полку Игореве». М.; Л., 1960. С. 301, 302.

[109] ГПБ. Ф. 609. Д. 244. Письмо 3.

[110] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 66—89.

[111] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 273—306.

[112] Ср.: Там же. С. 332, 333.

[113] Они частично указаны: *Соловьев А., Якобсон Р.* Слово о полку Игореве в переводах конца восемнадцатого века. Leiden, 1954. С. 24, 25 и др.; *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»... С. 108—115.

[114] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 331.

[115] Ср.: [*Екатерина II*]. Записки касательно российской истории. СПб., 1793. Ч. 5. С. 207, 208, 220, 223, 232; *Она же.* Выпись хронологическая... С. 125, 146, 173, 222.

[116] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 328.

[117] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 22 об. («Ворскла»).

[118] В Румянцевском: следы.

[119] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 146 («Хороль»). Мусин-Пушкин использовал словарь Болтина (в рассказе о реке Хороле) уже в исследовании о Тмутараканском княжестве, где писал: «Сия река достойна примечания тем, что отделяла половецкие станы от жилищ русских и что на ней бывали съезды для договоров с полов-

цами, которые частыми своими набегами разрушили селения, по сей реке находившиеся, и, наконец, все истребили. Большого Чертежа, стр. 151 и из письменного географ[ического] словаря г. Болтина» (*Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование о местоположении древняго Российского Тмутараканского княжения. СПб., 1794. С. XIX).

[120] Там же. Л. 121 об. («Сула»).

[121] Там же. Л. 124 об. («Суугли»).

[122] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 328.

[123] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 147 об. («Шеломыя»).

[124] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен. СПб., 1773. Кн. 3. С. 120.

[125] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 331.

[126] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 147 об. («Шуракань»).

[127] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен... М., 1773. Кн. 2. С. 207; примеч. 351.

[128] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 334.

[129] В Румянцевском: на зоре.

[130] В Бекетовском: Тамъ.

[131] В Румянцевском: и дон Труна.

[132] В Румянцевском: Теремивом.

[133] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 5, 5 об. «Боричев».

[134] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен... Кн. 2. С. 36.

[135] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793. С. 196.

[136] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 301, 302.

[137] *Болтин И. Н.* Критические примечания... на второй том... С. 233. Впрочем, подобный перевод мог быть просто навеян сочинением Болтина.

[138] Там же. С. 418.

[139] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. Вып. 7. С. 163.

[140] Там же. С. 157, 158—162.

[141] *Забелин И. Е.* Письма и записки от разных лиц к гр. Д. И. Хвостову // Библиографические записки. СПб., 1859. Т. 2. С. 238.

[142] Цит. по: *Прийма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе... С. 41, 42. Впрочем, «мешаться» А. Я. Булгаков мог и после 1800 г., когда поэма вышла в свет.

[143] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 36.

[144] Сочинения и переводы, издаваемые Российской академией. СПб., 1806. Ч. 2. С. 10.

[145] *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»... С. 99.

[146] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения... С. 37.

[147] Наиболее детально это сделано Л. А. Дмитриевым (см.: *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 57—76).

[148] Ироическая песнь... С. IV.

[149] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен... Кн. 3. С. 262.

[150] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 216.

[151] Ироическая песнь... С. 10.

[152] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое исследование... С. LXXII.

[153] Ироическая песнь... С. 26. Интересно отметить, что в примечаниях к П ссылки на Татищева не унифицированы: его книги называются то частями, то томами. Не является ли это указанием на разных авторов примечаний?

[154] Ср.: Ироическая песнь... С. 45; *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 242.
[155] Ироическая песнь... С. 23.
[156] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен... Кн. 3. С. 287, 288.
[157] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 91 («Пленск»).
[158] Ироическая песнь... С. 36.
[159] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 76 об.— 77 («Немонь»).
[160] Там же. Л. 120 об.— 121 («Стугна»).
[161] Ироическая песнь... С. 42.
[162] Там же. С. 22.
[163] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 322, 343.
[164] ОР ГПБ. F. IV.34/3. Л. 430.
[165] Духовная... С. 8.
[166] *Татищев В. Н.* История Российская с древнейших времен... Кн. 3. С. 301; Кн. 2. Примеч. 319 (с. 446, 447).
[167] В Румянцевском: великой.
[168] ГБЛ. Ф. 256. Д. 395. Л. 66 («Лукоморие»).
[169] Ироическая песнь... С. 20.
[170] *Сухомлинов М. И.* Указ. соч. Вып. 7. С. 17.
[171] *Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А.* Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1984. Т. 40. № 4. С. 313.
[172] Там же. С. 313, 314.
[173] Там же. С. 315.
[174] *Оленин А.* Краткое рассуждение об издании Полного собрания дееписателей // Сын отечества. 1814. Ч. 12. № 7. С. 24.
[175] *Лотман Ю. М.* и др. Указ. соч. С. 316.
[176] Там же. С. 320, 321.
[177] Далее приводятся примеры, когда в распоряжении Карамзина находились не копии, а подлинные тексты источников.
[178] Сравнение дается по кн.: Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 149, 150.
[179] Там же. С. 22—24, 147, 148.
[180] *Лихачев Д. С.* История подготовки к печати текста... С. 69—78.
[181] Книга Большому Чертежу, или Древняя карта Российского государства... СПб., 1792. С. XXII—XXIV.
[182] Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 36—39.
[183] Правда Руская или законы... С. VI.
[184] Там же.
[185] *Шлецер А. Л.* Нестор. Русские летописи на древлеславянском языке, сличенные, переведенные и объясненные. СПб., 1809. Ч. 1. С. VIII—XXVI.
[186] Начальный курс философии/Соч. г. Снелля. Казань, 1813. Ч. 1/2.
[187] *Лубкин А. С.* Начертание логики // Русские просветители (от Радищева до декабристов): Собрание произведений: В 2 т. М., 1966. Т. 2. С. 139.
[188] *Валк С. Н.* Еще о Болтинском издании Правды Русской... С. 327—328.
[189] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях... С. 150.
[190] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка... Т. 2. С. 1—3, 16—18; См. также: *Николаева А. Т.* Указ. соч. С. 166—175; *Шанский Д. Н.* Указ. соч. С. 68—76.

[191] *Болтин И. Н.* Критические примечания... на второй том... С. 74—76, 121, 122.

[192] Там же. С. 128.

[193] Правда Руская или законы... С. II.

[194] *Забелин И. Е.* Письма и записки от разных лиц к гр. Д. И. Хвостову // Библиографические записки. 1859. Т. 2. С. 238, 239.

[195] *Валк С. Н.* Русская Правда в изданиях и изучениях... С. 144.

[196] Правда Руская или законы... С. 7, 8.

[197] Там же. С. 47.

[198] Правда Русская... С. 127.

[199] Там же. С. 109.

[200] Там же.

[201] Там же. С. 377.

[202] Правда Руская или законы... С. 16, 17.

[203] Там же. С. 71.

[204] *Калачов Н. В.* Указ. соч. С. 135.

[205] Ироическая песнь... С. VII, VIII.

[206] *Кондакова Т. И.* Методологические и методические аспекты исследования проблемы формирования профессии издателя в России (XVIII в.) // Федоровские чтения, 1978. М., 1981. С. 185—197.

[207] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 325, 326.

[208] Там же. С. 336, 337.

[209] Там же. Фотокопия бумаг А. Ф. Малиновского. Л. 18 об.

[210] Ироическая песнь... С. VII.

[211] [*Грамматин Н. Ф.*]. Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII века на славянском языке прозою... М., 1823. С. 3.

[212] Летопись о Сибирстей стране и о взятии Сибири // Труды Вольного общества любителей российской словесности. 1822. Ч. 17, с. 7.

[213] ОР ГПБ. Ф. 583. Д. 247. Л. 1, 1 об.

[214] Правда Руская или законы... С. VII.

[215] *Дмитриев Л. А.* История первого издания... С. 273—277.

[216] Там же. С. 278—289.

[217] Там же. С. 289—296.

[218] Там же. С. 296—306.

[219] Сочинения и переводы, издаваемые Российской Академией. СПб., 1805. Ч. 1. С. 81.

[220] Там же. С. 201, 202.

[221] [*Грамматин Н. Ф.*] Слово о полку Игоревом... С. 83.

[222] Там же. С. 3.

[223] Сборник статей, читанных в ОРЯиС АН. СПб., 1868. Т. 5. Вып. 2. С. 253.

Заключение

Кружок Мусина-Пушкина и его исторические разыскания — одно из наиболее заметных явлений в общественной жизни России конца XVIII — начала XIX в.

Это было первое после В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова и Н. И. Новикова национальное общественное движение за сохранение и введение в общественный оборот широкого круга исторических источников. В его основе лежали прежде всего патриотические мотивы, стремление найти в древностях свидетельства и доказательства богатства и поступательного исторического развития России, высокого уровня ее культуры. В разысканиях Мусина-Пушкина и его сотрудников, пожалуй, впервые в России «радение» о памятниках прошлого приобрело столь широкие масштабы, организованность и нацеленность на поиск разнообразного круга источников, включая и материалы по истории XVIII в. Кружок Мусина-Пушкина стал первооткрывателем таких уникальных памятников, как «Слово о полку Игореве», Лаврентьевская летопись,— в их открытии и первых изучениях принимали участие не просто стремившиеся чем-либо занять свой досуг люди, а исследователи, всерьез занимавшиеся прошлым, понимавшие роль источника, стремившиеся заполнить с его помощью те «белые пятна», которые еще существовали в изобилии в истории их родины на конец XVIII — начало XIX в. Разумеется, не следует переоценивать отношение к источникам Мусина-Пушкина и его сотрудников. Для них первостепенную роль по-прежнему играли летописные, законодательные и актовые материалы, данные которых наиболее удобно укладывались в дворянскую концепцию исторического процесса. Вместе с тем Мусин-Пушкин уже прекрасно осознавал значение источников по истории XVIII в. и современности, о чем убедительно говорит состав его коллекции.

Коллекция древностей, собранная кружком, в конце XVIII — начале XIX в., видимо, была самой крупной

в России. В это время частные собрания существенно заполняли тот «источниковый вакуум», который существовал из-за ограничений доступа к государственным хранилищам и хранилищам учреждений духовного ведомства. Одним из побудительных мотивов коллекционирования являлось стремление иметь гарантированную основу исторических исследований. Не случайно поэтому нам известны многие коллекции этого времени, собранные историками. В их числе были М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, Н. М. Карамзин, Р. Ф. Тимковский, А. Ф. Малиновский, Н. Н. Бантыш-Каменский, К. Ф. Калайдович, П. М. Строев и др. На рукописи своего собрания ссылался П. И. Рычков. Н. И. Новиков использовал материалы коллекций П. К. Хлебникова, Н. Н. Бантыш-Каменского. В. И. Крестинин привлек частные архивы архангелогородцев Фомина, Свешникова, Зыкова, двинян Вахониных, Негодяевых. В начале XIX в. в научный оборот начали постепенно вводиться материалы из собраний Ф. А. Толстого, А. И. Сулакадзева, А. И. Ермолаева, П. П. Свиньина и особенно графа Н. П. Румянцева.

В подавляющем большинстве случаев возможности использования частных собраний являлись следствием тесных личных связей. Идея общедоступности частных собраний хотя и получила широкое распространение, но практически не была реализована. То же мы наблюдаем и с коллекцией Мусина-Пушкина. Отсюда использовали рукописи люди, хорошо его знавшие и близкие ему по образу мыслей. Среди них мы видим сочленов по кружку — Болтина, Елагина, известных в то время историков Оленина и Карамзина. По интенсивности использования материалов собрание графа можно сравнить с использованием уже в 10—20-х годах рукописей из коллекций Румянцева и Толстого. В конце же XVIII в. собрание Мусина-Пушкина являлось наиболее используемым среди других частных собраний России. Граф сам или с помощью своих друзей опубликовал отсюда Правду Русскую, «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», исследования Евгения Булгара, Болтина, Татищева, Книгу Большому Чертежу, письмо Сестренцевича-Богуша к Евгению Булгару, в начале XIX в. предложил ОИДР несколько летописей для издания. Помимо публикаций, были изготовлены копии ряда рукописей коллекции. Среди них — копии «Слова о полку Игореве», части одного из хроно-

графов, по меньшей мере три копии историко-географического словаря Болтина и др. Они изготовлялись для достаточно узкого круга лиц, среди которых мы видим Екатерину II, Храповицкого, Попова, Бантыш-Каменского.

В «Собрании российских древностей» Мусина-Пушкина было суждено начать новую жизнь и «Слову о полку Игореве». Конечно, не случайно памятник оказался в конце XVIII в. именно здесь. И сам граф, и его окружение прекрасно понимали цену каждому ранее неизвестному источнику, характеризующему ту или иную сторону отечественной истории, в том числе древнерусской, к которой они имели особый интерес. «Слово о полку Игореве» не оставило их равнодушными. После открытия поэмы кружок приступил к ее изучению и подготовке к печати. Не менее 10 лет продолжалась трудная работа по проникновению в мир гениальной поэмы, разбору ее текста, комментированию и переводу на современный язык, увенчавшаяся первым изданием памятника, ставшим одновременно самой заметной вехой в истории отечественной археографии рубежа XVIII—XIX вв.

Утрата собрания кружка в 1812 г. значительно обесценила усилия сотрудников графа и его самого в деле собирания, издания и изучения исторических источников. Однако важно подчеркнуть, что своим живым, заинтересованным участием в движении за их сохранение кружок вызвал к жизни другое, более молодое поколение, ставшее его преемником в деле разыскания древностей. В начале XIX в. эстафету мусин-пушкинского кружка приняло новое неофициальное общественное объединение — Румянцевский кружок.

Приложение

Реконструкция части собрания А. И. Мусина-Пушкина

В основу реконструкции положен ряд источников. Это прежде всего сведения, которыми мы располагаем о сохранившихся после 1812 г. рукописях А. И. Мусина-Пушкина. Они отразились в реестре коллекции Н. М. Карамзина, составленном в 1838 г. К. С. Сербиновичем [1], в описи Я. И. Бередникова рукописей, предложенных вдовой Карамзина в 1838 г. Археографической комиссии [2], в описи М. А. Коркунова рукописей, предложенных ему в ту же комиссию в 1838 г. В. А. Мусиным-Пушкиным [3], в реестре рукописей, переданных А. В. Мусиным-Пушкиным в Чертковскую библиотеку в 1866 г.[4], и описях рукописей, поступивших от сыновей Карамзина в 1867 и в 1878 гг. в Публичную библиотеку [5]. Использованы источники о коллекции, относящиеся ко времени до ее гибели. Это обзор коллекции, составленный Н. Н. Бантыш-Каменским [6], статьи о И. Н. Болтине, И. П. Елагине и других современниках Мусина-Пушкина, опубликованные в словаре русских писателей по варианту журнала «Друг просвещения», ссылки на рукописи из коллекции графа в его собственных трудах и публикациях, исследованиях Болтина, Елагина, Оленина, Карамзина, упоминания о материалах коллекции в дневнике А. Верещагина, письмах Мусина-Пушкина к Оленину, письмах П. А. Алексеева к Мусину-Пушкину. Привлечены также материалы о рукописях, присланных в конце XVIII в. в Синод, статьи К. Ф. Калайдовича о Мусине-Пушкине. Наконец, использованы работы Г. Н. Моисеевой, Л. А. Дмитриева и других исследователей, затрагивающие вопрос о составе коллекции Мусина-Пушкина и ее судьбе.

При реконструкции использована следующая система условных обозначений. Порядковый номер рукописи, поставленный в квадратные скобки, означает, что нали-

чие данной рукописи в коллекции предположительно. Порядковый номер рукописи, поставленный в круглые скобки, указывает, что названные обстоятельства поступления рукописи в коллекцию являются гипотезой. Отсутствие круглых и квадратных скобок показывает несомненное наличие данной рукописи в коллекции и соответствие действительности приведенных сведений об обстоятельствах ее поступления к Мусину-Пушкину. Порядковые номера рукописей, указанные через тире, означают общее количество поступлений в коллекцию при названных обстоятельствах. При этом, когда в источнике, послужившем основой для реконструкции, говорится о «нескольких» попавших к Мусину-Пушкину рукописях, условно имеется в виду число 2, а когда «много» — число 10.

Номер рукописи с одной звездочкой означает, что данная рукопись утрачена в 1812 г. Номер рукописи с двумя звездочками означает, что данная рукопись не известна, но существует определенная возможность ее обнаружения в подлиннике, копии или выписках, либо она дошла до нас в копии или выписке.

I. Рукописи, обстоятельства поступления которых в коллекцию неизвестны

1. По реестру Сербиновича: «№ 30. Летописец и Софийский временник из коллекции Засецкого. С надписью *Пушкин*, № *602*, в кожаном переплете» [7]. В описи Бередникова значилась под № 1 как «Летописец в четверку» конца XV или начала XVI в., на 554 л., без начала и конца, с повествованием до 1425 г.[8] Подробно описана при передаче сыновьями Карамзина в 1878 г. в Публичную библиотеку [9]. В настоящее время известна: ОР ГПБ. F. IV.298.

2**. По реестру Сербиновича: «№ 33. Видение патриарха Никона, разные грамоты, повествование о моровом поветрии 1604 года в Москве, слово Палладия мниха о втором пришествии, с надписью на корешке *графа М. Пушкина* и с № 630 и 284, в малом формате», в кожаном переплете [10]. В описи Бередникова значилась под № 5 как сборник на 427 л., XVII в., в 4^0, уставной и скорописный, содержащий: с л. 1 — уставную грамоту царя Алексея Михайловича о мытах и перевозах; с л. 10 — акты, относящиеся к жизнеописанию патриарха Никона; с л. 236 — окружную грамоту патриарха Никона о моровом поветрии 1656 г.; с л. 263 — слова из Скитского патерика и мелкие отрывки богословского содержания; с л. 413 — житие Иосифа Прекрасного; с надписью на переплете *графа М. Пушкина* [11].

3. По реестру Сербиновича: «№ 36. Подлинник гр[афа] Пушкина об иконах. Менологиум», в кожаном переплете [12]. В описи Бередникова не значится. В настоящее время известна: Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина, № 18.

4. По реестру Сербиновича: «№ 43. Видение патриарха Никона и пр[очее] с надписью *граф*[*а*] *Пушкина* № 631 и 381», в кожаном

переплете[13]. В описи Бередникова не значится. В 1867 г. передан в Публичную библиотеку сыновьями Карамзина и подробно описан как сборник на 121 л.[14] В настоящее время известен: ОР ГПБ, Q.1.612.

5. По описи Бередникова: «История в память предъидущим родом», в лист, XVII в., скорописью, на 170 л., с надписью на переплете: «*Графа Пушкина*»[15]. Находилась в распоряжении Н. М. Карамзина и передана в Симбирскую библиотеку его наследниками. В настоящее время известна: Ульяновский Дворец книги им. В. И. Ленина, № 15.

6**. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 2 как рукопись конца XVII в., в лист, на 111 л. Содержала: с л. 1 — оглавление статей астраханских наказов 1694 и 1672 гг.; с л. 9 — наказ астраханским воеводам И. А. Мусина-Пушкина 1694 г.; с л. 63 — наказ астраханским воеводам князя Я. Н. Одоевского 1672 г.; с л. 96 — статьи о калмыцких делах; с л. 10 — список с наказов прошлых лет, которые были в Астрахани. В рукописи имелись скрепы А. Чистого и М. Козырева[16]. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку не значилась.

7. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 4 как рукопись XVI в., на 473 л. в 4°, содержавшая русскую летопись, оканчивающуюся 1537 г. (без начальных листов)[17]. Возможно, в сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 15 — «Сборник без начала и конца об Александре Невском»[18], которую Г. Н. Моисеева[19] связывала с известной ныне: ГИМ. Чертк. № 360.

8. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 5 как рукопись XVII в., на 409 л. в 4°, содержащая с л. 1 — Повесть о нашествии Мамая; с л. 29 — Повесть об Александре Македонском; с л. 187 — Сказание о храбром витязе Бове королевиче; с л. 257 — Ихнилит; с л. 401 — Путешествие в Иерусалим Трифона Коробейникова[20]. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку, возможно, значилась под № 2 — «Сказание о Донском бою», которую Г. Н. Моисеева[21] связывает с известной ныне: ГИМ: Черт. № 361. Однако к описанной Коркуновым ближе ГИМ. Чертк. № 451.

9. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 7 как рукопись на 472 л., содержавшая статейный список посольства во Францию. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку значилась под № 1 — «Статейный список Петра Потемкина и Семена Румянцева, ездивших в 1678 г. в *Испанию* и *Францию*»[22]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 363.

10**. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку проходит под № 5 — «Барона Фоншредера царское сокровище»[23].

11. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 7 — «Кардинала Барония разное деяние церковное»[24]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 117.

12. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 12 — «История российская с избрания Шуйского до 1610 г.»[25] В настоящее время известна: ГИМ. Черт. № 119.

13. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 16 — «О прусех старых и о земле их, от немцев нареченной Пруйстен»[26]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 365.

14**. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 14 — «Догматическое богословие нового письма»[27].

15. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 8 — «Летопись келейная св[ятого] Дмитрия Ростовского»[28]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 327.

16. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 11 — «Летописец царствования Василия Иоанновича»[29]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 120.

17. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 10 — «Сказание о начале царства Казанского»[30], которую Г. Н. Моисеева[31] связывает с известной ныне: ГИМ. Чертк. № 186.

18. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку числилась под № 6 — «Кроника славянорусская о панствах русских, польских и литовских»[32], которую Г. Н. Моисеева[33] связывает с известной ныне: ГИМ. Чертк. № 220.

19**. Предложена в 1838 г. В. А. Мусиным-Пушкиным Археографической комиссии и в описи Коркунова значилась как «Жалованная грамота Ивана Васильевича игумену Троице-Сергиева монастыря Иоасафу 1556 г.»[34]

20**. Предложена в 1838 г. В. А. Мусиным-Пушкиным Археографической комиссии и в описи Коркунова значилась как «акт писан на молдавском языке, относится к концу XV или началу XVI столетий и содержит в себе подтверждение молдавского воеводы Стефана на владение имением Яшивы, с засвидетельствованием сына его Богдана и бояр, что продавец оного получил 800 златниц татарских»[35].

21. Пергаменный Требник XIV в., на 163 л. Подарен В. А. Мусиным-Пушкиным С. О. Шереметьеву[36]. В настоящее время известен: ЦГАДА. Рук. собр. № 4.

22*. Псковская летопись. Упомянута в комментариях к изданию Правды Русской 1792 г.[37]

23*. «Щетная мудрость, по просту же Черная книга... составлена почти вся из знаков и содержит многие арифметические правила и выкладки, даже и фальшивое правило, без употребления однако ж арабских цифров...» Упомянута Мусиным-Пушкиным в его исследовании о местоположении Тмутараканского княжества[38].

24*. Летопись, пергаменная, содержавшая Правду Русскую. Использована в качестве одного из списков при публикации Правды Русской в 1792 г.

25*. Сербское евангелие. Упомянуто Мусиным-Пушкиным в его «Примечаниях на древние славянские Месяцословы»[39].

26*. «Летопись Несторова гораздо старее и исправнее столь уважаемого Кенигсбергского списка, на пергамине»[40]. Хранилась в собрании в начале XIX в. Ею могла быть Троицкая летопись, летопись, использованная при издании Правды Русской, либо какая-то третья, ныне неизвестная пергаменная летопись.

27**. Двинские грамоты конца XV — начала XVI в. Использованы Карамзиным в «Истории»[41]. Копии, находившиеся в распоряжении Карамзина, известны: ГПБ. F.IV.335.

28*. «Весьма древний летописец, содержавший роспись городов». Использован в исследовании Мусина-Пушкина о Тмутараканском княжестве[42].

29*. Пергаменная псалтырь, написанная «большим полууставом в лист малой руки», с заставками. Впервые использована Олениным

в его письме к Мусину-Пушкину о Тмутараканском камне, где подробно описана [43].

[30]*. «Азбуковник», возможно, XII в. На наличие этой рукописи в 1792 г. у Мусина-Пушкина указал Й. Добровский [44].

[31]*. Евангелие с миниатюрами. На наличие этой рукописи в 1792 г. у Мусина-Пушкина указал Й. Добровский [45].

32. Цветник, или собрание разных повестей... Передан в Типографскую библиотеку Мусиным-Пушкиным до 1788 г. [46] В настоящее время известен: ГИМ. Синод. № 908.

[33]*. «Технология, состоящая из вопросов и ответов, в которой последовательность разделов или глав распределяется в алфавитном порядке от А — Ц...» [47].

34**. Сборник 1414 г., пергаменный, с житием вел. кн. Владимира. Использован Карамзиным, Олениным [48]. В настоящее время известен по копии начала XIX в. [49]

35**. «Жизнь княгини Дашковой». О наличии известных мемуаров (очевидно, в копии) кн. Е. Р. Дашковой в собрании Мусина-Пушкина уже в марте 1812 г. свидетельствует дневник сына графа — Владимира [50].

36. Впервые упоминается Мусиным-Пушкиным в марте 1812 г. в письме к А. Н. Оленину как приобретенная в январе 1812 г. в Ярославле — «Русская Правда, весьма древняя, писанная на пергамене, и к оной присовокуплен торговый договор Смоленского князя с Ригою XII века, весьма любопытный» [51]. Передана председателю ОИДР П. П. Бекетову для изучения [52]. От последнего через Калайдовича поступила в МАКИД. В настоящее время известна: ЦГАДА. Древлехранилище. Отд. V. Рубр. I. № 1.

II. Рукописи, изъятые из церковных хранилищ (в том числе по указу 1791 г.)

37. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 1 как рукопись в двух томах (на 255 и 320 л.) с хронографом, оканчивающимся 1532 г., и другими сочинениями [53]. По сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку проходит под № 9 как «Хронограф и в нем русская летопись до 1680 года, 2 части» [54]. Происходила из Костромского Богоявленского монастыря [55]. Использована Карамзиным в «Истории» под названием «Русский временник или Костромская летопись» [56]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 115а, 115б.

38. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 6 как рукопись XVI и XVII вв., на 341 л., в 4°, содержащая: с л. 1 — русскую летопись, оканчивающуюся в 1559 г.; с л. 342 — вопросы Феогноста, епископа Сарского Константинопольскому собору, с ответами; с л. 348 — о родословии сербских деспотов [57]. Принадлежала архимандриту Иакову. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку значилась под № 3 — «Летопись Симона-попа, бывшего на Флорентийском соборе» [58]. Изъята из числа рукописей, присланных из Костромы в Синод [59]. В настоящее время известна: ГИМ. Ф. 445. № 173.

39. Лаврентьевская летопись. Изъята в 1791—1792 гг. из числа рукописей, присланных из Новгородского Софийского собора. Использована Мусиным-Пушкиным при издании Поучения Владимира Мономаха (под названием «Суздальская летопись»), Н. М. Карамзиным в «Истории» (под названием «Суздальская», «Пушкинская харатейная» и др.). В 1811 г. передана Мусиным-Пушкиным в Пуб-

личную библиотеку через Александра I и в настоящее время известна: ОР ГПБ. F.IV.2.

40*. Хронограф на 570 л. (590 л.). Принадлежал библиотеке Ростовского архиерейского дома. Изъят в августе 1792 г. [60]

41*. Хронограф на 480 л. (492 л.). Принадлежал библиотеке Ростовского архиерейского дома. Изъят в августе 1792 г. [61]

42*. Хронограф на 429 л. (432 л.). Принадлежал библиотеке Ростовского архиерейского дома. Изъят в августе 1792 г. [62]

43*. Степенная книга на 752 л. Принадлежала библиотеке Ростовского архиерейского дома. Изъята в августе 1792 г. [63] В настоящее время неизвестна. Сохранилась выписка из этой рукописи: ГБЛ. М. 3204. Л. 208—210 об.

44**. Хронограф «на корню переплета, как видно, нового, кожаного, Ростовским надписанного, который писан старинным, нехорошим и, как кажется, не очень давно почерком, начат Шестодневом библейским, продолжался по 4-м монархиям, где в греческой истории сказано и о переменах султанов Турецких, в которой началось повествование и о России». Известен по трем копиям начала XIX в. [64] Возможно, они являются копиями части одного из хронографов 40, 41, 42.

45*. «Летопись Федора Кемского». Изъята из числа рукописей, присланных в Синод из Московской Синодальной конторы, по реестру которой числилась под № 30(50) [65]. Использована Щербатовым, а затем Карамзиным.

[46]*. «Описание городов и рек российских, скорописная в четверть». Изъята из числа рукописей, присланных из Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, в реестре которых значилась под № 55 [66].

[47]*. Хронограф, в лист. («История церьковная Ветхаго и Новаго завета и гражданская с частым баснословных повестей прибавлением по 1687 г.»). Изъята из числа рукописей, присланных из Кирилло-Белозерского монастыря, в реестре которых значилась под № 3(624) [67].

[48]*. «Палея, история о создании мира, о древних патриархах, о Моисеи и прочиих ветхозаконных с разными баснословными примешанными повестьми, в той же книге повесть о разделении латин от греков, тако жде царские, на письменное от папского посланника представление, ответы». Изъята из числа рукописей, присланных из Кирилло-Белозерского монастыря, в реестре которых значилась под № 5(592) [68].

[49]*. «Книга соборник, житие Саввы Сербского и житие Павла Обнорского, о горе Афонстей, без крайца и без доски». Изъята из числа рукописей, присланных из Ферапонтова монастыря, в реестре которых значилась под № 6(59) [69].

[50]*. «Летописец в кожаном переплете без начального листа: в нем на 7-й странице означен год от сотворения мира 6360, а от рождества Христова 852, окончен же 7045 годом. Всего на 229 листах». Изъят из числа рукописей, присланных из Нижнегородского Печерского монастыря [70].

[51]*. «Сборник Адриана патриарха, писанный уставом». Изъят из библиотеки Новгородского Софийского собора.

[52]*. «Проскинитарий Арсения Суханова». Изъят из библиотеки Новгородского Софийского собора.

[53]**. «Письма царя Алексея Михайловича к патриарху Никону». Изъяты из библиотеки Новгородского Софийского собора.

[54]*. «Степенная книга о царе Феодоре Иоанновиче». Изъята из библиотеки Новгородского Софийского собора.

[55]*. «Современная рукопись о смерти государя Петра». Изъята из библиотеки Новгородского Софийского собора [71].

[56]*. «Повесть о царствовании царей римских и пр[очее]». Изъята из одного из хранилищ Казанской епархии.

[57]*. «Хронограф, в нем история о сотворении мира». Изъят из одного из хранилищ Казанской епархии.

[58]*. «Книга о создании и пленении Троянском». Изъята из одного из хранилищ Казанской епархии [72].

[59]*. «Житие Петра Великого, императора». Изъята в 1796 г. из библиотеки вятского и великопермского епископа Л. Барановича.

[60]*. «Иго законное». Изъята в 1796 г. из библиотеки вятского и великопермского епископа Л. Барановича.

[61]*. «О начале Новагорода и всего славено-русского народа». Изъята в 1796 г. из библиотеки вятского и великопермского епископа Л. Барановича [73].

[62]. «Часослов, писанный на баргамине». Изъят через Арсения Верещагина около 1788 г. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря, в описях которой значился под № 247 и 249.

[63]*. «Псалтырь на баргамине». Изъята через Арсения Верещагина около 1788 г. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря, в описях которой значилась под № 272 и 274.

[64]*. «Аввы Дорофея». Изъята через Арсения Верещагина около 1788 г. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря, в описях которой значилась под № 279 и 280.

[65]*. «Хронограф в десть» («Книга Гранограф, писменная в десть, в переплете»). Изъят через Арсения Верещагина около 1788 г. из ризницы Спасо-Ярославского монастыря, в описях которой значился под № 67, 285, 286 [74]. Возможно, включал рукопись «Слово о полку Игореве» [75].

[66]*. «Ведение о расстоянии от Москвы до иных государств, путь к Стекгольму и проч.» Изъята из числа рукописей Макарьевского Желтоводского монастыря [76].

[67]*. Хронограф. Изъят из числа рукописей Новоспасского монастыря, в реестре которого значился под № 1145 [77].

[68]**. «Выписка из найденных в архиве Рязанской консистории старинных бумаг о некоторых достопамятностях» [78]. В настоящее время известна в списках: РО КМ. Д. 11209; ГИМ. Увар. Д. 1410; ГБЛ. Собр. И. Д. Беляева. Д. 1521. Ф. 256. Д. 98; ЦГАДА. Ф. 180. Д. 680.

III. Рукописи из архива и коллекции И. Н. Болтина (поступили после ноября 1792 г.)

69**. Соч. Болтина «Толковый словяно-российский словарь» на букву А и материалы для его продолжения [79].

70**. Соч. Болтина «Выписки для уразумения древних летописей, с изъяснением древних слов, из употребления вышедших, и географических мест, упоминаемых в летописях наших» [80]. В настоящее время известно по двум копиям: ГБЛ. Ф. 256. Д. 395; Ф. 205. Карт. 124. Д. 1.

71—72*. «Критические примечания» Болтина на 1-й и 2-й тома «Истории» Щербатова [81]. Опубликованы Мусиным-Пушкиным в 1793—1794 гг.

(73)*. Список Книги Большому Чертежу. Возможно, поступил из коллекции Крекшина в 1791 г. или ранее [82]. По этому списку Болтин опубликовал «Описание дороги, которою татары хаживали в Россию» [83]. Использован при издании памятника в 1792 г.

74**. «Письменная тетрадка о начале запорожских казаков, сочиненная с предания, обносящегося между ними». Частично пересказана Болтиным [84].

75**. Беловой автограф соч. Болтина «Перевод энциклопедии до буквы К» [85].

76**. Соч. Болтина «Историческое и географическое описание наместничеств» [86].

77**. Соч. Болтина, включавшее «Описание городища на берегу реки Ворсклы» [87].

(78)*. «Словарь географический и политический» Татищева — «подлинный» [88]. Возможно, поступил из коллекции Крекшина. Издан Мусиным-Пушкиным в 1793 г.

79**. «От архиереев российских ответное письмо Сорбонским учителям». Опубликовано Болтиным [89].

(80). Сборник актов, относящихся к патриарху Никону. Передан Мусиным-Пушкиным Карамзину и в настоящее время известен: ОР ГПБ. F.IV.334.

81—170*. Неизвестные рукописи из числа тех, которые входили в «свыше ста связок» архива и коллекции Болтина.

IV. Рукописи из архива и коллекции И. П. Елагина (поступили после сентября 1793 г.)

171**. Рукопись «повседневных путевых записок путешествия Пимена в Царьград». Ранее находилась в библиотеке А. П. Волынского. Использована Елагиным в «Опыте повествования о России» уже в 1788 г.[90]

172**. Новгородская летопись, подписанная царевичем Алексеем Петровичем («Хронограф Новгородский», написанный в 1716 г.). Использована Елагиным в «Опыте повествования о России» [91].

173**. «Скорописная летопись под именем Мамаева побоища». Использована Елагиным в «Опыте повествования о России» [92].

174**. «Рукописный список князя Курбского». Использован Елагиным в «Опыте повествования о России» [93].

175**. «Степенная книга». Ранее находилась в библиотеке Волынского. Использована Елагиным в «Опыте повествования о России» [94].

176. «Опыт российской истории Елагина, сочинителевою рукою правленный...» В настоящее время известен: ОР ГПБ. F.IV.34/1—6; F.IV.651/1—5.

(177). Сборник, известный как «Смесь Елагинская». Использован Карамзиным, в библиотеке которого хранился под № 8. В настоящее время известен: ОР ГПБ. F.IV.217.

178—187*. «Премножество бумаг весьма любопытных» [95].

V. Рукописи из архива и коллекции А. А. Барсова (поступили после 1791 г.)

[188]*. Сборник черновых и подготовительных материалов к труду А. А. Барсова и Х. А. Чеботарева «Сведения о России».

[189]*. Сборник черновых и подготовительных материалов к труду Барсова «Собрание 4291 древних российских пословиц».

[190]*. «Образчик» подготовленного Барсовым труда «Словарь исторический лиц с их деяниями, приключениями и обстоятельствами».

[191]*. «Образчик» подготовленного Барсовым труда «Словарь исторический вещей и происшествий с обстоятельствами ж».

[192]*. «Образчик» подготовленного Барсовым труда «Словарь географический мест с происшествиями, в них случившимися».

[193]*. «Чужестранные на разных языках списки, журналы, из них деланные и впредь деланные, выписки и росписи книг печатных и письменных», подготовленные Барсовым.

[194]**. Фрагменты труда Барсова «Свод бытий Российских»[96].

195—204*. «Множество летописей»[97].

VI. Рукописи из архива и коллекции Екатерины II

205**. Черновые автографы «Записок касательно Российской истории» Екатерины II. Подарены императрицей в 1791 г. или позже.

206—207*. «Несколько списков для нового Уложения», т. е., очевидно, копии наказов или екатерининского Наказа Уложенной комиссии. Подарены Екатериной II в 1791 г. или позже.

208—213*. «Несколько пергаменных книг, древних летописей и бумаг»[98], в том числе пергаменная рукопись с житием муромского князя Константина Святославича, использованного Карамзиным в «Истории»[99].

VII. Рукописи из архива и коллекции протоиерея П. А. Алексеева (Москва), а также приобретенные через него

214*. «Краткое и новейшее из лучших писателей московское описание, 1687 г., в десть». Приобретена в начале 90-х годов.

215*. «Две малороссийского письма книги о россиянах, посылаемых в Пекин». Приобретены в начале 90-х годов.

216*. «Летописец старинный на 118 тетрадях, в лист, писанный древним почерком и в переплете исправном... начального и самых последних листов не имеется». Приобретен в 1792 г. за 50 руб.

217*. Копия грамоты Лжедмитрия, «писанная по латыни и через иезуита отправленная к папе римскому Павлу V в 1605 г.», с переводом на русский язык. Подарена в 1793 г.[100]

VIII. Рукописи из архива и коллекции П. Н. Крекшина

218*. Никоновская летопись с правкой патриарха, «простирающаяся до кончины царя Ивана Васильевича Грозного, или до 1584 г.» Использована Елагиным в «Опыте повествования о России» уже в 1788—1789 гг.[101]

219. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 3 как рукопись XVI в., на 355 л, содержавшая русскую летопись, оканчивавшуюся 1523 г., с л. 321 — краткую роспись русских князей; с л. 330 — краткое родословие; с л. 338 — о походе Ивана Васильевича на Казань. Принадлежала князю Ф. Кривоборскому[102]. В сдаточной описи 1866 г. в Чертковскую библиотеку значилась под № 13 как «Повести времен и лет до царя Алексея Михайловича»[103]. Использована Щербатовым (по копии), Болтиным и Карамзиным под названием «Ле-

топись Кривоборского»[104]. В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 362.

(220)*. «Несторова летопись с дополнениями деяний и примечаниями» — автограф Татищева[105]. Возможно, часть «Истории Российской» Татищева.

(221)*. «Роспись на первые пять книг Иродотовой истории» — автограф Татищева[106].

222*. Сборник автографов Петра I из 37-томного «чернового журнала Петра I», составленного Крекшиным. Поступил в 1791 г. от В. С. Сопикова[107].

223*. Три тома «Записок русской истории» Крекшина[108].

(224—233)*. «Многие переводы древних рунических и готфских писателей о русской земле». Возможно, поступили из архива Татищева через коллекцию Крекшина до 1791 г.[109]

IX. Рукописи, приобретенные через Арсения Верещагина

234*. Еврейская Псалтырь. Получена в 1789 г. из Ярославля.

235*. «Письменная в десть старинная книга Правила Никейские». Получена в 1790 г. из Ярославля.

236*. «Старинное Евангелие в десть». Получена в 1797 г. из Ярославля[110].

X. Рукописи, поступившие от А. Н. Оленина

237**. «Выписка о холопах». Получена в 1803 г. и, очевидно, использована Мусиным-Пушкиным в исследовании о Холопьем городе[111].

238*. Перевод «Евгениева сочинения с итальянского языка». Очевидно, речь идет о каком-то труде Евгения Булгара, перевод которого в 1803 г. был изготовлен для Мусина-Пушкина через Оленина[112].

XI. Рукописи, подаренные архангельским архиепископом Аполлосом Байбаковым

239—248*. «Многие письменные книги»[113].

XII. Рукописи, подаренные графом Г. И. Головкиным

249—250*. «Несколько летописей»[114].

XIII. Рукописи, подаренные астраханским архиепископом Никифором

251—252*. Включая «редкое греческое евангелие с толкованием св. отцов, в IX веке писанное»[115].

XIV. Рукописи, подаренные Г. Р. Державиным

253**. Сборник неизданных стихотворений Державина (черновые автографы), подарен поэтом в 1795 г. или позже[116].

254**. Соч. Державина «Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев Белоруссии»[117]. В настоящее время известна копия этих сочинений, изготовленная по поручению Н. Н. Бантыш-Каменского с рукописи Мусина-Пушкина для МАКИД: ЦГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Ч. 1. Д. 225/395.

255**. Сборник политических и публицистических сочинений Державина, содержавший в числе прочего «Духовную», «Правила третейского совестного суда».

256. Стихотворение Державина «Колесница». Подарено автором в 1804 г.[118] В настоящее время известно[119].

[257]*. Материалы к биографиям русских писателей[120].

XV. Сочинения других современников, подаренные их авторами

258**. Соч. Евгения Булгара «Ответ на вопрос графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, предложенный по приказанию государыни императрицы Екатерины II о том, как лучше и пристойнее можно польских униатов обратить и соединить с православной греческой церковью» (1793 г.)[121].

259*. Соч. Евгения Булгара «Историческое разыскание о времени крещения российской великой княгини Ольги». Опубликовано Мусиным-Пушкиным в 1792 г.

260*. Переписка Евгения Булгара с С. Сестренцевичем-Богушем о сарматском языке. Опубликована Мусиным-Пушкиным в 1803 г.

261—262*. Сочинения ростовского и ярославского архиепископа Арсения Верещагина (черновые автографы).

263—264*. Сочинения новгородского митрополита Гавриила Петрова (черновые автографы).

265—266*. Сочинения киевского митрополита Самуила Миславского (черновые автографы)[122].

XVI. Рукописи из коллекции И. Быковского

267**. Письма Дмитрия Ростовского и Стефана Яворского. В настоящее время известны их копии, полученные Н. П. Румянцевым от С. П. Соковнина, который в свою очередь изготовил их с подлинников, хранившихся у Быковского[123]. ГБЛ. Ф. 256. Л. 407.

(268)*. «Труды святого Димитрия Ростовского, его рукою писанные»[124].

269*. Сборник со «Словом о полку Игореве»[125].

XVII. Рукописи, приобретенные через И. Ф. Ферапонтова

270—279*. Неизвестны[126].

XVIII. Труды А. И. Мусина-Пушкина, а также другие материалы его личного архива и библиотек его родственников

280**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Историческое и топографическое описание Ярославской губернии». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне.

281**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Историческое и топографическое описание Новгородской губернии». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне.

282**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Историческое и топографическое описание Тверской губернии». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне.

283**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Подробное описание города Рыбенска с примечаниями о пристани и планом города». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне.

284**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Исследование о головах, найденных в городском валу города Твери». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне.

285**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина (?) «Описание свадьбы царя Михаила Федоровича с картинами». Подарено в 1809 г. вел. кн. Екатерине Павловне»[127].

286**. Соч. А. И. Мусина-Пушкина «Книга о словоударениях»[128]

287**. Дневник А. И. Мусина-Пушкина — «Повседневные записки о всем, где был и что любопытного заметил» за 1772—1775 г. и «журнал», в котором записывались «до сведения его доходящие исторические и политические происшествия и анекдоты» за 1775—1797 гг.[129]

288*. «Подлинные письма» первооткрывателя Тмутараканского камня (очевидно, бригадира Пустошкина). Упоминаются в исследовании Оленина о Тмутараканском камне[130].

289**. «Записка, учиненная преосвященным Георгием Конисским, архиепископом Могилевским о отнятых во время его тамо епископства и обращенных на унию церквах; с показанием, каким именно насилием и коварством оное последовало отнятие». Сообщена Мусиным-Пушкиным Н. Н. Бантыш-Каменскому и опубликована последним в исследовании о польской унии[131].

290. «Рука риторическая». Рукопись из библиотеки сенатора И. Я. Мусина-Пушкина. Выявлена Г. Н. Моисеевой[132] и в настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 382.

291. «Приемы циркуля и линейки». Рукопись из библиотеки сенатора И. Я. Мусина-Пушкина. По описи Коркунова значилась в числе отобранных в 1838 г. в Археографическую комиссию под № 8 как «Книга разумения или рещи учения человеческого, о познании сошного и вытного письма и хлебной клади поместных и вотчинных и монастырских и церковных земель», скорописная на 181 л.[133] Под аналогичным названием (несколько сокращенном) проходит под № 4 в сдаточной описи 1866 г. Чертковской библиотеки[134]. Является списком изданной в 1709 г. в Москве книги «Приемы циркуля и линейки или избраннейшее начало во математических искусствах, имнее возможно легким и новым способом доступити Землемерия и иных из оного происходящих искусств». В настоящее время известна: ГИМ. Чертк. № 359.

1 ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 156. Л. 4 об.— 5.

2 ЖМНП. 1838. № 10. С. 158—163.

3 Там же. № 12. С. 577—579.

4 О Чертковской библиотеке // Русский архив. 1867. Кн. 1/3. С. 318—319.

5 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1867 год. СПб., 1868. С. 56—109; То же за 1878 г. СПб., 1879. С. 9—19.

6 ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363—363 об.

7 ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 156. Л. 4 об.

8 ЖМНП. 1838. № 10. С. 159.

9 Отчет... за 1878 г. С. 15.

10 ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 156. Л. 4 об.

11 ЖМНП. 1838. № 10. С. 161.

12 ЦГИА СССР. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 156. Л. 4 об.

13 Там же. Л. 5.

14 Отчет... за 1867 г. С. 74—79.

15 ЖМНП. 1838. № 10. С. 162.

16 Там же. № 12. С. 577.

17 Там же. С. 578.

18 О Чертковской библиотеке... С. 318—319.

19 *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей» А. И. Му-

сина-Пушкина // Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник, 1983. Л., 1985. С. 19.

[20] ЖМНП. 1838. № 12. С. 578—579.

[21] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей»... С. 19.

[22] О Чертковской библиотеке... С. 318.

[23] Там же.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 319.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] Там же.

[29] Там же.

[30] Там же.

[31] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей»... С. 19.

[32] О Чертковской библиотеке... С. 318.

[33] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей»... С. 19.

[34] ЖМНП. 1838. № 5. С. 284—285.

[35] Там же. № 10. С. 169.

[36] *Князевская О. А.* Восемь пергаменных рукописей из собрания ЦГАДА // ТОДРЛ. М., 1962. Т. 18. С. 437—439.

[37] Правда Руская или законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. С преложением древнего оных наречия и слога на употребительные ныне и с объяснением слов и названий, из употребления вышедших. СПб., 1792.

[38] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование о местоположении древняго Российскаго Тмутараканскаго княжения. СПб., 1794. С. 52.

[39] *Мусин-Пушкин А. И.* Примечания на древние славянские месяцословы // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 58.

[40] ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363 об.

[41] *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1842. Т. 4. Примеч. 206, 328, 386; Т. 5. Примеч. 134, 244, 348, 361, 364, 404; Т. 6. Примеч. 42, 86.

[42] *Мусин-Пушкин А. И.* Историческое изследование... С. 14.

[43] *Оленин А. Н.* Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском, найденном на острове Тамани в 1792 году. СПб., 1806. С. 18, 24 и др.

[44] *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси в изучении Йозефа Добровского // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983. С. 96.

[45] Там же. С. 97.

[46] *Покровский А. А.* Древнее псковско-новгородское письменное наследие: Обозрение пергаментных рукописей Типографской и Патриаршей библиотек в связи с вопросом о времени образования этих книгохранилищ. М., 1911. С. 253.

[47] *Моисеева Г. Н., Крбец М. М.* Памятники Киевской Руси... С. 96.

[48] *Оленин А. Н.* Указ. соч. С. 39, 40.

[49] Записки Академии наук. СПб., 1893. Т. 71, кн. 1. Прил. 5. (Публикация).

[50] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 644. Л. 41.

[51] *Аксенов А. И.* Из эпистолярного наследия А. И. Мусина-Пушкина // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 232.

[52] *Калайдович К. Ф.* Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина // Записки и труды ОИДР. М., 1824. Ч. 2. С. 20—21.

[53] ЖМНП. 1838. № 12. С. 577.

[54] О Чертковской библиотеке... С. 318.

[55] Подробное описание см. с. 102—103 настоящей книги.

[56] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 3. Примеч. 360.
[57] ЖМНП. 1838. № 12. С. 579.
[58] О Чертковской библиотеке... С. 318.
[59] *Лаврентьев А. В.* Ранний список Холмогорской летописи из собрания А. И. Мусина-Пушкина // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 323—334.
[60] *Дмитриев Л. А.* История открытия рукописи «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 428.
[61] Там же.
[62] Там же. С. 428—429.
[63] Там же. С. 429.
[64] Подробнее см.: *Козлов В. П.* Об одном хронографе из собрания А. И. Мусина-Пушкина // Летописи и хроники, 1984: Сб. статей. М., 1984. С. 113—120.
[65] ГБЛ. Ф. 96. Д. 10. Л. 96—97.
[66] Там же. Л. 31 об.
[67] Там же. Л. 81.
[68] Там же.
[69] Там же. Л. 150.
[70] Там же. Л. 160.
[71] О рукописях 51—55 см.: *Куприянов И.* Обозрение пергаменных рукописей Новгородской Софийской библиотеки. СПб., 1857. С. IX.
[72] О рукописях 56—58 см.: ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. 1. Д. 10300. Л. 13—14 об.
[73] О рукописях 59—61 см.: Описание рукописей, хранящихся в Архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1904. Т. I. С. VII—VIII.
[74] О рукописях 62—65 см.: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве». 2-е изд. Л., 1984. С. 84—85.
[75] Ср. ниже, № 269.
[76] ЦГИА СССР. Ф. 796. Оп. 72. Д. 280. Л. 72—72 об.
[77] Там же. Л. 72.
[78] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. № 7. С. 69.
[79] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17—18.
[80] Друг просвещения. 1805. Ч. 3. С. 66.
[81] Там же.
[82] Там же.
[83] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1. С. 555, 556.
[84] Там же. С. 364—365.
[85] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17—18.
[86] Там же.
[87] *Болтин И. Н.* Критические примечания генерал-майора Болтина на второй том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1794. С. 112.
[88] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17—18.
[89] *Болтин И. Н.* Примечания на Историю древния и нынешния России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 2. С. 216—224.
[90] ОР ГПБ. F. IV.34/3. С. 240.
[91] Там же. F. IV.34/1. С. 320.
[92] Там же. F. IV.34/4. С. 517.
[93] Там же. F. IV.34/6. С. 108.
[94] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. М., 1803. Ч. 1. С. 220.
[95] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 18.
[96] О возможности поступления рукописей 188—194 в коллекцию

см.: *Барсов А. А.* Свод бытий российских: (Из рукописей покойного г. профессора Антона Алексеевича Барсова; выписано с точным наблюдением его орфографии) // Московский журнал. 1792. Ч. 7. С. 344—357.

[97] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17.

[98] О рукописях 205—213 см.: Там же. С. 16.

[99] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 1. Примеч. 214, 216, 221, 236; Т. 3. Примеч. 153.

[100] О рукописях 214—217 см.: Русский архив. 1882. Кн. 2. С. 82, 83, 87.

[101] *Елагин И. П.* Опыт повествования о России. С. 101 и др.

[102] ЖМНП. 1838. № 12. С. 577.

[103] О Чертковской библиотеке... С. 318.

[104] *Карамзин Н. М.* Указ. соч. Т. 2. Примеч. 153. См. также: *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей»... С. 20.

[105] ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363 об.

[106] Друг просвещения. 1805. Ч. 3. С. 66—67; *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17.

[107] Там же. С. 6, 7.

[108] *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1893. Кн. 7. С. 311—312.

[109] ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363, 363 об.

[110] О рукописях 234—236 см.: *Моисеева Г. Н.* Спасо-Ярославский хронограф и «Слово о полку Игореве»... С. 89—90.

[111] ГПБ. Ф. 542. Д. 261. Письмо 10.

[112] Там же.

[113] *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 17.

[114] Там же. С. 7.

[115] Там же. С. 17.

[116] Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. СПб., 1876. Т. 6. С. 663, 664.

[117] Там же. С. 106; Т. 2. СПб., 1869. С. 263.

[118] Там же. Т. 1. СПб., 1868. С. 375.

[119] Там же. С. 375—376.

[120] Там же. Т. 6. С. 184.

[121] Друг просвещения. 1806. Ч. 3. С. 69.

[122] О рукописях 261—266 см.: *Калайдович К. Ф.* Указ. соч. С. 16.

[123] *Козлов В. П.* К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. Вып. 41. С. 26.

[124] ОР ГПБ. Погод. 2009/1. Л. 363.

[125] Ср. выше, 65.

[126] *Калайдович К. Ф.* Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферапонтовиче Ферапонтове, первом собирателе оных. М., 1812. С. 73—74.

[127] О рукописях 280—285 см.: ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. I. Д. 10304.

[128] *Забелин И. Е.* Письма и записки от разных лиц к гр. Д. И. Хвостову // Библиографические записки. СПб., 1859. Т. 2. С. 338.

[129] ЦГАДА. Ф. 1270. Оп. I. Д. 25. Л. 1—2.

[130] *Оленин А. Н.* Указ. соч. С. 37.

[131] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Историческое известие о возникшей в Польше унии. М., 1805. С. 451—454.

[132] *Моисеева Г. Н.* О «Собрании российских древностей»... С. 21.

[133] ЖМНП, 1838, № 12. С. 579.

[134] О Чертковской библиотеке... С. 318.

Указатель имен*

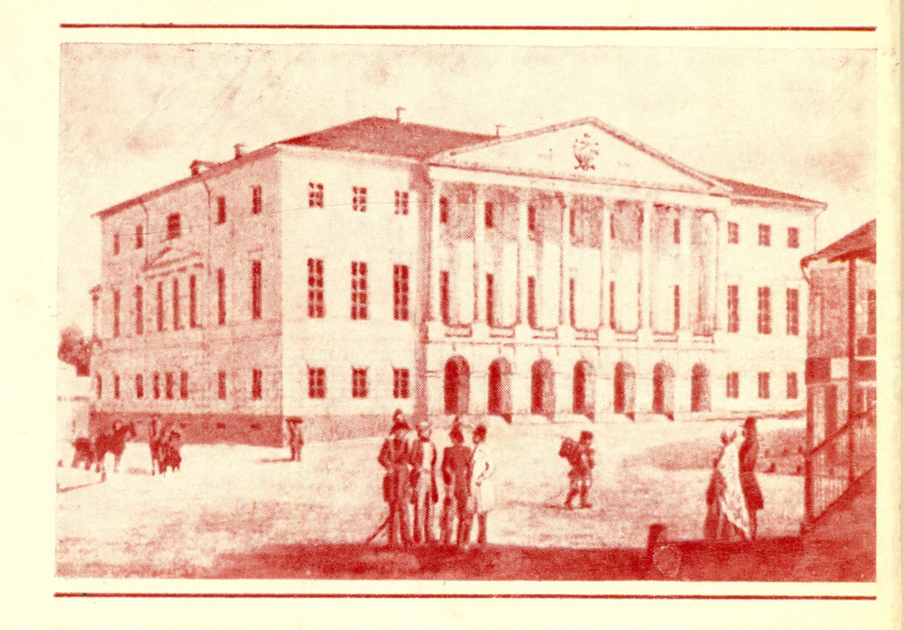
---

* Указатель составлен Е. В. Козловой.

Принятые сокращения: архиеп.— архиепископ, архим.— архимандрит, бар.— барон, вел.— великий, воев.— воевода, герц.— герцог, гр.— граф, еп.— епископ, иг.— игумен, имп.— император, имп-ца — императрица, кард.— кардинал, кн.— князь, кнг.— княгиня, кор-ч — королевич, митр.— митрополит, патр.— патриарх, св.— святой, ц-ч — царевич.

Содержание

1 р. 20 к.



В книге на основе новых архивных находок рассматриваются загадочные, спорные и малоизученные страницы открытия «Слова о полку Игореве», подготовки его первого издания и гибели рукописи в огне московского пожара 1812 г. В книге содержатся также новые данные об открытии древнерусской поэмы, ее первых исследователях; приводится самая ранняя из ныне известных характеристик памятника, включенная в найденную В. П. Козловым рукопись историка И. П. Елагина «Опыт повествования о России». На широком и разнообразном фактическом материале рассказывается о деятельности замечательной плеяды отечественных ученых, объединенных известным государственным деятелем второй половины XVIII в. графом А. И. Мусиным-Пушкиным. Их кружок собирал, изучал и издавал документальные памятники русской культуры и истории. Автор книги В. П. Козлов реконструировал знаменитую «книгохранительницу» Мусина-Пушкина, содержавшую уникальные исторические источники по русской истории XII — начала XIX в.

·Наука·